

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

12 2025
ЧАСТЬ II

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 12 (563) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшоода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Сергей Юрьевич Таскаев* (1959), доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией Института ядерной физики имени Г. И. Будкера Сибирского отделения РАН.

Сергей Юрьевич защитил докторскую диссертацию по теме «Ускорительный источник эпитепловых нейтронов» на базе Института ядерной физики СО РАН. В настоящее время Таскаев является доктором физико-математических наук, главным научным сотрудником Института ядерной физики СО РАН, заведующим лабораторией бор-нейтронзахватной терапии Новосибирского государственного университета, президентом Фонда развития нейтрон-захватной терапии «ФОРА».

В 2024 году он стал финалистом национальной премии «Россия — страна возможностей», а также лауреатом национальной премии в области будущих технологий «Вызов» в номинации «инженерное решение», которая присуждается за важное изобретение или создание новой технологии.

Новосибирский ученый получил премию за разработку компактного ускорительного источника нейтронов, пригодного для широкого круга исследований, в частности для бор-нейтронзахватной терапии. Благодаря новой технологии в будущем станет возможным вывести на принципиально новый уровень методы бор-нейтронзахватной терапии для лечения злокачественных опухолей, которые раньше считались неоперабельными.

«Методика нейтронзахватной терапии принципиально отличается от всех других — она доставляет дозу губительного ионизирующего излучения именно в клетки опухоли, оставляя здоровые клетки нетронутыми. Во всех других случаях вы либо вырезаете какой-то объем ткани, полагая, что это опухоль, либо доставляете дозу ионизирующего излучения в какой-то объем ткани, полагая, что это опухоль. Когда вырезается опухоль, вырезается и здоровая ткань или остаются частицы опухоли. То же самое и про лучевую терапию», — рассказал Сергей Таскаев интернет-порталу проекта «Россия — страна возможностей».

«Дело в том, что бор (точнее, его нерадиоактивный изотоп бор-10) эффективно захватывает нейтроны, пролетающие мимо. Такое у него свойство. Он их поглощает, а после облучения пучком нейтронов в опухолевой клетке происходит ядерная реакция с большим выделением энергии. Проще говоря — взрыв.

Почти вся энергия выделяется именно в раковой клетке, где есть ядро бора, что приводит к её гибели. Здоровые клетки не за-

трагиваются. Также важно, что метод позволяет уничтожать раковые клетки в метастазах, когда другие виды лечения уже не помогают», — пояснил ученый в интервью «Аргументам и фактам».

Портативный источник нейтронов способен помещаться в лабораторию клиники, но в то же время сопоставим по интенсивности излучения с ядерным реактором. Контроль за параметрами пучка позволяет следить за дозой облучения, чтобы терапия проходила более эффективно, с минимумом негативных воздействий на организм. Помимо лечения злокачественных опухолей источник также может использоваться для изучения параметров ядерных реакций, измерения деградации материалов под действием нейтронного излучения, дифракции нейтронов на кристаллических структурах, создания коллайдера на встречных нейтронных пучках.

«Четверть века тому назад не было ускорителей заряженных частиц на требуемые параметры, и мы предложили новый ускоритель, который через некоторое время стали называть ускорителем-танDEMом с вакуумной изоляцией, — сказал ученый в интервью интернет-порталу «Атомная энергия». — В ту пору также считалось, что литиевую мишень на такие параметры сделать невозможно; хорошо, что мы об этом узнали после того как сделали ее. Предлагаемый нами проект был, конечно, инновационным, но практически все говорили, что работать он не будет. Так и получилось: сделали ускоритель, получили на нем почти требуемое напряжение, но пучок протонов получили со в сто раз меньшим током, чем обещали. Поскольку работа велась на энтузиазме, то у остальных членов команды энтузиазм пропал. Мне же удалось из студентов создать новую команду, с которой все получилось: удалось реализовать несколько новых идей и увеличить ток пучка протонов до требуемого, удалось сделать литиевую мишень сначала для терапии как минимум одного пациента, а сейчас — для терапии сотен».

Ученый является автором и соавтором шести патентов, более двухсот научных публикаций.

Сергей Юрьевич женат, имеет двоих взрослых детей, которые работают в Академгородке. Сам он увлекается прогулками на лыжах, путешествиями по Алтаю и фотографией. Недавно была опубликована его книга «Краски света».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Антропова В. Е.**
Эволюция понятия субъекта преступления и формирование личности преступника в отечественном уголовном праве71
- Бондаренко Е. В.**
Понятие, признаки и виды коррупции73
- Бурындина Л. С., Илькова А. А.**
Электронные сделки и их влияние на правовую систему Российской Федерации...76
- Вахрушева О. П.**
Влияние цифровизации на защиту коммерческой тайны78
- Великоиваненко А. В.**
Утечка данных при заключении договоров с использованием цифровых технологий.....80
- Воронина Г. С.**
Вновь открывшиеся обстоятельства как основания для пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу82
- Гаптеррахманов А. Р.**
Уголовно-правовые аспекты признания ИИ субъектом преступления85
- Гостевских А. Г.**
Отправные начала обеспечения охраны окружающей среды правовыми мерами в ХМАО — Югре87
- Донецкая С. В.**
Актуальные проблемы системы управления органами внутренних дел90
- Елизаров А. И.**
К проблеме определения предмета договора купли-продажи недвижимости.....91
- Жидков С. М.**
Индивидуальная профилактика разбойных нападений.....94
- Зацепина В. А., Осокина А. М.**
Организация специальных операций: понятие, их роль и примеры.....96
- Ищенко М. А.**
Специфика расследования коммерческого подкупа как коррупционного преступления в процедуре банкротства99
- Кабакова С. В.**
Непреодолимая сила как основание освобождения от ответственности за нарушение обязательств, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности 103
- Казымова Д. Р.**
К вопросу о перспективах принципа реального исполнения обязательства 106
- Камилев А. Л.**
Определение понятия «несообщение о преступлении» 108
- Камилев А. Л.**
Пути совершенствования уголовного законодательства за несообщение о преступлении 112
- Кардаильская М. Г.**
Использование доказательств: закономерности и роль в процессе доказывания 116
- Кочетова С. С.**
Правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в России 118
- Кочетова С. С.**
Правовое регулирование административного выдворения иностранных граждан из России.... 120
- Кухарева Я. С.**
Правовое обеспечение судей судов общей юрисдикции 122
- Лавелин А. С., Логинова В. О.**
Актуальные проблемы легального определения земельного участка 124
- Люкшина Н. В.**
Понятие и критерии банкротства физических лиц 127
- Максимов Н. И.**
Уклонение от уплаты налогов: уголовно-правовой анализ 129

Мархель Л. В.		Нестерова Ю. А.	
Сервитут: понятие, виды.....	132	Об особенностях признания права собственности на земельный участок в порядке приобретательной давности.....	137
Мельник В. Ю.		Никитина К. А.	
Нормативное правовое регулирование развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации	134	Причинение смерти по неосторожности: проблемы квалификации	140
		Панченко В. Б.	
		Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих	145

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Эволюция понятия субъекта преступления и формирование личности преступника в отечественном уголовном праве

Антропова Валерия Евгеньевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

Исследование посвящено историческому развитию категории субъекта преступления в отечественном уголовном праве и анализу факторов, влияющих на формирование личности преступника. Автор рассматривает ключевые трансформации законодательства и правоприменения в дореволюционный, советский и современный периоды, акцентируя внимание на смене парадигмы от оценочного подхода к научно обоснованным критериям вменяемости и возрастной ответственности. Показано, что философско-социологические идеи разных эпох оказывали значительное влияние на уголовно-правовые нормы, способствуя постепенному укреплению принципа личной виновной ответственности и гуманизации наказания. Наряду с правовым анализом рассмотрены криминологические подходы к изучению типичных свойств личности преступника, что позволило выявить комплексную природу преступного поведения. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования с опорой на междисциплинарные исследования, способствующие разработке более эффективных мер профилактики преступности.

Ключевые слова: субъект преступления, личность преступника, уголовное право, криминология, эволюция концепции.

Понятие субъекта преступления является одной из ключевых категорий уголовного права, определяющей, какое лицо может подлежать уголовной ответственности за совершённое деяние. Историческое развитие этой категории в России отражает изменение представлений о личной ответственности, роли личности преступника и целях наказания. Формирование научных подходов к изучению личности преступника в криминологии также связано с эволюцией уголовно-правовых принципов.

В дореволюционном праве долго отсутствовало чёткое определение преступника как юридического субъекта. Лишь в XIX веке, с развитием законодательства, возникла необходимость формально описать фигуру правонарушителя. Уложение о наказаниях 1845 г. впервые закрепило признаки субъекта: им признавался физический вменяемый индивид, достигший установленного (очень низкого) возраста — около 10 лет. Уголовное уложение 1903 г. далее гуманизировало нормы: отделило ответственность несовершеннолетних от ответственности взрослых и фактически признало невменяемость препятствием для вины [8, с. 30].

Г. В. Назаренко отмечает, что дореволюционное уголовное право прошло путь от расплывчатых характеристик преступника (образ «лихого человека») к вполне

определённой конструкции субъекта преступления с формализованными признаками [4, с. 52].

После 1917 года произошёл резкий идеологический поворот: марксистско-ленинская теория трактовала преступление как социально обусловленное явление. В УК РСФСР 1922 г. упор делался на социальную опасность деяния, а не только на его противоправность, что сместило акцент с субъективной вины на вред обществу. Тем не менее закон устанавливал формальные критерии субъекта — возраст (обычно с 16, в ряде случаев с 14 лет) и вменяемость. В конце 1930-х принцип виновности фактически игнорировался (например, возраст привлечения временно снижался до 12 лет). После сталинского периода советское уголовное право вернулось к более традиционным позициям. Основы законодательства 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. чётко закрепили классический подход: субъектом преступления может быть только физическое вменяемое лицо, достигшее установленного возраста. Советская доктрина к 1960 г. окончательно утвердила принцип «нет преступления без вины» [5, с. 36]. Таким образом, советский период характеризуется сначала отходом от классических канонов, а затем возвращением к ним на новой идеологической основе.

Уголовное право Российской Федерации восприняло преемственность советской системы с коррективами,

продиктованными реформами 1990-х гг. Действующий УК РФ (1996) закрепляет, что субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста (либо 14 лет, если речь о деяниях, перечисленных в ст. 20 УК). Принцип личной виновной ответственности незыблем: к ответу привлекается лишь лицо, совершившее противоправное деяние осознанно и по своей воле. Законодатель учёл достижения науки: введён институт ограниченной вменяемости (ст. 22 УК) для лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость, — это позволяет судам учитывать степень влияния болезненного состояния на поведение виновного [6]. Кроме того, в УК предусмотрены многочисленные специальные субъекты (должностные лица, военные и др.), что требует учитывать социальный статус виновного при квалификации. В целом современное уголовное право стремится сочетать требования законности с учётом человеческого фактора, наполняя понятие субъекта преступления более гуманистическим содержанием.

Законодательные новеллы на разных этапах отражали меняющееся понимание субъекта преступления. Постепенно повышался возраст ответственности — с 7–10 лет в XIX веке до 14–16 лет в XX веке (кратковременное понижение порога в сталинский период носило исключительный характер). Параллельно уточнялись критерии вменяемости: вместо оценочного подхода дореволюционного права в советское время внедрён научно-психиатрический подход к определению невменяемости. Также современное право ввело множество категорий специального субъекта (например, должностное лицо, военнослужащий), чего не было в ранних кодексах.

Судебная практика в разные эпохи по-разному подходила к личности виновного. В царской России судьи нередко проявляли снисхождение к малолетним и душевнобольным ввиду отсутствия специальных институтов. В 1930-е гг. в СССР принцип виновной ответственности зачастую нарушался, но впоследствии высшие судебные органы восстановили его значение, обязав учитывать возраст и психическое состояние при оценке вины. В современных условиях суды стремятся максимально индивидуализировать наказание: принимают во внимание характеристики личности подсудимого, обстоятельства жизни, поведение после преступления. Ю. С. Караваева отмечает, что такое внимание к личности преступника отличает современный подход от более формализованного правоприменения прошлых эпох [3, с. 76].

Представления о преступнике и его ответственности во многом определялись преобладающими философско-социологическими идеями своего времени. Классическая школа уголовного права, основывающаяся на идеях свободы воли и рационального индивида, утверждала, что преступник — самостоятельный субъект, делающий осознанный выбор. Отсюда принцип личной виновности и исключение из числа субъектов невменяемых и малолетних. Социологические и позитивистские теории подчёркивали детерминированность поведения внешними

факторами — биологическими или социальными. Эти идеи не сразу сказались на законе, но пробудили интерес к изучению личности преступника.

В советский период доминировала марксистская доктрина, объяснявшая преступность социальными факторами. Преступник рассматривался прежде всего как порождение общества; отсюда надежда на постепенное исчезновение преступности при изменении социальных условий. После 1950-х гг. советская наука смягчила этот подход, сочетая социальный анализ с признанием личной ответственности: преступления стали объяснять как результат взаимодействия личности и среды.

Современный этап характеризуется влиянием самых разных концепций — от гуманистических до биосоциологических. С одной стороны, укрепились представления о правах человека, которые не допускают объявлять кого-либо преступником только по принадлежности к социальной группе или происхождению: важна лишь личная виновность. С другой стороны, широко признано, что социальные условия (нищета, семейное насилие, отсутствие образования) существенно влияют на формирование преступных наклонностей. Продолжаются дискуссии о природе преступной личности.

Например, В. Н. Фадеев высказывает точку зрения, что корни преступного поведения заложены в самой двойственной природе человека, где в каждом присутствуют и социально приемлемые, и асоциальные побуждения, а неблагоприятная среда лишь способствует проявлению худших качеств [7, с. 42]. Такой подход оспаривает чисто социологические теории. Философско-социологические идеи в целом влияли двояко: либо акцентируя личную ответственность (примат свободной воли), либо, напротив, представляя преступника как продукт обстоятельств. Современное уголовное право пытается учитывать оба аспекта: и индивидуальную виновность, и социальную обусловленность преступности.

Криминологическое изучение личности преступника в России шло параллельно с развитием уголовного права, дополняя его эмпирическими данными. В советское время накопление статистики и проведение социологических исследований позволило выявить типичные социально-демографические и психологические черты различных категорий преступников, создать их типологии (например, по мотивам или степени склонности к рецидиву). Эти работы подтвердили, что преступное поведение формируется под влиянием неблагоприятной среды (дефекты воспитания, асоциальная среда) и индивидуальных особенностей личности. В постсоветский период методы криминологии расширились: учитываются биологические и культурные факторы (вплоть до биологических и субкультурных влияний). При этом продолжается дискуссия о том, насколько личность преступника отличается от личности законопослушного. Так, Е. С. Жигарев утверждает, что у преступников нет уникальных черт и практически любой человек при определённых обстоятельствах способен нарушить закон [2, с. 25]. Однако большинство исследователей при-

знаёт практическую ценность понятия преступной личности: выявление общих закономерностей преступного поведения помогает разрабатывать меры профилактики и используется на практике (например, при профилировании преступников). Криминологический подход, таким образом, дополняет уголовно-правовое определение субъекта преступления, показывая его не только как абстрактного носителя вины, но и как индивида с определёнными свойствами, сформировавшимися под влиянием социальных условий.

Эволюция понятия субъекта преступления и научных представлений о личности преступника в России демонстрирует поступательный переход к более гуманистическому и научно обоснованному подходу. От средневекового образа «лихого человека» вне закона до современной

концепции, признающей за обвиняемым права и индивидуальность, — этот путь отражает рост правовой культуры. Современная уголовная политика стремится учитывать личность виновного при превенции и назначении наказания, исходя из принципа справедливости. Как справедливо отмечает А. Н. Варыгин, криминология должна снабжать практику знаниями о типичных свойствах преступников для разработки эффективных мер предупреждения [1, с. 12]. Таким образом, изучение эволюции субъекта преступления и личности преступника имеет не только теоретическое, но и прикладное значение: оно помогает совершенствовать законодательство и практику правоприменения на более справедливых и рациональных основаниях, учитывающих природу человека и условия, влияющие на преступное поведение.

Литература:

1. Варыгин А. Н. Философско-социологические аспекты формирования личности преступника в современной России // Уголовно-правовые исследования. 2023. № 1. С. 5–19.
2. Жигарев Е. С. Личность преступника: анализ соотношения индивидуальных особенностей и социальных условий // Криминологический журнал. 2022. № 1. С. 15–29.
3. Караваева Ю. С. Индивидуализация наказания и учёт личности виновного в судебной практике // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 72–83.
4. Назаренко Г. В. История становления уголовно-правовых признаков субъекта преступления в дореволюционной России // Вестник уголовного права. 2019. № 2. С. 45–58.
5. Петров М. А. Эволюция принципа виновности в советском уголовном праве (1930–1960-е гг.) // Вестник истории права. 2019. № 1. С. 34–48.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954
7. Фадеев В. Н. Социально-психологические детерминанты преступного поведения: о влиянии среды и личностных факторов // Проблемы криминологии. 2021. № 4. С. 33–47.
8. Шешуков А. Н. История русского уголовного права: от Уложения о наказаниях 1845 года до Уголовного уложения 1903 года // Уголовная юстиция. 2018. № 2. С. 27–38.

Понятие, признаки и виды коррупции

Бондаренко Елена Валентиновна, студент магистратуры
Институт деловой карьеры (г. Москва)

Статья посвящена рассмотрению понятия коррупции и признакам. Описана сущность коррупции. Уделено внимание признакам коррупции и её отличительным чертам. Описаны виды коррупции, такие как бытовая, административная, деловая. Автором обозначены нюансы проявления коррупции в государственном секторе.

Ключевые слова: коррупция, виды коррупции, признаки.

Коррупция является одной из самых сложных категорий российской науки, так как она рассматривается не только с точки зрения права, но и с точки зрения иных наук, например, экономики, социологии и т. д.

Слово «коррупция» произошло от латинского «corruption» и означает «подкуп». Таким образом, коррупция представляет собой противоправные действия, на-

правленные на злоупотребление служебным положением и использованием власти для личной выгоды [3 С.26].

В настоящее время коррупция преимущественно проявляется через злоупотребление служебными полномочиями со стороны лиц, занимающих должности. Безусловно, данное действие происходит вопреки действующему законодательству.

Ларионова Д. Н., также, как и А. В. Кузьмин считает необходимым анализировать коррупцию по двум направлениям: первое включает взяточничество во всех сферах государственного регулирования и управления, второе — охватывает служебные правонарушения, совершенные с целью личной выгоды. Он считает коррупцию исключительно проявлением взяток различного рода либо действий, направленных на их организацию. Автор акцентирует внимание на том, что оба типа коррупционных явлений одинаково подрывают правовую основу страны и её институтов [5 С.273].

В итоге все рассмотренные дефиниции укладываются в единую концепцию: подавляющее число экспертов согласны, что коррупция заключается в неправомерном использовании государственных полномочий ради личных выгод.

При рассмотрении понятия коррупции необходимо учитывать не только академические исследования, но и нормы Федерального закона «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ от 25.12.2008, который определяет её как неправомерные действия, включая взяточничество, превышение полномочий, подстрекательство к коммерческому подкупу или любое другое противоправное использование должностного статуса индивидом, противоречащее общественным и государственным интересам ради личной прибыли, материальных благ или предоставления подобных выгод другим лицам, а также подобные деяния, совершенные от имени организаций [1].

Под противодействием коррупции в свою очередь представляет собой действия, предпринимаемые государственными структурами всех уровней, общественными организациями, учреждениями и гражданами, направленные на предотвращение коррупционных действий, привлечение виновных к уголовной ответственности за подобные деяния и снижение негативных результатов таких преступлений.

Анализируя социальные аспекты коррупции, Е. В. Мирошников обращает внимание на её характерную черту: коррупция эволюционирует через трансформацию функциональных связей между должностными лицами, заменяя одни проявления нарушениями других и выступая как своего рода замена легитимному поведению чиновников [7 С.46].

В своих работах В. Ф. Цепелев подчеркивает необходимость рассматривать коррупцию как общественное явление, определяя её ключевые характеристики. По его мнению, коррупция проявляется через деформацию социальных связей, приводящую к нарушению естественного прогресса общества и, как следствие, ослаблению государственного управления [9 С.24].

Изучение коррупции охватывает не только правовые аспекты, но также социальные аспекты. Важно подчеркнуть, что ни УК РФ, ни КоАП РФ напрямую не содержат статьи под названием «коррупция», однако этот термин охватывает набор схожих действий, объединенных общими характеристиками, среди которых ключевым выступает превышение полномочий по должности.

В ходе рассмотрения различных трактовок понятия «коррупция» важно учесть мнение Я. И. Кузьмина о том, что она, в ограниченном контексте, проявляется через сознательное нарушение служебными лицами своих обязанностей ради личного обогащения. Отметим, что действия по коррупции обязательно включают двух участников: тех, кто злоупотребляет своим положением ради личной выгоды, нарушая служебные обязанности, и тех, кто обеспечивает эту выгоду [4 С.27].

Безусловно, большинство научных работ сосредоточены на изучении коррупции через призму законодательства. Следует подчеркнуть, что взяточничество квалифицируется как угроза общественному порядку через злоупотребление служебными полномочиями государственного служащего, сопровождающееся использованием его статуса в целях личного обогащения или других выгод.

Официальное определение понятия «коррупция» дано в Федеральном законе от 25.12.2008г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1]. Коррупция включает в себя такие действия, как неправомерное использование должности, злоупотребление полномочиями, коммерческие поборы или любое другое противоправное применение занимаемой позиции человеком, направленное против общественных и государственных интересов ради личной прибыли в форме денежных средств, материальных благ, других активов или имущественных прав, а также предоставления таких выгод другим лицам; подобные деяния могут осуществляться от имени или во благо организации.

Это описание не охватывает полностью уникальные особенности различных видов коррупции, ограничиваясь лишь определением некоторых поведенческих шаблонов в рамках таких действий. Недостаток первичных данных вызывает искажение данных по коррупционным правонарушениям.

Признаки коррупции включают [8 С.55]:

1. Использование служебного положения в личных целях.
2. Незаконное обогащение за счёт государственных ресурсов.
3. Непрозрачность деятельности чиновников.
4. Дача или получение взятки.
5. Лоббирование интересов отдельных лиц или компаний в ущерб государству.
6. Использование служебной информации в личных интересах.
7. Фаворитизм и протекционизм при назначениях на государственные должности.

Одновременно с раскрытием содержания понятия коррупции и её признаков, стоит выделить и некоторые разновидности коррупции.

В правовой науке выделяют два типа коррупции — низовая и вершинная коррупция. Коррупционные действия на низовом уровне связаны с участием обычных жителей или организаций. Коррупция такого рода составляет основу скрытой экономической деятельности. Вершинная коррупция в российском гражданском обществе оказывает негативное влияние на прогресс страны и её государ-

ственность. Нарушение правил проявляется через поддержку некоммерческими структурами политических инициатив, противоречащих законодательству и наносящих вред общественной жизни во всех аспектах.

Основанием для возникновения вершинной коррупции служит невозможность исполнения решений через существующие демократические процедуры, стимулирующая желание прибегнуть к подкупу вместо убеждения чиновников. Вершинную коррупцию можно разделить на бюрократическую и политическую, централизованную и децентрализованную, а также принудительную и согласованную.

Следует выделить разделение коррупции по сферам влияния: одна касается государственных структур, другая — частных компаний. Стоит обратить внимание также на категоризацию по функциям государственных структур. Таким образом, выделяются виды коррупции в исполнительских структурах, законодательных институтах, судебных органах и местных самоуправлениях.

Коррупция может делиться по составу субъектов коррупционных отношений на международную (целью такой коррупции является монополизация каких-либо отношений в мировом сообществе) и внутри государственную коррупцию, которая действует в рамках отдельного государства или национального сообщества.

Существует и такая классификация коррупции как её разделение на светлую, серую и чёрную. Светлая коррупция — это форма коррупции, представляющая собой мнимую благодарность от государственных служащих или других лиц за услуги, не связанные с нарушением должностных обязательств.

Серая коррупция — это такое коррупционное поведение, в котором прослеживается нарушение должностных обязанностей [2 С.122].

Чёрная коррупция — наиболее деструктивным видом коррупционных действий является участие в преступлениях по должности либо в структурах организованного характера.

Коррупция по критерию активности поведения участников коррупционных правонарушений делится на активную и пассивную. Примером активной коррупции может быть активный подкуп или дача взятки. Пассивной коррупцией может быть пассивный подкуп или освобождение от исполнения какой-либо обязанности.

В правовой науке можно увидеть деление коррупции на следующие виды [6 С.136]:

– бытовая коррупция, относится к противоправной практике государственных служащих по принудительному сбору финансовых ресурсов или других активов.

– деловая коррупция, суть данного процесса заключается в передаче финансовых ресурсов представителям власти предпринимателями в обмен на выполнение определенных услуг;

– административная коррупция — это специальное вымогательство чиновниками денег или иного имущества у предпринимателей;

– захват государства — это влияние на властные решения чиновников со стороны предпринимателей в личных интересах или в интересах предприятия;

– захват бизнеса — это ситуация, когда чиновник сам устанавливает контроль за деятельностью предприятия с личными корыстными целями.

Нельзя не отметить и такой вид коррупции, распространённый в правовой науке, как политическая коррупция. Политическая коррупция — коррупционные формы политического противостояния и борьбы за власть правящих слоев политических партий или отдельных лиц.

Коррупция в государственных структурах продолжает проявляться через классические каналы, но с новыми нюансами:

1. Зависимость государственных закупок: В 2025 году коррупционные сети все чаще проникают в процессы государственных закупок.

2. Ротация кадров и протееже: Распространенной формой коррупции становится назначение на ключевые должности не по профессиональным качествам, а по личному знакомству или политическим предпочтениям.

3. Неэффективное использование бюджетных средств: Коррупция проявляется в неэффективном распределении бюджетных средств, когда значительные суммы уходят на проекты, не имеющие общественной пользы или выполняемые некачественно.

Опираясь на практику коррупционных правонарушений видно, что основная черта коррупции заключается в её скрытности. В большинстве ситуаций участники коррупционных операций стремятся замаскировать свою активность, что указывает на частое наличие у коррупции конспиративного характера. То есть обе стороны согласовывают условия сомнительной сделки. Коррупционные действия нельзя обжаловать, так как обе стороны задействованы в совершении правонарушения.

В целом, коррупцию можно охарактеризовать как неправомерное использование служебных полномочий. По результатам проведенного исследования были выявлены ключевые категории и характеристики коррупции, благодаря чему стало ясно, что этот феномен требует комплексного подхода, выходящего за рамки одной лишь правовой науки.

Литература:

1. Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 29. ст. 5304
2. Амиантова И. С. Противодействие коррупции. — М.: Юрайт, 2024.
3. Иванова А. А. Коррупция и система противодействия. — Н. Новгород: Радонеж, 2022.

4. Кузьминов Я. И. Тезисы о коррупции. — М.: ВШЭ, 2000.
5. Ларионова Д. Н. Этапы становления законодательства Российской Федерации в сфере борьбы с коррупционными правонарушениями // Молодой ученый. 2024. № 5.
6. Левакин И. В. Противодействие коррупции. — М.: Юрайт, 2025. С.136
7. Мирошников Е. В. Правовые основы противодействия коррупции в профессиональной деятельности. — Белгород: БГНИУ, 2023.
8. Хандундырев С. М. Понятие и признаки коррупции. //Образование и право. № 7.
9. Цепелев В. Ф. Коррупционные преступления. — М.: Проспект, 2023.

Электронные сделки и их влияние на правовую систему Российской Федерации

Бурындина Лина Сергеевна, студент;

Илькова Анна Александровна, студент

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Статья посвящена анализу влияния электронных сделок и цифровых прав на правовую систему Российской Федерации. Цель исследования — изучение законодательных изменений, включая введение понятия цифровых прав в Гражданский кодекс РФ (2019 г.), а также оценка роли технологий (например, смарт-контрактов) в обеспечении прозрачности и безопасности сделок. Авторы подчеркивают необходимость дальнейшей адаптации законодательства к цифровой экономике и рассматривают перспективы автоматизации правовых процессов для повышения эффективности судопроизводства и укрепления доверия к электронным транзакциям.

Ключевые слова: электронные сделки, цифровые права, смарт-контракты, правовое регулирование, цифровая экономика.

Введение

Введение в цифровую эпоху диктует необходимость трансформации многих сфер человеческой деятельности, и правовое поле не стало исключением. В условиях стремительно развивающейся цифровой экономики электронные сделки приобретают особую важность. В Российской Федерации признание и интеграция электронных сделок в правовую систему продиктованы необходимостью адаптации законодательства к новым экономическим реалиям. В 2019 году российский законодатель ввёл понятие цифровых прав в Гражданский кодекс РФ, тем самым признав юридическую силу электронных транзакций.

Цель данной работы — изучение влияния внедрения электронных сделок и цифровых прав на правовую систему Российской Федерации. Решение этой задачи предполагает анализ правовых адаптаций, обеспечивающих легитимность и защиту прав участников электронных отношений. Центральными элементами в исполнении электронных сделок выступают такие инновации, как смарт-контракты, которые автоматизируют и делают процесс заключения сделок более прозрачным. Они минимизируют риски человеческой ошибки и усиливают защиту интересов участников рынка, что особенно важно для развития цифровой коммерции в стране.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена непрерывной цифровизацией во многих экономически развитых странах, включая Россию. С каждым годом электронные сделки становятся всё более популярными, и их способность поддерживать юридическую силу тради-

ционных сделок ключевая задача современного законодательства. Признание правовой силы электронных документов и внедрение усиленной электронной подписи предоставляют возможность равноправного использования цифровых инструментов в деловой среде.

Понятие и актуальность электронных сделок

Определение и характеристики электронных сделок

Электронные сделки стали неотъемлемой частью современного правового поля, особенно в условиях цифровизации экономики. В 2019 году в Гражданский кодекс РФ были внесены изменения, закрепившие понятие цифровых прав как обязательственных и иных прав. Это стало ответом на необходимость адаптации законодательства к реалиям цифровой экономики. Электронные сделки позволяют использовать информационные технологии для заключения и исполнения соглашений, что особенно актуально в условиях роста числа интернет-пользователей и развития цифровой коммерции.

Электронные сделки основаны на современных технологиях, таких как смарт-контракты. Смарт-контракт — это компьютерная программа, автоматизирующая выполнение условий сделки, что минимизирует риски ошибок и повышает прозрачность. Примером может служить Постановление от 2 февраля 2023 г. по делу № А55–7445/2022, где смарт-контракт использовался для продажи автомобиля. Правовое регулирование электронных сделок в РФ опирается на Гражданский кодекс, признающий юриди-

ческую силу электронных транзакций наравне с традиционными. Например, сделки, заключенные через обмен документами по электронной почте, признаются судами (Решение от 27 октября 2023 г. по делу № А60–13347/2023).

Правовые нормы и регулирование в сфере электронных сделок в Российской Федерации

С 2005 года в России началось активное внедрение норм, регулирующих электронные документы. ГОСТ 7.83–2001 определил электронный документ как документ на машиночитаемом носителе, требующий использования вычислительной техники. Важным шагом стало внедрение усиленной электронной подписи, которая придает электронным документам юридическую силу и позволяет использовать их в судебных разбирательствах (Решение от 17 сентября 2024 г. по делу № А48–9191/2024). Эти изменения укрепили доверие к электронным сделкам и защитили интересы их участников.

Перспективы развития электронных сделок связаны с внедрением машиночитаемых норм и автоматизированного права. Это позволит оптимизировать правовые процессы и повысить эффективность судопроизводства. Рост электронной коммерции в России, обусловленный высоким уровнем интернет-проникновения и технологическим прогрессом, требует дальнейшей адаптации законодательства. Внедрение новых технологий и правовых норм будет способствовать укреплению позиций России в международной цифровой экономике.

Заключение

В последние годы электронные сделки заняли ключевое место в структуре юридических взаимодействий, что

нашло отражение в изменениях законодательных актов многих стран, включая Российскую Федерацию. Введение в Гражданский кодекс РФ положений о цифровых правах и признание юридической силы электронных транзакций свидетельствует о стремлении законодателей адаптироваться к условиям цифровой экономики. Значение этого процесса заключается в увеличении правовой эффективности и гибкости в условиях всеобщей цифровизации, что особенно важно в эпоху стремительно развивающихся информационных технологий.

Современные технологии, такие как смарт-контракты, играют значительную роль в процессе заключения электронных сделок. Эти автоматизированные программы предоставляют новые уровни прозрачности и надежности, уменьшая риски человеческих ошибок и обеспечивая защиту прав участников. Такая технологическая трансформация способствует конкурентоспособности и развитию цифровой коммерции. Правовая база, поддерживающая признание электронных документов и применение усиленной электронной подписи, еще более укрепляет легитимность электронных сделок и доверие к ним.

Переход на цифровую торговлю и развитие электронной коммерции представляет собой важнейшую тенденцию современности. Россия, следуя глобальному курсу, усиливает свои позиции в международном экономическом пространстве. Легализация электронных документов и транзакций, внедрение новых технологических решений и адаптация законодательства — все это создает мощные основы для дальнейшего роста и укрепления цифровой экономики. С учетом новых вызовов и возможностей, исследование в области электронных сделок и правового регулирования является актуальным направлением для дальнейших разработок и реформ.

Литература:

1. https://www.consultant.ru/edu/student/nauka/download/chernyakova_m_d1.pdf
2. Коржук В. М., Попов И. Ю., Воробьева А. А. Защищенный документооборот. Часть 1: учебно-методическое пособие / В. М. Коржук, И. Ю. Попов, А. А. Воробьева. — СПб.: Университет ИТМО, 2021.
3. Минченко Л. В., Кузнецов Н. В., Жужома Ю. Н., Пилишкина М. А. Разработка рекомендаций по совершенствованию системы менеджмента на предприятиях электронной коммерции // Russian Economic Bulletin / Российский экономический вестник. — 2020. — Том 3, № 1. — С. 57–58.
4. Пучков О. А. Право в зеркале высоких технологий: сравнительный анализ тенденций правового развития / О. А. Пучков. — DOI 10.33184/pravgos-2024.2.21 // Правовое государство: теория и практика. — 2024. — № 2. — С. 163–172.
5. Хоменко Е. Б. Цифровая экономика: актуальные вопросы теории и практики // Вестник Удмуртского университета. — 2021. — Т. 31, вып. 1. — С. 45–52.
6. Широкова А. Е. Мировые тренды электронной коммерции в России: проблемы имплементации и пути решения // Российский внешнеэкономический вестник. — 2021. — № 9. — С. 75–81.

Влияние цифровизации на защиту коммерческой тайны

Вахрушева Ольга Павловна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье рассмотрен процесс влияния цифровизации на защиту коммерческой тайны. Дано понятие коммерческой тайны. Проанализированы пути утечки информации, а также имеющиеся способы защиты коммерческой тайны в период цифровых технологий. В статье отмечает необходимость использования комплексного подхода к улучшению защиты коммерчески ценной информации в цифровую эпоху.

Ключевые слова: коммерческая тайна, цифровизация, утечка данных, информация, бизнес-среда.

В современном мире важнейшей и неотъемлемой сферой деятельности экономической системы выступает предпринимательская деятельность. В связи с постоянным развитием человеческого общества происходит развитие различных сфер деятельности, куда входит и предпринимательство, в которой возникают новые направления данной сферы деятельности. Однако стоит отметить, что признаки, характеризующие указанный вид деятельности, остаются неизменными. Так, важной и неотъемлемой частью любого предпринимательства выступает постоянный риск, который имеет неотъемлемую связь с ответственностью и самостоятельностью самого предпринимателя [1, с. 13]. Также стоит заметить, что успех развития предпринимательской деятельности имеет место, только при условии минимизации данного риска.

Изменчивость и развитие современного мира оказывает влияние на сферу предпринимательской деятельности, о чём свидетельствует появление новых направлений бизнеса, в том числе новых технологий в производстве и ведении дел, что не может не создавать новых угроз и рисков. По мере того, как мы вступаем в цифровую эпоху, все больше предприятий обращаются к Интернету, а также к иным достижениям технологического процесса, чтобы обеспечить себе конкурентное преимущество на рынке товаров, работ и услуг [2, с. 264].

Цифровизация со стремительной скоростью приобретает популярность и становится фундаментальным трендом современности, что является причиной предъявления новых требований к бизнес-среде, а также оказанием определённого давления на данную сферу деятельности. Хозяйствующие субъекты оказываются в таких условиях, когда они вынуждены подстраиваться под новые тенденции, кардинально меняя свои подходы к управлению информацией [4, с. 126]. При этом изменению подвержены как область коммуникации с клиентом (дистанционный формат общения, использование онлайн-банков для осуществления оплаты товара), так и перевод в цифровой формат всей информации, которая имеет коммерческую ценность для предприятия и подлежит особой охране. Стоит заметить, что за счёт указанных изменений уходит в прошлое традиционный промышленный шпионаж и набирают всё больший оборот хакерские атаки.

Понятие «цифровизации» всё больше внедряется как в жизнь человеческого общества, так и в экономику нашей

страны в целом, где компании имеют доступ к огромным объемам данных, которые могут представлять для них ценность. Такие данные имеют законодательно закреплённое название, такое, как «коммерческая тайна».

Для более точного понимания смысла указанных терминов, стоит обратиться к Федеральному закону от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», где коммерческая тайна представляет собой «режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду» [3].

Названный закон также даёт определение информации, которая является главной составляющей коммерческой тайны — это «сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны» [3].

Как видно из представленных определений, информация, относящаяся к коммерческой тайне, должна иметь защиту, чтобы предприятия имели возможность сохранить свои конкурентные преимущества. Однако в период цифровизации всё чаще коммерчески ценная информация подвергается раскрытию, что представляет довольно значимую проблему для хозяйствующих субъектов.

Так, исследования компании Positive Technologies об анализе утечек данных в России и мире показали, что доля утечек учетных данных из организаций в первой половине 2024 достигла значительного уровня в 21 %, что на 9 % превышает показатели первой половины 2023 года. При этом отмечен рост хищений непосредственно коммерческой тайны, а также иной коммерчески ценной информации, где доля хищений в первой половине 2024 года составила 24 %, что на 10 % выше, чем за аналогичный период 2023 года. Также исследователями компании Positive Technologies были выбраны три области, где доля утечек

коммерческой тайны находится на высоком уровне, так за первое полугодие 2024 года 39 % утечек коммерчески ценной информации составило в промышленном секторе, 36 % в государственных учреждениях и 29 % в транспортных компаниях [6].

Приведённые данные свидетельствуют об актуальности проблемы защиты коммерческой тайны и иной ценной информации в период цифровизации, что говорит о необходимости компаний защищать свою информацию. Однако имеющиеся средства защиты коммерчески ценной информации (специальный режим, дополнительные соглашения и иные средства защиты) становятся не достаточными в условиях развития цифровых технологий.

Разглашение конфиденциальной информации приводит к значительным проблемам компании, таким, как снижение репутации на рынке, что неизбежно связано с потерей клиентов, доли на рынке или же стоимости акций, всё это ведёт к потере прибыли, в том числе к прямым финансовым потерям.

На данный момент защита коммерческой тайны основывается на трёх основных методах, а именно: меры организационного характера, технические и юридические меры.

К мерам организационного характера стоит отнести, прежде всего, установление на предприятии внутреннего порядка доступа к информации конфиденциального характера, как со стороны сотрудников, так и со стороны руководства. Кроме того, важно чётко определить сведения, подлежащие защите и относящиеся к коммерческой тайне, а также необходима разработка системы локальных нормативных актов, которые обеспечат соблюдение режима конфиденциальности и защиты сведений, составляющих коммерческую тайну.

Среди технических мер стоит выделить все способы кодирования и шифрования данных, установление запрета на копирование, контроль компьютеров сотрудников и мониторинг использования учетных записей.

К юридическим мерам главным образом относится заключение договоров о конфиденциальности, решение споров в судебном порядке путем подачи исков о защите прав на коммерческую тайну и привлечение нарушителей к ответственности.

Государство стремится обеспечить защиту коммерчески ценной информации, путём установления различного рода ответственности за разглашение конфиденциальных сведений.

Так законодательство предусматривает следующие виды ответственности:

Во-первых, дисциплинарная ответственность, которая предполагает применение к лицу, разгласившему конфиденциальные данные компании, меры дисциплинарного взыскания, такие как: замечание, штраф, выговор, увольнение.

Во-вторых, административная ответственность, которая предусмотрена, в частности, статьёй 13.14 КоАП РФ, где виновному лицу выносится штраф.

В-третьих, гражданско-правовая ответственность предусматривает взыскание морального или материального вреда за разглашение сведений ограниченного доступа. При этом если будет доказано, что лицо, разгласившее сведения конфиденциального характера, получило доход от разглашения, то обладатель конфиденциальной информации вправе требовать полного возмещения убытков.

В-четвертых, уголовная ответственность, которая является наиболее суровой и предполагает наложение штрафа с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, принудительные работы, а также лишение свободы.

Процесс цифровизации заставляет общество пересмотреть имеющиеся средства защиты конфиденциальной информации, в связи с чем, меры, применяемые обществом для защиты информации, подвергаются определённой трансформации.

Так, всё большую ценность приобретают технические средства, криптографические методы преобразования информации, в том числе в целях сохранения конфиденциальности информации в определённой степени ограничению подвергается доступ сотрудников организации к некоторым средствам связи непосредственно на рабочем месте.

Такого рода меры обусловлены тем, что нарушения в сфере права коммерческой тайны заключаются в увеличении фактов копирования работником предприятия на различные внешние носители сведений конфиденциального характера, в том числе сохранении подобного рода информации на своих личных страницах в сети Интернет, передаче такой информации по электронной почте или случайном разглашении в ходе личной переписки в различных мессенджерах [4, с. 121].

Кроме того, утечка данных в компании также обусловлена такими факторами, как промышленный шпионаж, взяточничество, получение конфиденциальной информации непосредственно от самих сотрудников, проникновение в компьютерные системы. Существование данных обстоятельств требует акцентировать внимание не только на защите информации на материальных носителях и компьютерах сотрудников, но и на эффективном управлении персоналом. Ввиду наличия практически в каждой организации текучести кадров, следует особое внимание уделять соблюдению определённых мер при уходе сотрудника, который имел доступ к конфиденциальной информации.

В частности, следует убедиться, что собраны все документы сотрудника, базы данных, носители информации и другие предметы, с которыми работал сотрудник (ключи, печати, удостоверение личности). Также особенно важным является проведение с увольняющимся сотрудником соответствующей беседы, в которой должна быть обозначена важность защиты конфиденциальной информации и его роль в сохранении такой информации.

При этом немаловажное значение имеет своевременная выплата заработной платы сотруднику [5].

Соблюдение данных требований позволяет сформировать у сотрудника положительную эмоциональную связь с бывшим местом работы, которая выступает в роли сдерживающего фактора против разглашения коммерчески ценной информации.

Таким образом, чтобы обеспечить защиту коммерческой тайны следует использовать комплексный подход, который будет включать как правовые меры защиты, которые предусматривают заключение соответствующих

договоров и определённого порядка работы с документами и информацией, также организационные меры, предусматривающие необходимость решения вопросов, связанных с текучестью кадров, улучшением динамики коллектива и стремление к гармоничной рабочей среде, а также технические меры защиты, которые в настоящее время играют значимую роль в работе организации и требуют активного внедрения в бизнес-процессы IT-технологий с целью разработки и применения комплексной защиты хранилища документов, содержащих коммерчески ценную информацию.

Литература:

1. Головкина Д. В. Обеспечение информационной безопасности установлением режима коммерческой тайны / Д. В. Головкина // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 12–16.
2. Напалкова, Д. В. Коммерческая тайна в цифровую эпоху. Правовой механизм обеспечения защиты коммерческой информации / Д. В. Напалкова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 13 (460). — С. 263–266.
3. О коммерческой тайне: Федер. закон от 29.07.2004 г. № 98 — ФЗ: в ред. Федер. закона от 8 авг. 2024 г. № 251 ФЗ // Рос. газ. — 2004. — 05 авг.; 2024. — 16 авг.
4. Саттаров, В. Д. Право коммерческой тайны в условиях цифровизации общества / В. Д. Саттаров // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 119–127.
5. Сорокин, П. А. Разработка мер по совершенствованию системы защиты коммерческой тайны в целях повышения уровня экономической безопасности коммерческих организациях / П. А. Сорокин // Вестник евразийской науки. — 2023. — Т. 15, № 56.
6. Утечки конфиденциальных данных из организаций — 1-е полугодие 2024. сайт/ Positive Technologies. URL: <https://www.ptsecurity.com/> (дата обращения: 09.03.2025).

Утечка данных при заключении договоров с использованием цифровых технологий

Великоиваненко Артём Витальевич, студент магистратуры
Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

Утечка данных в процессе заключения гражданско-правовых договоров с использованием цифровых технологий — это серьёзная проблема, которая требует пристального внимания со стороны законодателя, бизнеса и общества. В условиях активного перехода на электронный документооборот, увеличения числа контрагентов и повсеместного использования онлайн-платформ риски утечки данных значительно возрастают. Несанкционированный доступ к информации, её неправомерное использование и распространение создают угрозы не только для конфиденциальности, но и для экономической безопасности участников договорных отношений. Несмотря на очевидные преимущества цифровизации, такие как ускорение процессов и снижение издержек, существующие механизмы защиты данных и привлечения к ответственности за их утечку остаются недостаточно эффективными. Это делает актуальным поиск решений,

которые позволят минимизировать риски и обеспечить безопасность цифровых взаимодействий [1].

Целью данного исследования является разработка рекомендаций по совершенствованию российского законодательства в области ответственности за утечку данных при заключении цифровых договоров. Основное внимание уделяется устранению пробелов в правовом регулировании, а также созданию механизмов, которые обеспечат надёжную защиту прав и интересов всех участников таких отношений.

В рамках исследования был проведён анализ ключевых нормативных актов, регулирующих вопросы защиты данных, включая Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон «О персональных данных». Эти документы устанавливают общие требования к обработке и защите информации, однако они не учитывают специфику цифровых договоров и современных угроз. Так, в Гражданском кодексе РФ отсут-

ствуют чёткие нормы, регулирующие ответственность за утечку данных при использовании электронных платформ. Аналогичные пробелы можно обнаружить и в Федеральном законе «О персональных данных», который не предусматривает специальных мер защиты для цифровой среды.

Одной из ключевых проблем является недостаточная техническая защита данных. Многие организации, особенно небольшие, не используют современные методы шифрования и аутентификации, что делает их системы уязвимыми для кибератак. Внедрение таких технологий, как асимметричное шифрование, электронная подпись и многофакторная аутентификация, могло бы значительно снизить риски утечек. Однако для этого необходимы не только финансовые вложения, но и повышение уровня осведомлённости сотрудников. Многие утечки данных происходят из-за человеческого фактора: сотрудники не знают, как правильно работать с конфиденциальной информацией, или становятся жертвами фишинговых атак. Поэтому важным шагом является проведение регулярных тренингов и тестирований, которые позволят повысить уровень знаний в области информационной безопасности.

Ещё одной проблемой является отсутствие стандартизации в области электронного документооборота. Многие платформы и системы не соответствуют требованиям безопасности, что делает их лёгкой мишенью для злоумышленников. Введение обязательной сертификации таких систем могло бы стать важным шагом на пути к повышению уровня защиты данных.

Для повышения эффективности правового регулирования необходимо внести изменения в действующее законодательство. В частности, следует уточнить нормы, регулирующие ответственность за утечку данных, и ввести более строгие санкции за нарушения. Следует предусмотреть штрафы, пропорциональные объёму утечки и её последствиям, а также обязать организации компенсировать ущерб пострадавшим сторонам. Кроме того, важно разработать специальные нормы, которые будут регулировать использование современных технологий защиты данных, таких как блокчейн и смарт-контракты. Эти технологии уже активно применяются в других странах и доказали свою эффективность в обеспечении безопасности цифровых взаимодействий.

Ожидаемыми результатами внедрения предложенных мер станут снижение количества утечек данных, укрепление доверия к цифровым платформам и повышение уровня правовой защиты участников договорных отношений. Это создаст условия для дальнейшего развития цифровой экономики, обеспечит безопасность и стабильность электронных взаимодействий.

Важным аспектом в решении проблемы утечки данных является также международное сотрудничество и гармонизация законодательства. В условиях глобализации и трансграничного характера цифровых взаимодействий, утечки данных часто выходят за пределы одной страны, что требует согласованных действий на международном уровне. Россия могла бы перенять опыт стран с развитой цифровой инфраструктурой, таких как страны ЕС, где действует Общий

регламент по защите данных, устанавливающий строгие стандарты обработки и защиты персональных данных. Участие в международных инициативах и внедрение лучших практик позволит не только усилить защиту данных внутри страны, но и повысить доверие иностранных партнёров к российским цифровым платформам. Кроме того, важно учитывать специфику трансграничных договоров и разработать механизмы взаимодействия между государствами в случае утечек данных, чтобы обеспечить оперативное реагирование и минимизацию последствий.

Ещё одним направлением совершенствования правового регулирования является развитие института страхования киберрисков. В настоящее время в России данный институт находится на начальной стадии развития, однако его потенциал для минимизации последствий утечек данных огромен. Страхование киберрисков может стать эффективным инструментом компенсации ущерба, причинённого утечкой данных, а также стимулировать организации к внедрению более строгих мер защиты. Для этого необходимо разработать соответствующие нормативные акты, которые установят требования к страховым компаниям, а также определят порядок и условия страхования. Кроме того, важно предусмотреть механизмы взаимодействия между страховыми компаниями и государственными органами, чтобы обеспечить оперативное расследование инцидентов и выплату компенсаций пострадавшим.

Также ключевым является вопрос повышения ответственности разработчиков программного обеспечения и операторов цифровых платформ. В настоящее время законодательство не всегда чётко регулирует их обязанности в случае утечки данных, что создаёт правовые пробелы. Необходимо установить чёткие требования к разработчикам и операторам, включая обязательное проведение аудита безопасности, регулярное обновление программного обеспечения и оперативное устранение уязвимостей. Кроме того, следует предусмотреть механизмы ответственности за несоблюдение данных требований, включая штрафы и приостановление деятельности. Это позволит повысить уровень доверия к цифровым платформам и снизить риски утечек данных.

Таким образом, проблема утечки данных при заключении цифровых договоров требует не только внутренних мер, таких как совершенствование законодательства, внедрение современных технологий и обучение сотрудников, но и активного международного сотрудничества, развития института страхования киберрисков и повышения ответственности разработчиков и операторов. Гармонизация стандартов и обмен опытом с другими странами, внедрение страховых механизмов и ужесточение требований к разработчикам позволят создать более устойчивую и безопасную цифровую среду, что особенно важно в условиях глобализации и трансграничного характера современных взаимодействий.

Подводя итог можно сказать, что проблема утечки данных при заключении цифровых договоров требует комплексного подхода. Совершенствование законодатель-

ства, внедрение современных технологий защиты данных, обучение сотрудников и сертификация систем электронного документооборота — всё это должно стать частью единой стратегии, направленной на обеспечение безопас-

ности. Так можно создать устойчивую систему, которая будет соответствовать вызовам цифровой эпохи и обеспечивать защиту прав и интересов всех участников гражданско-правовых отношений.

Литература:

1. Леонова, О. В. Цифровизация социально-экономической политики: возможности и риски в современной России / О. В. Леонова. — Текст: непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. — 2024. — № 6. — С. 35–71.

Вновь открывшиеся обстоятельства как основания для пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу

Воронина Галина Сергеевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В настоящей статье рассматривается институт пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам. Анализируется его значение в системе правосудия, цели и задачи, а также основные проблемные аспекты, связанные с применением данного института в современной российской практике. Особое внимание уделяется понятию «вновь открывшиеся обстоятельства», их классификации и критериям отграничения от иных оснований пересмотра судебных актов. Исследуются процессуальные особенности рассмотрения заявлений о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в различных видах судопроизводства.

Ключевые слова: пересмотр судебных актов, вновь открывшиеся обстоятельства, правосудие, законная сила судебного акта, процессуальное право, гражданский процесс, арбитражный процесс, уголовный процесс, административное судопроизводство.

Newly discovered circumstances as grounds for reviewing judicial acts that have entered into legal force

This article examines the institution of review of judicial acts that have entered into legal force based on newly discovered circumstances. It analyzes its significance in the justice system, goals and objectives, as well as the main problematic aspects associated with the application of this institution in modern Russian practice. Particular attention is paid to the concept of “newly discovered circumstances”, their classification and criteria for distinguishing them from other grounds for reviewing judicial acts. The procedural features of considering applications for the review of judicial acts based on newly discovered circumstances in various types of legal proceedings are investigated.

Keywords: review of judicial acts, newly discovered circumstances, justice, legal force of a judicial act, procedural law, civil procedure, arbitration procedure, criminal procedure, administrative proceedings.

Введение

Судебная практика современных государств, включая Российскую Федерацию, основывается на непреложном положении о юридической силе принятых решений. Эта нормативная установка создаёт фундамент для устойчивости правоотношений, предотвращая бесконечное возобновление завершённых процессов и обеспечивая реализацию вынесенных вердиктов [1]. Однако парадоксальным образом чрезмерная ригидность данного подхода способна порождать казусы правоприменения —

ситуации, когда формальное следование принципу *res judicata* вступает в противоречие с материальной справедливостью, особенно при выявлении пробелов в доказательственной базе исходного производства.

Для разрешения этого концептуального противоречия между стабильностью и коррекцией законодатель предусматривает особый механизм правовой защиты. Речь идёт о процессуальной инструментари пересмотра вступивших в силу судебных актов при обнаружении ранее неизвестных существенных факторов. Этот исключительный правовой институт выполняет компенсаторную

функцию, позволяя нивелировать последствия судебных ошибок, обусловленных объективной невозможностью полноценного установления фактических обстоятельств дела в первоначальном разбирательстве. Важно подчеркнуть, что подобная процедура не противоречит принципу правовой определённости, а скорее выступает его необходимым коррективом — своеобразным «предохранительным клапаном» системы юстиции [1].

Примечательно, что применение данного механизма всегда сопряжено с тонкой балансировкой между интересами отдельных субъектов и потребностями правовой системы в целом. Как показывает практика, излишне широкое толкование оснований для пересмотра может подорвать авторитет судебной власти, тогда как избыточная строгость — привести к закреплению вопиющих нарушений. Эта дилемма продолжает вызывать дискуссии в научном сообществе, что свидетельствует о незавершённости методологического поиска оптимальных правовых решений в данной сфере.

Понятие и сущность вновь открывшихся обстоятельств

В процессуальном праве разграничение между «вновь открывшимися» и «новыми» обстоятельствами приобретает принципиальное значение для корректного применения механизма пересмотра судебных решений. Если говорить упрощённо, первые представляют собой правовые факты, объективно существовавшие в момент первоначального разбирательства, но оставшиеся неизвестными как суду, так и участникам процесса [3]. Их особенность — потенциальное влияние на исход дела при условии своевременного обнаружения, что и обуславливает необходимость пересмотра [2].

Здесь важно не смешивать эту категорию с так называемыми «новыми обстоятельствами», которые возникают уже после вынесения судебного акта. Хотя последние также могут служить основанием для пересмотра, их правовая природа принципиально иная — они отражают изменившуюся фактическую картину, а не восполняют пробелы прошлого.

Особый интерес вызывает ситуация, когда пересмотр инициируется в связи с выявлением противоправных действий участников процесса. К таким случаям, в частности, относятся:

— Совершение преступлений сторонами спора, иными лицами, вовлечёнными в производство по делу, или самими судьями;

— Установление этих деяний вступившим в силу приговором суда.

Практика показывает, что именно эта категория оснований чаще всего вызывает сложности в толковании. Нередко возникает путаница: можно ли считать преступные действия «вновь открывшимися» фактами, если они совершались параллельно с рассмотрением дела, но были доказаны позднее? Законодатель даёт однозначный

ответ — да, при условии процессуального подтверждения их наличия. Однако здесь кроется тонкий момент: суд второй инстанции должен установить причинно-следственную связь между выявленными нарушениями и возможным изменением первоначального решения. Без этого даже доказанные злоупотребления не станут достаточным основанием для пересмотра [3].

Критерии ограничения вновь открывшихся обстоятельств от иных оснований пересмотра судебных актов

Эффективное использование процедуры пересмотра судебных решений требует чёткого понимания её отличий от иных форм обжалования — апелляции, кассации и надзора [4]. Если в апелляционных и кассационных процедурах речь идёт о повторной оценке уже имевшихся в деле доказательств на предмет законности выводов суда, то надзорные инстанции фокусируются на устранении грубых нарушений правовых норм в уже вступивших в силу актах.

Однако принципиальная особенность пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам заключается в ином: здесь суд сталкивается с информацией, которая объективно отсутствовала в материалах первоначального разбирательства [5]. Предполагается, что эти факты, будучи известными ранее, могли кардинально изменить логику принятия решения.

Интересно отметить, что данный механизм выполняет специфическую функцию — он не направлен на переоценку доказательств или поиск ошибок правоприменения. Его цель точечная: исправить последствия «информационного вакуума», возникшего не по вине участников процесса. Как показывает практика, именно эта процессуальная «ниша» часто вызывает сложности — требуется доказать не просто существование новых данных, но и их непосредственную связь с возможным изменением судебного вывода.

Парадокс в том, что формально процедура относится к экстраординарным, но по сути становится единственным инструментом восстановления справедливости там, где система изначально работала с неполной картиной фактов. В этом контексте можно говорить о своеобразном «правовом катарсисе» — очищении решения от последствий случайных или непреднамеренных пробелов в установлении истины.

Проблемные аспекты применения института пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам

Хотя механизм пересмотра решений по вновь открывшимся обстоятельствам играет критическую роль в исправлении судебных ошибок, его практическая реализация сталкивается с рядом системных противоречий. Не секрет, что сама природа этих процедур порождает парадокс: стремление к справедливости здесь балансирует на грани правовой неопределённости.

Первая трудность связана с бременем доказывания. От заявителя требуются не просто факты, а убедительные аргументы, что обнаруженные сведения объективно не могли быть получены ранее — несмотря на все разумные усилия [6]. На практике это превращается в сложную задачу: как количественно измерить «достаточность» принятых действий? Судебные органы зачастую трактуют эту норму предельно строго, что нередко приводит к отказу в пересмотре технически обоснованных ходатайств.

Другой спорный момент — критерий существенности. Теоретически обстоятельство считается значимым, если его наличие могло повлиять на исход дела. Однако субъективность этой оценки нередко становится камнем преткновения между сторонами процесса [7]. Судьи вынуждены действовать как ретроспективные аналитики, пытаясь реконструировать гипотетический сценарий — занятие, по определению подверженное когнитивным искажениям.

Наконец, процессуальные сроки создают дополнительный барьер. Даже при наличии веских оснований пропуск установленного лимита времени автоматически блокирует доступ к пересмотру. Эта ситуация вызывает вопросы: почему формальный критерий превалирует над материальной истиной? Законодатель, видимо, исходит из презумпции своевременной добросовестности участников, но жизнь часто вносит коррективы в эти расчёты.

Любопытно, что перечисленные проблемы взаимосвязаны. Жёсткие сроки давности усиливают сложности доказывания, а нечёткость критериев существенности провоцирует судебный активизм. Получается замкнутый круг: экстраординарный механизм, призванный устранить ошибки, сам становится источником правовой неопределённости. Разрешение этого конфликта требует не столько новых норм, сколько выработки единообразной правоприменительной практики.

Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в различных видах судопроизводства

Рассмотрение ходатайств о пересмотре судебных решений в свете новых обстоятельств регламентируется различными отраслями процессуального права. Юридические аспекты данной процедуры находят отражение в четырех ключевых нормативных актах: ГПК РФ (гражданское судопроизводство), АПК РФ (арбитражные споры), УПК РФ (уголовные дела) и КАС РФ (административные правоотношения).

Согласно действующему законодательству, механизм реализации этого правового института предполагает последовательное прохождение трех основных стадий. Первичным действием выступает направление мотивированного ходатайства в судебный орган, первоначально вынесший оспариваемое решение. На данном этапе заявителю необходимо тщательно обосновать наличие

вновь открывшихся фактов, их существенность для дела и невозможность своевременного представления в предыдущем процессе.

Второй этап характеризуется проведением судебного разбирательства с обязательным уведомлением всех заинтересованных сторон. Здесь следует обратить внимание на дифференциацию процессуальных норм: в гражданском и административном процессе допускается рассмотрение дела в отсутствие участников при надлежащем извещении, тогда как уголовное судопроизводство требует обязательной явки сторон.

Завершающая стадия предполагает вынесение судебного определения, которое может носить двоякий характер. При положительном решении происходит аннулирование предыдущего акта с последующим повторным рассмотрением дела в рамках первоначальной процессуальной формы. Интересно отметить, что законодатель предусматривает своеобразную «правовую преемственность» — новое разбирательство осуществляется по правилам той же судебной инстанции, что и отмененное производство.

Важно подчеркнуть, что каждая из перечисленных стадий содержит специфические нюансы, обусловленные отраслевой принадлежностью дела. Например, сроки подачи ходатайств варьируются от трех месяцев в гражданском процессе до одного года в уголовном судопроизводстве, что требует от правоприменителя особой внимательности при определении процессуального регламента.

Заключение

Механизм пересмотра вступивших в силу судебных решений при обнаружении новых обстоятельств служит гарантом восстановления нарушенных прав, выступая своеобразным «корректирующим инструментом» правосудия [6]. Его существование обусловлено необходимостью устранения судебных ошибок, вызванных отсутствием у суда значимой информации на момент первоначального разбирательства. Примечательно, что такая правовая возможность становится спасательным кругом для сторон, столкнувшихся с объективной невозможностью представить решающие доказательства в прошлом процессе.

Парадоксально, но именно доказывание факта «неизвестности» обстоятельств превращается в ключевую проблему применения этого правового института. Как показывает судебная практика, участникам спора приходится преодолевать сложный путь обоснования двух взаимосвязанных условий: во-первых, что существенные для дела факты действительно отсутствовали в материалах производства, а во-вторых, что их своевременное представление ранее было объективно невозможным. Эта дилемма нередко ставит заявителей в ситуацию, когда формальные требования законодательства вступают в противоречие с реальными возможностями доказывания.

Стоит обратить внимание на дифференциацию подходов в различных видах судопроизводства. Если в ар-

битражных спорах акцент делается на документальное подтверждение новизны обстоятельств, то в уголовном процессе особую роль играет установление причинно-следственной связи между вновь открывшимися фактами и вынесенным приговором. Подобная вариативность создает дополнительные сложности для правоприменителей, вынуждая их каждый раз заново оценивать критерии допустимости пересмотра.

Интересно, что законодатель сознательно ограничивает временные рамки для обращения с такими заявлениями, пытаясь найти баланс между стабильностью судебных актов и интересами правосудия. Однако на практике эти сроки не всегда учитывают особенности сложных многоэтапных разбирательств, что порождает дискуссии в профессиональном сообществе о необходимости более гибкого регулирования.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, N 46, ст. 4532.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ, 09.03.2015, N 10, ст. 1391.
5. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г. А. Жилина. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 896 с.
6. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В. В. Яркова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2020. — 1152 с.
7. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева. — 11-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 1124 с.

Уголовно-правовые аспекты признания ИИ субъектом преступления

Гаптерханов Артур Рустемович, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В рамках представленной научной статьи отражены некоторые уголовно-правовые аспекты признания ИИ субъектом преступления. Актуальность заключена в активном развитии данной технологии, наличии произошедших ситуаций, при которых она совершила уголовно наказуемое деяние. При этом вопрос субъектности не является решенным, потому требует изучения. Итог работы — практические предложения по изменению законодательства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, субъект преступления, субъективная сторона, ответственность искусственного интеллекта, разработчик искусственного интеллекта.

Технология искусственного интеллекта на данный момент развивается крайне быстро. За последние несколько лет появились многочисленные программы в большинстве сфер жизнедеятельности человека, предполагающие применение искусственного интеллекта. Ряд из них могут напрямую стать орудием совершения преступления или привести к деянию, которое регулируется Уголовным кодексом (УК) РФ. Так, например, автономные военные дроны могут напрямую быть запрограммированы для нанесения ущерба противнику, генеративный искусственный интеллект может оскорбить собеседника (тоже в некоторых ситуациях является уголовно наказуемым действием), автономное транспортное средство способно совершить смертельный наезд на человека. Все эти уже произошедшие на практике ситуации делают актуальным

вопрос о наличии уголовно-правовых аспектов признания искусственного интеллекта субъектом преступления.

Первоначально необходимо обратиться к УК РФ — согласно статье 19, к уголовной ответственности может быть привлечено лишь физическое лицо. Искусственный интеллект не является физическим лицом, следовательно, на данный момент УК РФ не позволяет считать данную технологию субъектом преступления.

При этом практика показывает, что, с одной стороны, на данный момент отсутствие изменений в УК РФ верно, так как технология не является разумной в наиболее прямом понимании, с другой стороны, необходимо заблаговременно создать перспективы для внесения оперативных корректировок. Так, в одних ситуациях искусственный интеллект является орудием преступления

и потому априори не может быть признан субъектом преступления [1, с. 35]. Это, например, кейсы, когда злоумышленник намеренно создает программное обеспечение с искусственным интеллектом, которое самостоятельно выполняет преступление (например, взламывает аккаунты пользователей) или упрощает его реализацию [3, с. 72]. В этом случае субъектом преступления справедливо будет считаться разработчик и/или пользователь, запустивший соответствующую программу.

Близкая ситуация имеет место в том случае, если злоумышленник изменяет программу или получает неправомерный доступ к ней, применяя для совершения преступления. В этом случае вновь искусственный интеллект является орудием преступления, но при этом технология используется без санкции разработчика.

В других ситуациях субъектом будет только пользователь. Это, например, ситуация, при которой объект с искусственным интеллектом используется не по назначению. Так, предположим, пассажир беспилотного транспортного средства может намеренно создавать барьеры для выполнения программой своей функции, что способно привести к преступлению. В данной ситуации привлекать к ответственности разработчика некорректно, так как он не мог предусмотреть использование оборудования не по назначению.

Близкая альтернатива — это ситуация, при которой искусственный интеллект совершает ошибки вследствие намеренного внесения в его код изменений распространителем или иным продавцом. Отметим, что значимо указать на отсутствие соответствующих полномочий и санкции разработчика, то есть продавец вносит собственные корректировки, которые становятся причиной ошибки программы.

Пятый тип ситуаций наиболее неоднозначен — это случаи, когда искусственный интеллект допускает ошибку по различным причинам. При их рассмотрении наиболее верно определять степень ответственности каждого участника инцидента. Так, например, если была выявлена ошибка в программном коде, то ответственность должен нести разработчик. Однако УК РФ предполагает персональную уголовную ответственность, юридические лица не могут привлекаться в России к уголовной ответственности. Это требует подробного расследования, но можно полагать, что с малой долей вероятности реально будет выявить одного конкретного виновника, так как процесс разработки программы с искусственным интеллектом сложен, в нем принимает участие множество лиц. Более того, часто невозможно определить, почему искусственный интеллект принял подобное решение. Причина — это процесс самообучения.

Пятый тип ситуации ведет к тому, что преступления, совершенные искусственным интеллектом, на данный момент не могут быть всегда уголовно наказуемыми. Как уже было установлено, УК РФ не может признать искусственный интеллект субъектом преступления хотя бы потому, что это не физическое лицо. Разработчик и/или пользователь, если они не допустили ошибок при разработке

или, соответственно, при использовании программы, тоже не могут быть привлечены к ответственности. Если же вина разработчика доказана, идентифицировать одного или нескольких причастных сложно, как и распределить между ними ответственность или доказать, что программа допустила ошибку в рамках итогов самообучения [2, с. 73].

Вся представленная информация позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Искусственный интеллект может совершить общественно опасное деяние как намеренно (если это, например, военная разработка), так и по неосторожности, это указывает на существование уже сейчас субъективной стороны преступления;

2. Действующий УК РФ не позволяет считать искусственный интеллект субъектом преступления, так как он не является физическим лицом;

3. За преступления, совершенные искусственным интеллектом, на данный момент ответственность несут разработчик, пользователь, распространитель (продавец) или третье лицо-злоумышленник. Для определения в каждой из ситуаций субъекта преступления, необходимо детальное их изучение;

4. На практике может сформироваться ситуация, при которой никто из физических лиц не будет привлечен к уголовной ответственности за преступление, совершенное искусственным интеллектом, так как определить виновного будет невозможно либо вследствие широты команды разработчиков, либо по причине потенциального совершения деяния вследствие самообучения.

Можно полагать, что в относительно недалеком будущем искусственный интеллект будет развит настолько, что принимаемые им решения будут приближены к наиболее самостоятельным действиям. По этой причине рекомендуется заблаговременно сформировать проект поправок в УК РФ, связанный с изменением статьи 19 так, чтобы не только физическое лицо могло быть субъектом преступления, но и другие лица, имеющие разум, приближенный или равный человеческому. Отметим, что такое решение позволит заранее решить иные близкие проблемы, например, появление в дальнейшем кибернетических организмов и иных перспективных субъектов преступлений, но не позволит слишком широко трактовать норму. Дополнительно предлагается сформировать либо рекомендации для судей по решению дел, связанных с ущербом, нанесенным искусственным интеллектом, либо соответствующую статью или даже главу УК РФ.

В заключении констатируем, что на современном этапе УК РФ не предоставляет возможности считать искусственный интеллект субъектом преступления. На данный момент это не является дефектом права, так как данная технология до сих пор в большей степени подвластна и зависит от человека. Однако перспективные проблемы возможны, так как субъективная сторона преступления уже может полностью относиться к искусственному интеллекту. По этой причине были сформулированы практические рекомендации, предлагаемые для изучения и применения.

Литература:

1. Антонова, Е. Ю. Технологии искусственного интеллекта — субъект преступления или орудие / средство совершения преступления? / Е. Ю. Антонова // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2022. — № 1. — С. 31–39. — DOI 10.31429/20785836-14-1-31-39.
2. Гучапшева, А. Х. Искусственный интеллект как субъект преступления и уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности / А. Х. Гучапшева, А. М. Хамизов // Молодой ученый. — 2022. — № 43(438). — С. 72–74.
3. Карташов, И. И. Искусственный интеллект как субъект уголовной ответственности: настоящее и перспективы / И. И. Карташов, И. И. Карташов // Право: история и современность. — 2021. — № 2(15). — С. 68–78. — DOI 10.17277/pravo.2021.02.pp.068-078.

Отправные начала обеспечения охраны окружающей среды правовыми мерами в ХМАО — Югре

Гостевских Алексей Германович, студент магистратуры

Научный руководитель: Ельмендеева Любовь Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Сургутский государственный университет

В статье дается краткий обзор формирования нормативно-правовой основы обеспечения охраны окружающей среды в ХМАО — Югре. Приводится статистика показателей состояния законности в сфере охраны окружающей среды по России и ХМАО — Югре. Систематизируется направленность правовых мер реализации охраны окружающей среды в муниципальных образованиях ХМАО — Югре.

Ключевые слова: природопользование, окружающая среда, охрана окружающей среды, экологическое законодательство.

Согласно статистическим данным, публикуемым Генеральной прокуратурой Российской Федерации о показателях надзорной деятельности органов прокуратуры, на выявление нарушений в сфере охраны окружающей среды и природопользования ежегодно приходится достаточно весомый показатель. К примеру, за период 2021–2022 годов нарушений закона в указанной сфере было выявлено 290 905 и 292 333 соответственно против нарушений в сфере противодействия коррупции (252 328 и 184 829) или в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности (201 266 и 214 177). При этом показатели нарушений в сфере охраны окружающей среды и природопользования можно поставить на четвертое место после нарушений в сферах ЖКХ (369 966 и 390 178), соблюдения прав несовершеннолетних (758 899 и 792 898), экономики (991 951 и 967 471) и соблюдении прав и свобод человека и гражданина (2 432 633 и 2 405 839) [12].

Органы российской прокуратуры одних только представлений об устранении выявленных нарушений в сфере охраны окружающей среды и природопользования выносят не меньше, чем по сферам защиты прав субъектов предпринимательской деятельности или противодействия коррупции.

Характерно, что другой субъект государственного контроля в лице Росприроднадзора более всего применяет в своей деятельности внеплановые проверки, которых в 2022–2023 годах было осуществлено 6 242 и 4 584 против плановых 757 и 2 067 соответственно. Нарушений при этом выявлено в тоже период 11 967 и 15 367,

в рамках которых наиболее применяемой санкцией является административный штраф, который накладывается преимущественно на юридическое лицо [11] (то есть, хозяйствующий субъект, обязанный соблюдать требования экологического законодательства).

Соотношение проведенных в 2022–2023 годах Росприроднадзором проверок соблюдения экологического законодательства в разрезе федеральных округов наибольшее количество внеплановых проверок демонстрирует в Уральском федеральном округе [11].

В свою очередь, по сведениям из публикуемых источников о состоянии окружающей среды в ХМАО — Югра возможно судить о следующем:

1) регион занимает первое место в стране по объему выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников [15];

2) состояние водных объектов региона определяется природными факторами, воздействием нефтегазодобывающего комплекса и жилищно-коммунальной инфраструктуры. Природно-климатическими условиями региона обусловлено постоянное повышенное содержание соединений железа, марганца, меди и цинка, что является естественной особенностью водотоков [15].

3) на 2024 год в регионе числится 121 несанкционированная свалка отходов на площади 239,41 га, выявлено 40 случаев незаконной рубки лесных насаждений (+15 случаев к 2023 году) [14].

Всего по ХМАО — Югра за 2024 год было выявлено 7 613 нарушений экологического законодательства, что

почти в два раза больше показателя предшествовавшего года (4 090 нарушений) [14].

Приведенные показатели свидетельствуют не только о сохраняющейся в Российской Федерации проблеме соблюдения законности в сфере охраны окружающей среды и природопользования, но и относительно сложном положении отдельно взятого региона страны.

ХМАО — Югра в устройстве национальной экономики представляет собой один из крупнейших нефтедобывающих регионов мира. Это основной нефтегазоносный субъект Российской Федерации, в котором ожидаемо нефтегазодобывающий комплекс является одним из основных загрязнителей окружающей среды [5].

Население ХМАО — Югры на 2024 год составляет 1 759 386 чел. [16], свыше 90 % которых проживает в 16 городах округа, крупнейшими из которых являются Сургут, Нижневартовск, Ханты-Мансийск и Нефтеюганск.

С учетом хозяйственной специфики региона на его территории органами государственной власти проводится экологическая политика, которая в законодательном ключе выражена активной нормотворческой деятельностью, в том числе на муниципальном уровне.

На текущий момент в ХМАО — Югра действуют Закон от 18 апреля 1996 года «О недропользовании» [4], в котором отдельные статьи регулируют особенности недропользования в границах территорий традиционного природопользования малочисленных коренных народностей, охрану участков недр с особой научной и культурной ценностью. Закон от 18 декабря 2006 года «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» [2] с развивающими его положения актами губернатора и правительства региона. Законы и подзаконные акты об обращении с отходами. Закон от 22 июня 2000 года об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры [3] и другие, регулирующие сферу охраны окружающей среды и природопользования. Административная ответственность на уровне региона закреплена в главе IV Закона ХМАО — Югры от 11 июня 2010 года № 102-оз «Об административных правонарушениях» (далее — Закон ХМАО — Югры «Об административных правонарушениях») [1], в которой предусматриваются такие административные правонарушения как уничтожение редких видов животных и растений, нарушение нормативов проведения проектных работ, использования природных ресурсов и т. д.

Номенклатура нормативно-правового регулирования охраны окружающей среды и природопользования в ХМАО — Югра дополнена актами программно-целевого развития региона, среди которых следует выделить два постановления регионального правительства — от 10 ноября

2023 года, которым была утверждена программа «Экологическая безопасность» [5], и от 27 декабря 2021 года о мерах по реализации одноименной государственной (региональной) программы [6]. А также Распоряжение Правительства ХМАО — Югры от 10 апреля 2007 года № 110-рп «О Концепции экологической безопасности Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на период до 2030 года» [10].

На фоне регионального нормотворчества в ХМАО — Югра активизирована соответствующая деятельность органов местного самоуправления, которая идет по направлениям утверждения муниципальных программ экологической безопасности, развития территорий традиционного природопользования и охраны окружающей среды при осуществлении определенной хозяйственной деятельности.

На примере городов Сургут, Ханты-Мансийск и Нижневартовск возможно судить о следовании общему законодательному курсу региона при разработке правовых мер реализации охраны окружающей среды в муниципальных образованиях ХМАО — Югра. В частности:

1) на муниципальном уровне формируются ответственные структуры в сфере реализации полномочий органов местного самоуправления по охране окружающей среды и выполнению мероприятий программных актов региональных властей;

2) на муниципальном уровне в нормативно-правовые акты о бюджете закладываются необходимые объемы финансирования мероприятий в сфере охраны окружающей среды и природопользования;

3) на муниципальном уровне уточняется перечень конкретных мер, реализуемых в сфере охраны окружающей среды и природопользования на каждой территории муниципального образования;

4) на муниципальном уровне принимаются административные регламенты, закрепляющие порядок действий уполномоченных лиц в сфере охраны окружающей среды и природопользования, а также устанавливаются отчетные показатели соответствующей деятельности.

В целом, анализ актов нормативной основы охраны окружающей среды показывает, что многое из приведенного находит себя в муниципальных программах, которые принимаются как непосредственно целевые в сфере охраны окружающей среды, так и смежные. К примеру, в первом случае администрация города Сургута в конце 2024 года утвердила новую муниципальную программу «Охрана окружающей среды и организация ритуальных услуг в городе Сургуте» [8]. Во втором — Дума города Ханты-Мансийска еще в 2011 году приняла программу комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры города [9], в которой учитываются некоторые экологические аспекты использования водных ресурсов на территории муниципального образования.

Литература:

1. Об административных правонарушениях: Закон ХМАО — Югры от 11 июня 2010 г. № 102-оз (ред. от 28 февраля 2025 г.) // Новости Югры. 2010. № 107.

2. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре: Закон ХМАО — Югры от 28 декабря 2006 г. № 145-оз (ред. от 26 марта 2020 г.) // Новости Югры. 2007. № 7.
3. Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре: Закон ХМАО от 22 июня 2000 г. № 56-оз (ред. от 27 июня 2024 г.) // Новости Югры (спецвыпуск). 2000. № 85.
4. О недропользовании: Закон ХМАО — Югры от 18 апреля 1996 г. № 15-оз (ред. от 25 мая 2023 г.) // Новости Югры. 2005. № 3.
5. О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Экологическая безопасность»: Постановление Правительства ХМАО — Югры от 10 ноября 2023 г. № 566-п (ред. от 26 декабря 2024 г.) // Новости Югры. 2024. № 14.
6. О мерах по реализации государственной программы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Экологическая безопасность»: Постановление Правительства ХМАО — Югры от 27 декабря 2021 г. № 595-п (ред. от 11 декабря 2024 г.) // Новости Югры. 2022. № 18.
7. О Концепции экологической безопасности Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на период до 2030 года: Распоряжение Правительства ХМАО — Югры от 10 апреля 2007 г. № 110-рп (ред. от 25 мая 2023 г.) // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. 2007. № 4, ст. 595.
8. Об утверждении муниципальной программы «Охрана окружающей среды и организация ритуальных услуг в городе Сургуте» и признании утратившими силу некоторых муниципальных правовых актов: Постановление Администрации города Сургута от 12 декабря 2024 г. № 6698 (ред. от 19 февраля 2025 г.) // Официальные документы города Сургута. URL: docsurgut.ru (дата обращения: 16.03.2025).
9. О Программе «Комплексное развитие систем коммунальной инфраструктуры города Ханты-Мансийска»: Решение Думы города Ханты-Мансийска от 04 февраля 2011 г. № 1119 (ред. от 26 декабря 2024 г.) // Самарово-Ханты-Мансийск. 2011. № 7.
10. О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Обеспечение экологической безопасности Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2018–2025 годы и на период до 2030 года»: Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 09 октября 2013 г. № 426-П [документ утратил силу] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460188185?section=text> (дата обращения: 16.03.2025).
11. Доклад о деятельности Федеральной службы по надзору в сфере природопользования в 2023 году. М., Росприроднадзор, 2024. — 158 с.
12. Основные результаты прокурорской деятельности за январь — декабрь 2022 года. [электронный ресурс] // Официальный интернет-сайт Генпрокуратуры России. Раздел: Результаты деятельности органов прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 16.03.2025).
13. Состояние окружающей среды на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры за 2024 год. [электронный ресурс]. Интернет-портал Службы по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/doklady-i-otchyety/otchety-o-deyatelnosti-prirodnadzora/itogi-ser/2024/11014414/sostoyanie-okruzhayushchey-sredy-na-territorii-khanty-mansiy/> (дата обращения: 16.03.2025).
14. Состояние окружающей среды. Ханты-Мансийский Автономный округ — Югра. [электронный ресурс]. СОТИ. URL: <https://nbcrs.org/regions/khanty-mansiyskiy-avtonomnyy-okrug-yugra/sostoyanie-okruzhayushchey-sredy> (дата обращения: 16.03.2025).
15. Состояние окружающей среды на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. [электронный ресурс]. URL: <http://prirodnadzor.admhmao.ru> (дата обращения: 16.03.2025).
16. Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 01 января 2024 года. [электронный ресурс]. Интернет-портал Федеральной службы государственной статистики. URL: http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Chisl_MO_01-01-2024.xlsx (дата обращения: 16.03.2025).

Актуальные проблемы системы управления органами внутренних дел

Донецкая Снежана Владимировна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор исследует актуальные проблемы управления органами внутренних дел, анализируя текущее состояние управленческой политики.

Ключевые слова: органы внутренних дел, система управления, проблемы, эффективность, кадры, информация, общественность, коррупция, ресурсы, нормативно-правовое регулирование.

Современная служба в органах внутренних дел, отвечая на вызовы современности, должна представлять из себя сильный инструмент, благодаря которому обеспечивается общественный порядок и безопасность граждан, ведётся работа по борьбе с преступностью и противодействию коррупции. Эффективность работы ОВД напрямую зависит от качества управления, которое, в свою очередь, сталкивается с рядом серьезных вызовов и проблем, требующих незамедлительного решения. Изучение и систематизация этих проблем, а также разработка практических рекомендаций по их устранению, представляются крайне актуальными для повышения эффективности деятельности ОВД и укрепления доверия граждан к правоохранительным органам.

Согласно пунктам 13–14 глава III Указа Президента РФ от 21.12.2016 N 699 (ред. от 16.01.2025) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации», в единую централизованную систему МВД России входят: органы внутренних дел, включающие в себя полицию; организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России. В состав органов внутренних дел входят:

1. центральный аппарат МВД России;
2. территориальные органы МВД России;
3. образовательные, научные, медицинские (в том числе санаторно-курортные) организации системы МВД России;
4. окружные управления материально-технического снабжения системы МВД России;
5. заграничный аппарат МВД России;
6. организации культуры, физкультурно-спортивные;
7. организации, редакции печатных и электронных средств массовой информации;
8. иные организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы [4].

Несмотря на то, что система органов внутренних дел имеет несколько направлений, в данной статье будут рассмотрены управленческие проблемы на службе в полиции.

Безусловно, одной из главных проблем управления в системе ОВД является кадровый «голод». По итогам 2024 года, некомплект личного состава МВД России вырос

до 174 тыс. человек, что составляет 18,9 % от предельной штатной численности. С 1 января 2024 года Указом Президента предусмотрено установить предельную штатную численность МВД до чуть более 934 тыс. человек, из них сотрудники органов внутренних дел составят почти 782 тыс., с 2025 — более 938 тыс. человек, в том числе более 781 тыс. сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [2].

В настоящее время комплектация штата ОВД не выполняется, что является главной кадровой проблемой. Министр МВД России Владимир Колокольцев объясняет, что причинами острой нехватки сотрудников являются низкие зарплаты и недостаточный уровень социальных гарантий.

Одним из решений проблем личного состава стало упрощение поступления граждан на службу. Так, предельный возраст поступления на службу рядовых и младшего начальствующего состава составляет 50 лет вместо прежних 35. Помимо этого, отменено обязательное условие в виде личного поручительства действующих полицейских за новичков.

Стоит отметить, что из этого вытекает следующая проблема — на службу может поступить человек, не имеющий юридического образования или не окончивший профильный вуз Министерства внутренних дел Российской Федерации. В связи с этим, сотрудник полиции может допустить следующие ошибки:

- 1) недостаточное знание действующего законодательства может привести к ошибкам в применении законов, нарушению прав граждан и незаконным действиям;
- 2) преступления и административные правонарушения могут быть неправильно квалифицированы;
- 3) незнание процессуальных норм и правил может привести к нарушению порядка проведения следственных действий, допросов, задержаний и других процессуальных мероприятий;
- 4) а также другие ошибки, связанные с профильным знанием сотрудника.

Абсурдность ситуации предал Федеральный закон, который снимает запрет на поступление на службу в некоторые федеральные органы исполнительной власти лица в случае прекращения в отношении него уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием по уголовным делам частного обвинения [5]. Принятие такого закона несёт за собой не только репутационные риски для

системы органов внутренних дел, но и проблемы в организации службы. Принятие закона вызвал ажиотаж в обществе: создаётся ощущение, что на службу в ОВД могут поступить граждане с «сомнительным прошлым». Создаётся ощущение безнаказанности: кажется, что уголовное преследование больше не является серьезным препятствием для работы в правоохранительных органах, что может ослабить чувство ответственности перед законом. Авторитет всех сотрудников системы ОВД может быть дискредитирован, что является серьёзной проблемой авторитета сотрудника, как стража закона, в обществе.

Несмотря на упрощённость поступления на службу, проблема низкого размера денежного довольствия не решает одну из серьёзных проблем — коррупция в системе органов внутренних дел. Согласно опубликованным данным 2022 года, к уголовной ответственности было привлечено более 1,4 тыс. сотрудников [1]. Вопрос коррупции остро стоит на контроле внутри системы, преступления, совершённые сотрудниками, выявляются регулярно. Например, согласно отчёту Главного управления МВД России по Московской области, за 12 месяцев 2024 года характеризуются снижением количества преступлений, совершенных сотрудниками ОВД Московской области, на -22,6 % [3]. Можно предположить, что причиной

снижения коррупционных действий среди сотрудников является не «увеличение заработной платы», а «эффективная деятельность подразделений, которая направлена на выявление, пресечение и профилактику коррупционных правонарушений среди сотрудников ОВД.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что в настоящее время существуют серьёзные проблемы в системе управления органами внутренних дел. Данные факторы формируют негативный кадровый контекст, создающий риски снижения профессионализма, повышения уровня злоупотреблений и подрыва доверия общества к правоохранительным органам. Для преодоления сложившейся ситуации необходимо комплексное решение, включающее повышение привлекательности службы в ОВД за счет достойной оплаты труда и социальных гарантий, одновременное усиление контроля за отбором и деятельностью сотрудников, особенно принятых по упрощенной процедуре, а также неукоснительное применение мер ответственности за коррупционные правонарушения, вне зависимости от звания и занимаемой должности. Только комплексный подход позволит сформировать профессиональный, честный и компетентный кадровый состав ОВД, способный эффективно решать задачи по обеспечению правопорядка и безопасности граждан.

Литература:

1. В России в 2022 году 1400 правоохранителей ответили в суде за коррупцию // <https://ria.ru> URL: <https://ria.ru/20221208/korruptsiya-1837112111.html> (дата обращения: 18.03.2025).
2. Колокольцев: некомплект личного состава МВД в России превышает 150 тысяч человек // <https://www.fontanka.ru> URL: <https://www.fontanka.ru/2024/05/14/73575668/> (дата обращения: 18.03.2025).
3. Результаты оперативно-служебной деятельности по противодействию коррупции за 2024 год // <https://50.mvd.rf> URL: https://50.mvd.rf/gumvd/anticorr/Rezultati_operativno_sluzhebnj_dejateln/2024 (дата обращения: 18.03.2025).
4. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» от от 21.12.2016 № N 699 // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2016 г. — с изм. и допол. в ред. от (ред. от 16.01.2025).
5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2024 № № 442-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2024

К проблеме определения предмета договора купли-продажи недвижимости

Елизаров Алексей Игоревич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассматриваются проблемные вопросы определения предмета договора купли-продажи недвижимости

Ключевые слова: договор, недвижимость, купля, продажа.

Любой гражданско-правовой договор характеризуется определенными, обязательными элементами. Данные элементы — это обязательная часть содержания такого договора. Договор купли-продажи недвижимости не является исключением.

На сегодняшний день вокруг вопроса определения элементов договора купли-продажи недвижимости развернулись многочисленные научные дискуссии. Одним из наиболее дискуссионных вопросов в рассматриваемом контексте является предмет договора купли-продажи недвижимости.

В самом общем виде предметом договора купли-продажи недвижимости выступает «передача конкретного объекта недвижимого имущества от продавца к покупателю» [10, С. 378]. Вместе с тем, «кажущаяся простота определения предмета договора купли-продажи недвижимости обманчива, на практике возникает множество проблемных моментов такого определения» [10, С. 379–380]. На наш взгляд, с представленным мнением сложно не согласиться. Анализ материалов правоприменительной практики указывает на наличие многочисленных трудностей отнесения того или иного объекта к разряду недвижимости при заключении договора купли-продажи.

Прежде всего, следует указать на то, что объект не может быть признан недвижимым имуществом только на основании наличия соответствующей документации. Речь, в частности, идет о технических и кадастровых паспортах. Первые выдавались до внесения изменений в ряд законодательных актов, после которых регистрация объекта недвижимости осуществляется посредством внесения данных в кадастровый учет и выдаче кадастрового паспорта.

Несмотря на факт наличия указанных паспортов, отсутствие других оснований является препятствием для признания объекта недвижимым имуществом. В частности, согласно п. 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 06.07.2016, указано, что в случае, когда объект создан исключительно в целях улучшения качества и обслуживания земельного участка и не обладает самостоятельным функциональным назначением, он является неотъемлемой частью земельного участка и не может быть признан объектом недвижимости, права на который подлежат государственной регистрации [3]. Соответствующим образом развивается и судебная практика арбитражных судов и судов общей юрисдикции. К примеру, Арбитражный суд Центрального округа указал, что «один лишь факт включения спорного объекта в ЕГРН не означает признания его в качестве объекта недвижимости. Спорный объект не обладает необходимыми характеристиками, свойственными для недвижимости, его строительство было призвано улучшить полезные свойства земельного участка» [5]. Отметим, что по другим делам в данной сфере суды также принимали решения, соответствующие приведенному примеру [4].

В научной литературе неоднократно приводились мнения, согласно которым недвижимостью должен априори признаваться тот объект, который нельзя переместить без несоразмерного ущерба их назначению [12]. С одной стороны, наличие указанной концепции видится оправданной, поскольку она во многом основана на положениях ч. 1 ст. 130 ГК РФ. Вместе с тем, анализ правоприменительной практики показывает, что суды опираются и на другие характеристики при признании объекта недвижимостью. К примеру, Арбитражный суд Центрального округа указал, что «Имущество, обладающее таким

признаком, как физическая связь с землей, может быть признано объектом капитального строительства только в случае его создания как объекта капитального строительства в установленном законом и иными нормативными правовыми актами порядке: с получением необходимых разрешений и соблюдением градостроительных норм и правил, на земельном участке, предоставленном именно под строительство объекта недвижимости, также данный объект должен иметь самостоятельное функциональное назначение. Для отнесения объекта к капитальному строению, помимо прочной связи с землей, необходимо, чтобы этот объект был создан в установленном законом порядке как недвижимость с получением необходимой разрешительной документации и с соблюдением градостроительных норм и правил» [9].

Аналогичная позиция обнаруживается и в решениях других судов. На практике, в зависимости от категории дела, указывают на такие необходимые для признания объекта недвижимым имуществом, критерии, как: «являются акты об отводе земельного участка для целей строительства, акт приемки законченного строительством объекта, утвержденного в установленном порядке» [6], «наличие специальной цели создания объекта — его использование в качестве недвижимости» [5], «наличие обстоятельств, характеризующих особый порядок и процедуру создания объекта недвижимости» [8].

Продолжая рассматривать специфику судебной практики определения предмета договора купли-продажи недвижимости, необходимо также указать на важную деталь. А именно, замощение земельного участка, не отвечающее признакам сооружения, является его частью и не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью. В практике судов довольно часто встречаются ситуации, связанные с оспариванием данного утверждения. В данном случае показательной видится позиция Арбитражного суда Поволжского округа, указавшего следующее: «Покрытие (замощение) из бетона, асфальта, щебня и других твердых материалов обеспечивает чистую, ровную и твердую поверхность, но не обладает самостоятельными полезными свойствами, а лишь улучшает полезные свойства земельного участка, на котором оно находится. Покрытие (площадка), улучшающее свойства земельного участка, обычно используется совместно со зданиями, строениями или сооружениями, дополняет их полезные свойства при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности собственника зданий и сооружений. Сама по себе укладка на части земельного участка определенного покрытия (из асфальта или иного строительного материала) для целей стоянки транспортных средств, его благоустройства или иных подобных целей не создает нового объекта недвижимости, а представляет собой улучшение полезных свойств земельного участка, на котором выполнено такое замощение» [4].

Приведенный пример — далеко не единственный, встречаются и иные [7]. Как видим, соответствующую позицию занимает Верховный Суд Российской Федерации.

С определением предмета договора купли-продажи недвижимости связана еще одна трудность. Речь идет о признании предметом такого договора действия по передаче объектов незавершенного строительства. В научной литературе относительно данного вопроса высказываются различные мнения. Одни авторы считают, что такие объекты не могут быть включены в предмет договора ни при каких обстоятельствах [10, С. 378]. Другие авторы, напротив, полагают, что такое включение возможно, однако, необходимо соблюдение определенных условий [14, С. 218–219]. Третьи считают, что объект незавершенного строительства — априори недвижимость, а потому может и должна быть включена в предмет договора [13, С. 42].

Анализ материалов судебной практики позволяет нам сделать вывод о правильности второй из озвученных точек зрения. Объект незавершенного строительства признается недвижимым имуществом, если на нем осуществлены работы, результат которых неразрывно связан с землей, в частности заложен фундамент, возведены стены или выполнены аналогичные работы. Так, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по данному поводу указала следующее: «На основании указанного суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу, что ответчиком произведены работы и завершено строительство спорных объектов незавершенного строительства степенью готовности 10 % — фундаментов на дату их государственной регистрации, при этом спорные объекты невозможно перенести без несоизмерного ущерба его назначению, в связи с чем данные объекты обладают всеми необходимыми признаками объектов недвижимости» [4].

По-нашему мнению, наличие приведенных выше трудностей в первую очередь связано с недостатком правового регулирования проблем определения недвижимости. Полагаем, что на сегодняшний день назрела необходимость учета вопросов судебной практики по делам о признании объектов недвижимостью. Такой учет необходимо произвести в ближайшее время, а его результаты закрепить в соответствующем правовом источнике.

В частности, к закреплению предлагаются следующие правовые позиции:

1. «Отнесение имущества к недвижимому невозможно, если единственными основаниями такого решения выступают наличие технического (кадастрового) паспорта, а также тот факт, что оно (имущество) прочно связано с землей. Так, в случае, когда объект создан исключительно в целях улучшения качества и обслуживания земельного участка и не обладает самостоятельным функ-

циональным назначением, он является неотъемлемой частью земельного участка и не может быть признан объектом недвижимости, права на который подлежат государственной регистрации.

2. Объекты, обладающие признаками недвижимого имущества, в том числе такие объекты, которые невозможно переместить без несоизмерного ущерба их назначению, не относятся к недвижимому имуществу, если они не были созданы как недвижимость в установленном законом и иными правовыми актами порядке, с получением необходимой разрешительной документации и соблюдением градостроительных норм и правил.

3. Объект недвижимого имущества, тесно связанный с землей, должен соответствовать следующим критериям: обладание объектом полезными свойствами, которые могут быть использованы независимо от земельного участка, на котором он находится; обладание объектом полезными свойствами, которые могут быть использованы независимо от других находящихся на общем земельном участке зданий, сооружений, иных объектов недвижимого имущества в предпринимательской или иной экономической деятельности собственника такого имущественного комплекса; невозможность перемещения объекта без несоизмерного ущерба его назначению.

4. Объект незавершенного строительства признается недвижимым имуществом, если на нем осуществлены работы, результат которых неразрывно связан с землей, в частности заложен фундамент, возведены стены или выполнены аналогичные работы.

5. Если сторонами не было согласовано условие о цене договора купли-продажи недвижимости и при этом он исполнялся, такой договор признается заключенным».

Представленные позиции целесообразно закрепить в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Таким образом, можем сделать вывод о том, что на сегодняшний день определение предмета договора купли-продажи недвижимости является во многом проблемным. Основной проблемой видится включение в предмет объектов незавершенного строительства, основания отнесения того или иного объекта к недвижимому имуществу, соотношение объекта недвижимости и земли, на которой он расположен. Сформулированные в рамках исследования предложения позволяют, на наш взгляд, разрешить сложившейся проблемы.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. № 5 ст. 410.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016). СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 20.08.2024).
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 01.02.2022 № 309-ЭС21-17228 по делу № А07-17549/2018. СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 20.08.2024).
5. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.08.2018 № Ф01-2918/2018 по делу № А11-11168/2017. СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 20.08.2024).
6. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15.08.2019 № Ф01-3732/2019 по делу № А31-6718/2017. СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 20.08.2024).
7. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.12.2023 № Ф06-10445/2023 по делу № А57-5422/2022. СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 20.08.2024).
8. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 08.02.2024 № Ф10-6632/2023 по делу № А36-369/2021. СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 20.08.2024).
9. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18.02.2021 № Ф10-5689/2020 по делу № А09-1297/2020. СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 20.08.2024).
10. Барабаш Н. А., Коротеев Л. И. Проблемы правового режима незавершенных строительством объектов // Трансформация информационно-коммуникативной среды общества в условиях вызовов современности: Материалы II Международной научно-практической конференции молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 30 ноября — 01 декабря 2023 года. — Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2023. — С. 378–380.
11. Гмыр И. М. тенденции и проблемы развития в сфере управления операциями с недвижимым имуществом // Молодой исследователь: Материалы Всероссийской студенческой конференции, Липецк, 12 декабря 2023 года. — Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2024. — С. 155–158.
12. Жуйкова А. С. Особенности договора купли-продажи недвижимости по законодательству Российской Федерации // Тенденции развития экономики, общества и права в современных реалиях: Сборник статей I всероссийской конференции, Moscow, 31 марта 2024 года. — Москва: ООО «Издательство ВВМ», 2024. — С. 116–122.
13. Ильин А. К. Купля-продажа объектов незавершенного строительства // Бухгалтерский учет. — 2015. — № 9. — С. 42–44.
14. Кононенко С. В. Особенности купли-продажи объекта незавершенного строительства // Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических наук: теория, методология, практика: Материалы XII Международной научно-практической конференции, Тихорецк, 14 апреля 2023 года. — Краснодар: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ- филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2023. — С. 218–226.

Индивидуальная профилактика разбойных нападений

Жидков Степан Максимович, студент

Научный руководитель: Козинцев Сергей Алексеевич, старший преподаватель

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В статье автор исследует возможность предотвращения либо сокращения разбоя за счет профилактики данного преступления.

Ключевые слова: разбой, профилактика, преступления.

В настоящее время в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ч.2 ст.8 Конституции Российской Федерации) [1]. В целях обеспечения реализации данного положения Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за совершение преступлений против собственности.

На данный момент имеется тенденция к снижению количества преступлений, связанных с открытым хищением имущества. По данным МВД в январе-декабре ми-

нувшего года отмечается снижение количества зарегистрированных разбоев на 16,3 %, грабежей — на 20,7 %, краж — на 14,3 %, включая квартирные — на 28,7 %, краж автомобилей — на 19,5 % и их угонов — на 13 %. [2]

Это связано как с тем, что приносит свои результаты профилактическая работа, которую проводят полицейские совместно с другими ведомствами и общественными организациями. Необходимо продолжать такую деятельность для еще большего снижения подобных преступлений.

Индивидуальная профилактика — это в первую очередь воздействие на лиц, склонных к совершению пре-

ступлений. Этот вид профилактики рассчитан на работу с конкретным человеком и его окружением. В рамках выбранной темы исследования, таким человеком выступает лицо, склонное к совершению разбоя как преступления против собственности.

Объектом индивидуальной защиты могут быть как сами люди с их негативными качествами, так и окружающая их социальная среда, включая семью, быт и трудовой коллектив. Когда речь идет о лицах как меры воздействия, подразумеваются люди, поведение и образ жизни указывают на вероятность совершения последствий. В этом девятом взгляды и мотивы личности, формируемые системой ценностных ориентаций, могут служить для профилактического воздействия только в том случае, если они проявляются в поведении, включая анти-социальные действия.

Индивидуальная профилактика должна сосредоточиться на личности и ее отрицательных чертах, а также на среде, формирующей эту личность, включая условия и обстоятельства, способствующие совершению преступлений (криминогенные факторы). Таким образом, индивидуальная профилактика представляет собой деятельность государственных органов и организаций по выявлению лиц с идеологической склонностью к преступникам и их окружению для корректировки поведения и ограничения криминогенных факторов.

В отношении лиц, допускающих разбой, меры индивидуальной профилактики предусматриваются для нейтрализации или ограничения внутренних негативных черт личности. Если говорить о профилактическом воздействии на окружающую среду, то это включает в себя устранение внешних негативных факторов материального и духовного характера, которые могут деформировать личность. К этим факторам относятся строгие условия жизни, морально неблагоприятная среда и негативные межличностные отношения. [3]

Исследуя вопрос, касающийся защиты разбойных нападений, Шульга А. В. Обратил внимание, что при ее реализации необходимо соблюдать следующие требования:

1) Своевременность. Неправильное и запоздалое проведение и применение профилактических мер по обращению к правонарушителям и их окружению приводит к их моральной активизации, а иногда и деградации, укоренению привычек к антисоциальному поведению и глубокому обращению в негативную среду. Все это в значительной степени обеспечивает эффективность применения мер и увеличивает вероятность совершения преступления.

2) Соответствие применяемых мер состояния профилактического воздействия. Чем выше криминогенная по-

раженность объекта, тем более интенсивными должны быть приняты меры. Криминогенное поражение проявляется как в поведении лица, направленном на индивидуально-профилактическое воздействие, так и в степени общей криминальной среды на него.

3) Последовательность. Индивидуальное профилактическое воздействие должно быть последовательным (или ступенчатым). Интенсивность воздействия должна либо постепенно проявляться (если применяются недостаточные меры), либо снижаться (если есть положительные изменения).

4) Комплексность. Деятельность субъектов профилактики должна быть скоординированной, а меры — взаимодополняющими, без дублирования.

5) Реальность, то есть соблюдение профилактических мер объективными возможностями их реализации.

6) Законность. Воспитательная беседа для пациентов и в основном близка к предупредительной беседе. Специфической формой воспитательного воздействия является привлечение помощи родственников, знакомых, коллег и представителей общественности. Одним из основных методов индивидуально-профилактической деятельности также является метод принуждения, основанный на законе. Этот метод позволяет своевременно предотвращать противоправные действия лиц, находящихся под профилактическим контролем, и защищать граждан от их противоправных посягательств. [4]

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается снижение количества преступлений, связанных с открытым хищением имущества, что обусловлено эффективной профилактической работой правоохранительных органов и общественных организаций.

Индивидуальная профилактика преступлений против собственности, таких как разбой, требует комплексного подхода, включающего воздействие на личность и ее окружение. Необходимо сосредоточиться на выявлении и корректировке негативных черт личности, а также устранении внешних криминогенных факторов, способствующих совершению преступлений.

Для повышения эффективности профилактических мер важно соблюдать принципы своевременности, ответственности, последовательности, комплексности, реальности и законности. Реализация этих принципов позволит не только снизить количество преступлений, но и создать более безопасную социальную среду.

В целом, данное исследование подчеркивает важность продолжения и усиления профилактической работы в области защиты собственности, что будет способствовать снижению преступности и повышению безопасности граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г. N 237 (первоначальный текст)

2. Официальный сайт Министерства Внутренних Дел РФ [Электронный ресурс] <https://мвд.рф/> (дата обращения 11.03.2025 г.)
3. Башков А. В. Разбой: некоторые спорные вопросы квалификации // Российское право: образование, практика, наука. — 2015. — № 6(90).
4. Шульга А. В. Охрана имущества и имущественных прав в системах норм о преступлениях против собственности и интеллектуальной собственности: монография. М.: Юрлитинформ., 2012.

Организация специальных операций: понятие, их роль и примеры

Зацепина Виктория Андреевна, студент;

Осокина Анна Михайловна, студент

Научный руководитель: Комнатная Юлия Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается концептуальный аппарат специальных операций как особой формы военных действий, их отличительные характеристики и стратегическое значение в системе национальной безопасности. Проанализированы нормативно-правовые основы проведения специальных операций, организационные аспекты их подготовки и реализации. Особое внимание уделено роли специализированных подразделений в достижении поставленных целей, а также рассмотрен опыт проведения специальных операций в современном контексте.

Ключевые слова: специальные операции, национальная безопасность, вооруженные силы, специальные подразделения, военная стратегия, антитеррористические операции, разведывательная деятельность.

Введение

Специальные операции представляют собой уникальный инструмент обеспечения национальной безопасности государства, применяемый в условиях, когда традиционные военные методы оказываются неэффективными или нецелесообразными. Концепция специальных операций эволюционировала от тактических диверсионных действий малых групп до комплексных многоуровневых операций, интегрирующих военные, разведывательные, дипломатические и информационные компоненты. Актуальность исследования специальных операций обусловлена трансформацией современных вооруженных конфликтов, когда асимметричные угрозы и гибридные войны становятся доминирующими формами противостояния, требующими нестандартных подходов к обеспечению безопасности.

Историческое развитие специальных операций тесно связано с эволюцией методов ведения войны, когда стратегические цели достигались не за счет массированного применения регулярных войск, а посредством точечных воздействий специализированных подразделений на ключевые объекты противника. Современный этап развития специальных операций характеризуется их интеграцией в комплексную систему обеспечения национальной безопасности, что находит отражение в нормативно-правовых документах большинства ведущих государств.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляет комплексный междисциплинарный подход, позволяющий

рассматривать специальные операции через призму военной науки, международного права, политологии и теории национальной безопасности. В работе применены общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод при изучении нормативно-правовой базы, системный подход при исследовании организационных структур, обеспечивающих проведение специальных операций.

Эмпирическую базу исследования составляют нормативно-правовые акты Российской Федерации, регламентирующие вопросы обороны, противодействия терроризму и использования вооруженных сил, научные публикации отечественных и зарубежных авторов, а также открытые материалы о проведенных специальных операциях. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XX века по настоящее время, что позволяет проследить эволюцию концепции специальных операций в современных геополитических условиях.

Результаты и обсуждение

Специальная операция — это комплекс согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту и времени военных, разведывательных, информационно-психологических и иных мероприятий, проводимых специально подготовленными силами по единому плану для достижения определенных целей в ограниченный период времени [15]. В отличие от традиционных военных действий, специальные операции характеризуются высокой степенью скрытности, технической оснащенностью, профессиональной подготовкой исполнителей и неординарностью применяемых методов.

Правовая основа проведения специальных операций в Российской Федерации включает Федеральный закон «Об обороне», Федеральный закон «О противодействии терроризму», Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе», а также ряд указов Президента РФ [9, 7, 10]. Особое значение имеет правовое регулирование использования вооруженных сил за пределами территории Российской Федерации, что требует соответствующего решения Совета Федерации [3].

Специальные операции классифицируются по различным основаниям: по масштабу (стратегические, оперативные, тактические), по характеру решаемых задач (разведывательные, диверсионные, антитеррористические, психологические), по среде проведения (наземные, морские, воздушные, комбинированные) [17, С. 77]. Особую категорию составляют специальные военные операции, проводимые для защиты интересов государства и его граждан в условиях, когда другие средства воздействия исчерпаны [2].

Организация специальной операции включает несколько этапов: планирование, подготовка, проведение и завершение. На этапе планирования определяются цели и задачи операции, производится оценка обстановки, выбор сил и средств, разрабатывается детальный план действий. Подготовка предполагает формирование оперативных групп, их всестороннее обеспечение и тренировку. Этап проведения включает непосредственную реализацию плана операции с возможной его корректировкой в зависимости от изменения обстановки. Завершение операции предусматривает вывод сил из района действий и оценку достигнутых результатов [13, С. 452].

Основным инструментом проведения специальных операций являются силы специальных операций (ССО) — элитные подразделения, специально обученные и оснащенные для выполнения нестандартных задач в сложных условиях. В России день Сил специальных операций отмечается 27 февраля, что подчеркивает их особую роль в системе обеспечения национальной безопасности [6].

ССО отличаются от обычных воинских формирований высочайшим уровнем подготовки личного состава, способностью действовать малыми группами в автономном режиме, специальным оснащением и вооружением, а также уникальными тактическими приемами. Для эффективного функционирования ССО необходима развитая система технической разведки и материально-технического обеспечения, позволяющая оперативно реагировать на изменение обстановки [12, С. 15].

В современных условиях возрастает роль штурмовых подразделений как важной составляющей сил специальных операций. История их создания и применения свидетельствует о высокой эффективности таких формирований при решении специфических боевых задач, что подтверждается опытом проведения специальных военных операций [16, С. 129].

Трансформация современных конфликтов привела к изменению характера специальных операций, которые

все чаще проводятся в условиях «серой зоны» — пространства между состоянием мира и открытой войны. Это требует особого внимания к соблюдению норм международного права, в частности, положений Устава ООН, регламентирующих применение силы в международных отношениях [1].

Ярким примером специальной военной операции в современных условиях является операция, начатая Россией на территории Украины 24 февраля 2022 года. Предыстория данной операции демонстрирует сложность геополитического контекста, в котором принимаются решения о проведении подобных действий. В частности, этому предшествовал восьмилетний конфликт в Донбассе, многочисленные попытки дипломатического урегулирования и признание независимости Донецкой и Луганской народных республик 21 февраля 2022 года. Непосредственным триггером для начала операции стало официальное обращение руководства республик с просьбой о защите от агрессии [14].

Согласно официальной позиции российского руководства, специальная военная операция была начата с четко сформулированными целями: демилитаризация и денацификация Украины, а также защита населения Донбасса. Эти цели отражают специфику современных специальных операций, где наряду с военными задачами присутствуют политические, гуманитарные и идеологические компоненты [17, С. 78]. Особое внимание при планировании операции уделялось минимизации ущерба гражданской инфраструктуре — удары наносились высокоточными средствами поражения по военным объектам, что соответствует принципам проведения специальных операций в густонаселенных районах [11, С. 205].

Анализируя первые дни операции, можно выделить характерные черты современных специальных операций: комплексное применение различных родов войск, включая ВДВ, которые взяли под контроль стратегически важные объекты; использование высокоточного оружия для нейтрализации военной инфраструктуры противника; обеспечение безопасности критически важных объектов [14]. Данный пример наглядно демонстрирует, как в рамках одной специальной операции могут решаться разноплановые задачи — от военно-тактических до обеспечения безопасности целого региона.

Специальные военные операции стали неотъемлемой частью современной системы обеспечения безопасности государства. Их проведение требует тщательной подготовки и всестороннего обеспечения, включая мобилизационные мероприятия в соответствии с законодательством [8]. При этом особую значимость приобретает социальная поддержка участников специальных военных операций и членов их семей, реализуемая через систему государственных гарантий [4; 15, С. 366].

Анализ опыта проведения специальных операций в различных регионах мира показывает, что их успех во многом зависит от качества разведывательного обеспечения, тщательности планирования, уровня подготовки

личного состава и степени межведомственной координации. Важную роль играет также информационно-психологическое сопровождение, направленное на формирование благоприятного отношения общественности к проводимым мероприятиям [11, С. 206].

Заключение

Специальные операции представляют собой комплексный инструмент обеспечения национальной безопасности, применяемый в условиях, когда традиционные методы оказываются недостаточно эффективными. Их организация требует системного подхода, включающего правовое, ресурсное, кадровое и информационное обеспечение. Силы специальных операций, обладающие уникальными возможностями, становятся ключевым элементом военной мощи государства в условиях трансформации характера современных конфликтов.

Опыт проведения специальных операций свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования их организационно-правовых основ, развития системы подготовки специалистов и укрепления материально-технической базы. Особое значение приобретает социальная поддержка участников специальных операций, что способствует повышению морально-психологического состояния личного состава и, как следствие, эффективности выполнения поставленных задач.

Перспективными направлениями развития системы организации специальных операций являются внедрение инновационных технологий и вооружений, совершенствование методов межведомственного взаимодействия, а также адаптация тактики и стратегии к новым вызовам и угрозам. Важным фактором успеха специальных операций будущего станет их интеграция в единую систему обеспечения национальной безопасности, основанную на комплексном применении военных и невоенных методов.

Литература:

1. «Устав Организации Объединенных Наций» (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971). [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>
2. Обращение Президента РФ от 24 февраля 2022 г. О проведении специальной военной операции. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <https://base.garant.ru/403565176/>
3. Постановление СФ ФС РФ от 22.02.2022 N 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации». [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410145/
4. Указ Президента РФ от 03.04.2023 N 232 (ред. от 04.12.2024) «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества». [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443670/
5. Указ Президента РФ от 10.09.2014 N 627 (ред. от 11.06.2024) «О Военно-промышленной комиссии Российской Федерации» (вместе с «Положением о Военно-промышленной комиссии Российской Федерации»). [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_168420/
6. Указ Президента РФ от 26.02.2015 N 103 «Об установлении Дня Сил специальных операций». [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175734/
7. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму». [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/
8. Федеральный закон от 26.02.1997 N 31-ФЗ (ред. от 23.03.2024) «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13454/
9. Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 02.10.2024) «О воинской обязанности и военной службе». [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/
10. Федеральный закон от 31.05.1996 N 61-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об обороне». [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/
11. Винокуров, В. А. Военное положение, уровни реагирования, специальная военная операция: понятие и содержание / В. А. Винокуров // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 7(223). — С. 203–207. — DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_203. — EDN SUJHXJ.
12. Дмитриев, Д. А. Особенности организации технической разведки и эвакуации вооружения, военной и специальной техники в специальной операции / Д. А. Дмитриев, Ю. К. Рытенков, М. Ю. Захаров // Научный Лидер. — 2023. — № 36(134). — С. 14–18. — EDN RYTKSS.
13. Ионов, Б. В. Анализ понятия «героизм» на примере событий Специальной военной операции / Б. В. Ионов // Черноморско-средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков: Материалы Международной научно-практической конференции, Темрюк, 21–23 апреля 2023 года. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. — С. 450–454. — EDN UGSHHW.

14. Начало специальной военной операции (СВО) России на Украине: причины и цели, хронология первых дней. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <https://lenta.ru/articles/2024/02/24/nachalo-svo/>
15. Секов, Д. А. Государственная политика по организации мер поддержки участников специальной военной операции и их семей / Д. А. Секов // Молодой ученый. — 2024. — № 26(525). — С. 365–368. — EDN TGSGKE.
16. Федосов, В. Г. История создания штурмовых подразделений и их роль в Специальной военной операции / В. Г. Федосов // Актуальные направления профилактики и противодействия идеологии терроризма и экстремизма в контексте специальной военной операции: Сборник материалов IX межвузовской научно-практической конференции на иностранных языках, Москва, 15 марта 2024 года. — Москва: Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, 2024. — С. 126–132. — EDN YVFTUO.
17. Филимонов, О. В. Специальная военная операция как триггер социальных конфликтов и роль прокуратуры в их разрешении / О. В. Филимонов // Актуальные проблемы психологического обеспечения деятельности прокуратуры и правоохранительных органов: Сборник материалов круглого стола, Москва, 28 марта 2024 года. — Москва: Университет прокуратуры РФ, 2024. — С. 75–80. — EDN ILXPLN.

Специфика расследования коммерческого подкупа как коррупционного преступления в процедуре банкротства

Ищенко Михаил Антонович, студент

Научный руководитель: Калужина Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует криминалистические особенности расследования коммерческого подкупа в ходе процедуры банкротства. Рассматривается специфика методики расследования преступлений, связанная с преодолением противодействия в контексте процедуры банкротства. При её написании использовались общенаучные методы познания: анализ, синтез, моделирование, индукция и дедуция.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, коррупция, криминалистическая характеристика, расследование, процедура банкротства, методы расследования, следообразование.

Одной из самых острых проблем российской правовой действительности является коррупция, проникающая во все сферы жизни общества. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение перечисленных выше деяний от имени или в интересах юридического лица [1].

Не только органы государственной и муниципальной власти подвержены этой проблеме. Коррупция проникла и в предпринимательские отношения.

В предпринимательской деятельности можно наблюдать такие проявления коррупции, как злоупотребление положением, коммерческий подкуп или иные формы незаконного использования личного статуса для собственной выгоды за счёт нарушения законных интересов

общества и государства, включая получение личной выгоды в форме финансовых средств, ценностей, иного имущества или услуг, или незаконное предоставление выгоды указанному лицу от других физических лиц. Но наиболее актуальной и менее исследованной проблемой является коммерческий подкуп как коррупционное преступление в сфере банкротства.

В данной работе автор обращает внимание на специфику расследования коррупционного преступления как коммерческий подкуп, состав которого предусмотрен ст. 204 УК РФ в рамках процедуры несостоятельности (банкротства), раскрывая криминалистическую характеристику, организацию и расследование преступления, механизм следообразования.

Процедура банкротства в Российской Федерации представляет собой сложный механизм, регулируемый законодательством о несостоятельности (банкротстве) и иными соответствующими нормативно-правовыми актами. Основными этапами данной процедуры являются инициирование процедуры банкротства, утверждение арбитражного управляющего и введение, на основании судебного акта, в отношении должника той или иной процедуры, предусмотренной федеральным законом о несостоятельности, в зависимости от статуса должника (юридическое

лицо или физическое), формирование конкурсной массы должника, выявление и включение удовлетворенных судом ходатайств в реестр требований кредиторов, утверждение плана восстановления или ликвидации должника, а также распределение имущества и удовлетворение требований кредиторов.

Инициирование процедуры банкротства может производиться по заявлению кредитора или должника. Арбитражный управляющий, который назначается судом, занимается формированием конкурсной массы на основании имущества, принадлежащего должнику. Затем проводится раскрытие информации о конкурсном производстве, если должник — юридическое лицо, а если он выступает в качестве физического лица — реализация имущества должника. После введения судом той или иной процедуры, кредиторы предъявляют свои требования, которые могут быть удовлетворены как судом, так и арбитражным управляющим, если кредитором выступает работник должника.

Удовлетворение требований кредиторов выполняется путем распределения и реализации имущества должника на торгах. Таким образом, процедура банкротства направлена на защиту прав кредиторов и эффективное урегулирование финансового положения должника.

Ответственность за коммерческий подкуп предусмотрена в ст. 204 Уголовного кодекса Российской Федерации и характеризуется как незаконная передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконные оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию) [2].

Криминалистическая характеристика коммерческого подкупа в процедуре банкротства включает в себя такие элементы, как способ совершения и сокрытия преступления, наличие специального субъекта в лице арбитражного управляющего, КДЛ, кредитора, должника, также наличие умысла на совершение подкупа или его условий, доказательства фактического перечисления предмета подкупа, устанавливаемые путем анализа финансовых операций, закономерности возникновения материальных и идеальных следов, выявление фактической связей между лицами, участвующими в процедуре банкротства и предполагаемыми действиями по подкупу. Также важным элементом является выявление мотивов и целей совершения подкупа в рамках процедуры банкротства. Существенное значение имеет выяснение вопросов: почему, в силу каких факторов и условий преступник совершает преступление

определенным способом, т. е. какими средствами преступник пользовался.

Способ совершения преступления является объектом исследования не только криминалистики, но и наук уголовного, уголовно-процессуального права, а также других отраслей знания, каждая из которых изучает его в своем аспекте, прежде всего, при принятии решения об отграничении преступного действия от непроступного, при решении вопроса о квалификации содеянного, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания и т. п.

Стоит обратить внимание, что во времена советской криминалистической школы получило широкое признание определение способа совершения преступления как системы действий по подготовке, совершению и сокрытию деяния, детерминированных условиями внешней среды и психофизическими качествами личности, связанных с избирательным использованием средств, условиями времени и места их совершения. Данное понятие способа совершения преступлений не обладает качеством универсальности. Учеными верно подмечено, что понятие способа совершения преступления в его полной структуре относится только к умышленным преступлениям, но не всегда. Подготовительные действия и действия по сокрытию преступления как элементы способа его совершения присущи не всякому преступному событию.

Сторонниками концепции о раздельном существовании способов совершения и сокрытия преступлений, выдвинутой В. П. Колмакова, являлись Б. Н. Коврижных и В. А. Овечкин. Они высказались за создание интегрального понятия «способ преступления», которое включало бы в себя три элемента: способ подготовки, способ совершения и способ сокрытия преступления.

В свою очередь, Р. С. Белкин говорил о допустимости самостоятельного рассмотрения при определенных условиях способа сокрытия преступления. Он считал, что способ совершения преступления будет полноструктурным в случаях, когда действия субъекта на этапах подготовки, совершения и сокрытия преступления объединены общим преступным замыслом. Отсутствие единого преступного замысла, охватывающего собой все стадии преступной деятельности, и является тем обязательным условием, в силу которого возможно существование способа сокрытия преступления вне рамок традиционной структуры способа его совершения.

Но одним из наиболее интересным подходом к градации двух терминологий является мнение Г. Г. Зуйкова, который предлагать заменить комплекс действий, именуемый способом сокрытия преступления на способ уклонения от ответственности. В обоснование он указывает, что доминирующей целью действия по сокрытию преступления является уклонение от ответственности за его совершение [3].

Можно сделать вывод о том, что, если способ совершения преступления характеризуется общим преступным замыслом, реализуемым путем действия и бездействия,

целью которых является достижение преступного результата (в случае коммерческого подкупа — осуществление лицом, наделенным управленческими полномочиями на совершение или несвершение тех или иных действий), то общий замысел способа уклонения от ответственности выражается в избежание и разоблачения и воспрепятствовании установлению объективной истины по делу и осуществляется посредством разнообразных действий и бездействий, направленных на уклонение от ответственности за содеянное.

Практическое значение криминалистического способа уклонения от ответственности имеет два вектора. Знание и правильная интерпретация следователем, дознавателем, прокурором и судьей понятия, структур и содержания способа уклонения от ответственности будет способствовать всестороннему изучению личности преступника, его мотивации и действий по сокрытию преступления на всех этапах преступной деятельности. Научное значение заключается в изучении и обобщении передового опыта, накопление и научная обработка эмпирического материала, использование данных о признаках способов уклонения от ответственности, уют факторов, детерминирующих действия по сокрытию [4].

Предмет преступного посягательства при коммерческом подкупе, также как и многие другие аспекты криминалистической характеристики, обладает особым характером, поскольку именно от свойств предмета зависит способ совершения этого вида преступления. Предметом коммерческого подкупа могут быть различные ценности: деньги (как национальной, так и иностранной валюты), ценные бумаги (чеки, облигации, векселя, сберегательные книжки на предъявителя и т. д.), различное имущество (промышленные и продовольственные товары, недвижимость и пр.), а также услуги материального характера (оплаченные туристические путевки, гостиничные или медицинские услуги, бесплатное обучение виновного или его семьи в платном вузе, ремонт квартиры, строительство дачи и прочее).

Если рассматривать данный состав преступления с позиции типовой следственной ситуации, то можно привести пример из судебной-следственной практики. В рамках уголовного дела было предъявлено обвинение конкурсному управляющему — члену ассоциации арбитражных управляющих (далее по тексту ААУ) в получении коммерческого подкупа в особо крупном размере (ч.4 ст. 204 УК РФ). Следствием было установлено, что в момент осуществления процедуры конкурсного производства в отношении должника-юридического лица, в адрес конкурсного управляющего поступило предложение со стороны организации, в отношении которой конкурсный управляющий готовил ходатайство о привлечении его к субсидиарной ответственности. Арбитражный управляющий согласился на получение обусловленной суммы денег, взамен на отказ от направления ходатайства в суд.

О данном факте стало известно представителю Федеральной Налоговой службы, требования которой удовле-

творены Арбитражным судом и были включены в реестр требований кредиторов должника-организации. Сотрудники налогового органа обратились в следственный орган с заявлением о готовящемся коррупционном преступлении. Следственным органом было принято решение о проведении тактической операции «задержание с поличным». В ходе её осуществления арбитражный управляющий был задержан в момент получения денежной суммы от учредителя организации, в отношении которой готовилось ходатайство о привлечении к субсидиарной ответственности. В ходе допроса арбитражный управляющий признался в совершении преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ. Суд признал арбитражного управляющего виновным в получении коммерческого подкупа в особо крупном размере. С учётом смягчающих обстоятельств (признательных показаний и содействию следователям) приговорил к 4 годам лишения свободы с пятикратным штрафом суммы коммерческого подкупа.

Задержание с поличным при расследовании коммерческого подкупа в процедуре банкротства, как тактическая операция, состоит из оперативного эксперимента, осмотра места происшествия (места получения коммерческого подкупа), непосредственно задержания подозреваемого. Поиск информации на месте происшествия состоит в осмотре места происшествия и изъятия любой информации, которая указала бы на факты, способствовавшие формированию мотивов совершения коммерческого подкупа. Указанные каркасы действий свойственны всем указанным тактическим операциям, хотя их содержательная часть зависит от категории расследуемого преступления [5].

Однако, решение подготовительных задач и проведение комплекса действий по задержанию лиц, подозреваемых в совершении рассматриваемого коррупционного преступления, применяя лишь предоставленные следователю уголовно-процессуальные средства (следственные действия), весьма затруднительно. Поэтому возникает необходимость использования возможностей, которыми располагают органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. Поскольку мероприятия, проводимые органами дознания в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также установления лиц, их подготавливающих и совершивших, осуществляются негласно и скрытно от преступников, это обеспечивает их максимальную эффективность (ст. 2 Закона об ОРД). Оперативно-розыскные мероприятия позволяют получить значительный объем информации, важной для выбора тактики действий следователя.

Для расследования любого преступления — важно грамотно его организовать. В. Д. Зеленский в своих трудах писал о том, что организация расследования преступлений — это процесс упорядочения деятельности его участников посредством определения и конкретизации ее основных взаимосвязанных структурных элементов, создания условий для качественного производства следственных действий, взаимодействия участников уголов-

но-процессуальной деятельности и руководства расследованием [6].

Для успешной организации расследования преступлений коррупционной направленности необходимо также четко определить порядок взаимодействия следователя и оперативно-розыскных органов. Общая слаженность и координация взаимодействия достигается путем строгого распределения обязанностей каждого из участников расследования. При проведении следственных действий в рамках расследования преступлений коррупционной направленности, прежде всего, следует учитывать особую специфику последних, проявляющуюся в особом субъектном составе и механизме совершения, что обуславливает специфику организации предварительного следствия.

В случае организации и расследования рассматриваемого преступления невозможно достаточно быстро собрать всю необходимую доказательную базу и произвести задержание подозреваемого. При таком характере преступлений необходимо проводить очень длительную и детальную оперативную разработку конкретного лица, которое подозревается в получении либо дачи взятки (коммерческом подкупе). Данная разработка реализуется, как правило, без участия следователя, он лишь консультирует сотрудников оперативно-розыскных подразделений по юридическим, криминалистическим и тактическим вопросам в целях обеспечения максимальной эффективности и законности проводимых мероприятий. При достижении определенных показателей достаточности собранных сведений, информация передается следователю, однако, данный этап передачи вызывает большие трудности на практике и серьезные дискуссии в научной среде.

Специфика методики расследования коммерческого подкупа в процедуре банкротства заключается в анализе действий всех заинтересованных сторон, установление аффилированности между Арбитражным управляющим и другим субъектом процедуры банкротства. Последним может выступать как сам должник, контролирующее должника лицо (далее по тексту КДЛ), так и кредитор. Это включает в себя выявление потенциальных взаимодействий, встреч, переговоров, предоставления подарков или

услуг, которые могли быть использованы для оказания давления или получения неправомерной выгоды.

Одним из важных аспектов методики расследования коммерческого подкупа в процедуре банкротства является анализ слеодообразования. Как показывает практика, большинство следов при расследовании рассматриваемого преступления имеют материальный характер. Данными следами могут выступать финансовая и иная документация субъектов процедуры банкротства, ним можно отнести: книгу покупок и продаж предприятия — должника; отчет арбитражного управляющего о своей деятельности; отчет арбитражного управляющего о использовании денежных средств должника; финансовый анализ состояния должника, заключения о наличии признаков фиктивного, преднамеренного банкротства, заключения о наличии оснований об оспаривании сделок должника, договоры об уступке прав требования, принадлежащих должнику; договоры аренды; договоры займа; счета-фактуры, товарные накладные, экспедиторские расписки; акты приема-передачи; акты выполнения работ или оказания услуг; справки об открытых расчетных счетах должника; банковские выписки должника по конкретному расчетному счету; платёжные поручения; расходно — кассовые ордера; документы регистрационного учёта из ГИБДД; сведениях о праве собственности из ЕГРН; сведениях из расширенной выписки ЕГРЮЛ о составе участников и единоличном исполнительном органе юридического лица; почтовые и курьерские документы; описи должника о передаче документов арбитражному управляющему; распорядительные письма, направляемые работникам и контрагентам должника; деловая переписка.

Но это не отменяет факт наличия и идеальных следов, так как они могут оставаться в договорах купли-продажи имущества (в особенности — недвижимости, оборудования и транспортных средств. Идеальные следы остаются в памяти участников дела о банкротстве, контрагентов, а также аффилированных с должником лиц, среди которых наиболее распространены: ближайшие друзья и родственники должника; его работники (в особенности, бухгалтер и юрист); физические лица, осуществляющие деятельность в подконтрольном юридическом лице [7].

Литература:

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ, ст. 1
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ., ст. 204
3. Зуйков Г. Г. Способы сокрытия преступления и уклонения от ответственности. — Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1984. С. 56–64.
4. Великородный П. Г. Сокрытие следов преступления и противодействие его расследованию как способ уклонения от уголовной ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018.
5. Завьялов В. А. Понятие и признаки тактической операции // Общество: политика, экономика, право. — Кубанский государственный университет, 2019.
6. Зеленский В. Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Всероссийский криминологический журнал, 2015.
7. Ткаченко Н. В. Криминологическая характеристика механизма слеодообразования в неправомерных действиях при банкротстве // Вопросы российской юстиции — Уральский государственный юридический университет, 2021.

Непреодолимая сила как основание освобождения от ответственности за нарушение обязательств, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности

Кабакова Светлана Валерьевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Статья посвящена исследованию института непреодолимой силы как основания освобождения от гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Цель работы — раскрыть сущность непреодолимой силы, выявить ее признаки, проанализировать проблемы правового регулирования данного института. В статье проведен анализ нормативных положений, доктринальных подходов и судебной практики по вопросам квалификации обстоятельств в качестве непреодолимой силы. Особое внимание уделено проблеме влияния международных санкций на исполнение договорных обязательств и возможность признания санкций непреодолимой силой. Сформулировано предложение по совершенствованию законодательного регулирования непреодолимой силы путем дополнения ст. 401 ГК РФ положением о критериях признания санкций обстоятельством, освобождающим от ответственности. Сделан вывод о необходимости выработки единообразного подхода судебной практики к оценке добросовестности и разумности действий сторон по преодолению негативных последствий санкций при решении вопроса об освобождении от ответственности за неисполнение обязательств.

Ключевые слова: непреодолимая сила, форс-мажор, предпринимательская деятельность, гражданско-правовая ответственность, договорные обязательства, санкции, признаки непреодолимой силы, добросовестность, разумность.

Институт непреодолимой силы как основание освобождения от гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств имеет длительную историю правовой регламентации. Данный правовой инструмент призван обеспечить баланс интересов участников обязательственных правоотношений, его активное использование особенно востребовано в сфере осуществления предпринимательской деятельности ввиду повышенных имущественных рисков ее субъектов.

Актуальность изучения непреодолимой силы как основания освобождения от ответственности за нарушение обязательств, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, обусловлена тем, что в современных условиях хозяйствования предпринимательская деятельность сопряжена с многочисленными рисками возникновения обстоятельств, препятствующих надлежащему исполнению договорных обязательств.

П. 3 ст. 401 ГК РФ предусматривает возможность освобождения субъекта предпринимательской деятельности от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства при наличии определенных обстоятельств. В частности, лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, вправе быть освобождено от ответственности, если докажет, что надлежащее исполнение обязательства оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, т. е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств [1].

При этом законодатель указал на ряд ситуаций, которые не могут считаться непреодолимой силой, даже если они усложняют выполнение обязательств или делают его экономически нецелесообразным. К таким ситуациям относятся, в частности, нарушение обязательств контрагентом

должника, дефицит необходимых для исполнения товаров на рынке, отсутствие у должника необходимых финансовых ресурсов [1]. Эти обстоятельства рассматриваются как предпринимательские риски, которые несет сам бизнесмен и которые не освобождают его от ответственности за нарушение договорных обязательств.

Анализ правовой нормы показывает, что законодатель выделяет два основных признака непреодолимых обстоятельств: чрезвычайность и непредотвратимость. Для понимания сути этих критериев необходимо обратиться к правовым позициям высших судебных инстанций. П. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» разъясняет, что под чрезвычайностью обстоятельства следует понимать его исключительность, выход за рамки обычных, регулярно возникающих условий. Критерий непредотвратимости обстоятельства означает невозможность предотвратить его наступление или преодолеть его последствия при той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от субъекта гражданских правоотношений, осуществляющего аналогичную с должником деятельность в гражданском обороте [2].

Таким образом, чрезвычайность и непредотвратимость являются основными признаками непреодолимых обстоятельств, позволяющими отличить их от других факторов, влияющих на исполнение договорных обязательств.

Н. М. Головин предложил определение непреодолимой силы, которое заслуживает особого внимания в контексте уточнения критериев данного понятия. Согласно автору, под непреодолимой силой следует понимать внешнее, не-

избежно наступившее при определенных обстоятельствах чрезвычайное событие (вне зависимости от его предвидения), последствия которого приводят к абсолютной невозможности исполнения договорных обязательств либо своим воздействием обуславливают причинение вреда вне зависимости от действий лица [3, с. 11].

Полагаем, что приведенная дефиниция содержит важнейшую характеристику непреодолимой силы (наряду с ее неотвратимостью и чрезвычайностью), а именно — непредотвратимость вызванных ею последствий. Ключевым фактором для освобождения предпринимателя от ответственности выступает именно невозможность преодолеть последствия, обусловленные непреодолимой силой, которые создают препятствия для исполнения обязательства или влекут за собой причинение вреда.

Н. В. Остудин подчеркивает, что действие обстоятельств непреодолимой силы, освобождающее от ответственности за неисполнение договорных обязательств, имеет временные рамки и ограничено периодом непосредственного влияния этих обстоятельств на возможность надлежащего исполнения обязательств. Продолжительность такого периода зависит от длительности самого обстоятельства непреодолимой силы и разумных сроков, необходимых для устранения его последствий. Так, периодом освобождения от ответственности может считаться время затопления территории, продолжительность тушения пожара и необходимый срок для ликвидации последствий иной чрезвычайной ситуации. Таким образом, прекращение ответственности в связи с действием непреодолимой силы носит временный, а не постоянный характер [5, с. 191].

Вместе с тем, Н. В. Остудин отмечает, что наиболее распространенным примером, влияющим на пределы ответственности сторон договора, является включение в текст соглашения условия, предоставляющего сторонам (либо одной из сторон) право на односторонний отказ от договора (от исполнения договорных обязательств) полностью или частично, если обстоятельства непреодолимой силы продолжаются в течение определенного договором периода времени. Данное условие получило широкое применение и активно используется в стандартных формах различных видов договоров [5, с. 193].

Таким образом, наступление обстоятельств непреодолимой силы не освобождает предпринимателя от договорной ответственности бесспорно. Как только воздействие этих обстоятельств на возможность исполнения обязательства прекращается, должник обязан приступить к надлежащему исполнению своих обязанностей. Если же должник не исполняет обязательство после прекращения действия непреодолимой силы, кредитор вправе потребовать применения мер договорной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства в последующий период. Однако, учитывая особенности договорной ответственности в сфере предпринимательской деятельности, стороны могут предусмотреть в соглашении право на односторонний отказ от договора или от

исполнения отдельных обязательств, если обстоятельства непреодолимой силы действуют в течение определенного срока.

А. В. Добровинская поднимает актуальный вопрос о влиянии санкций на исполнение договорных обязательств. Автор отмечает, что одной из главных причин финансовых потерь является уход иностранных компаний с российского рынка. Это привело к расторжению многих контрактов, заключенных до введения ограничительных мер, и приостановке поставок большого количества продукции [4, с. 314]. Нередко одна из сторон договора ссылается на санкции, пытаясь оправдать неисполнение своих обязательств и избежать ответственности. Число подобных случаев растет, что порождает вопросы о трактовке санкций судебной практикой и возможности считать их основанием для расторжения договора и освобождения от компенсации ущерба [4, с. 315].

Анализ судебной практики показывает отсутствие единого подхода к определению санкций как непреодолимой силы в рамках договорных обязательств. Аналогичные обстоятельства, связанные с санкциями, могут расцениваться судами по-разному: в одних случаях они признаются форс-мажором и основанием для освобождения от ответственности за неисполнение договора, в других — нет.

В результате изучения судебной практики можно выделить несколько ключевых позиций по вопросу влияния санкций на исполнение обязательств:

1. Суды исходят из того, что санкционное давление на Россию имеет длительный характер, и участники делового оборота должны были предвидеть возможность введения санкций, препятствующих логистике и платежам с иностранными контрагентами. Предприниматели должны были учитывать эти риски при выстраивании своей бизнес-стратегии [8].

2. В некоторых случаях суды не признают санкции против РФ и связанную с ними внешнеполитическую обстановку в качестве непреодолимой силы, освобождающего от ответственности за просрочку исполнения обязательств, например, по поставке товара [6].

3. Если сторона обязательства предпринимала меры к сокращению сроков поставки и уведомляла контрагента о нарушении сроков исполнения обязательств в условиях санкций, суды могут расценить это как смягчающее обстоятельство, приравненное к непреодолимой силе [7].

Таким образом, единый подход в судебной практике по вопросу влияния санкций на гражданско-правовую ответственность пока не выработан. Суды оценивают каждую ситуацию индивидуально, учитывая действия сторон по минимизации негативных последствий санкций и их добросовестность при исполнении обязательств в условиях ограничений.

Представляется обоснованным дополнить статью 401 ГК РФ частью 5 со следующей формулировкой: «5. Обстоятельствами непреодолимой силы признаются чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях

обстоятельства, которые лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство, не могло предвидеть или преодолеть разумными мерами. К таким обстоятельствам могут относиться введенные иностранным государством меры ограничительного характера (санкции), препятствующие исполнению договорных обязательств, если будет доказано, что сторона предприняла все возможные действия для преодоления негативных последствий санкций, но не смогла их предотвратить».

Включение данного положения в ГК РФ позволит устранить существующий пробел в законодательном регулировании и обеспечить более единообразный подход судов при разрешении споров, связанных с влиянием санкций на гражданско-правовую ответственность сторон договора. Это будет способствовать повышению уровня правовой определенности и предсказуемости в данной сфере правоотношений.

Вместе с тем, представляется необходимым зафиксировать в предлагаемой норме критерий добросовестности и разумности действий стороны по преодолению негативных последствий санкций. Освобождение от ответственности должно быть обусловлено не самим фактом введения санкций, а доказанностью невозможности исполнения обязательства, несмотря на все предпринятые стороной меры.

Такой подход позволит обеспечить справедливый баланс интересов сторон обязательства. С одной стороны,

он защитит добросовестную сторону, которая предприняла все возможные действия для исполнения обязательства, но объективно не смогла преодолеть ограничения, вызванные санкциями. С другой стороны, он предотвратит недобросовестные ссылки на санкции как на обстоятельства непреодолимой силы в ситуациях, когда сторона имела реальную возможность исполнить обязательство, но не предприняла для этого достаточных и разумных усилий.

В заключение следует отметить, что непреодолимая сила как основание освобождения предпринимателей от ответственности по договору характеризуется тремя ключевыми признаками: исключительностью обстоятельств, невозможностью их предотвращения и нахождением вне сферы контроля стороны обязательства. Понятие непредотвратимости включает в себя не только неспособность предотвратить само событие, но и невозможность преодолеть его последствия, препятствующие должному исполнению обязательства, с использованием всех разумных мер, доступных стороне. Обязанность доказать наличие обстоятельств непреодолимой силы лежит на стороне, которая ссылается на эти обстоятельства в качестве основания невозможности исполнения обязательства. Однако нормативно-правовое регулирование института непреодолимой силы в контексте предпринимательской деятельности требует дополнительной конкретизации в части влияния зарубежных санкций.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. N 238–239. 08.12.1994.
2. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) // Российская газета. N 70. 04.04.2016.
3. Головин, Н. М. Феномен непреодолимой силы: цивилистическое исследование: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н. М. Головин. — Саратов, 2013. 28 с.
4. Добровинская, А. В. Договорная ответственность в современном гражданском обороте / А. В. Добровинская // Образование и право. — 2024. — № 4. — С. 314–316.
5. Остудин, Н. В. Чрезвычайная ситуация как обстоятельство непреодолимой силы (правовые критерии и признаки) / Н. В. Остудин, О. С. Великая, Т. К. Кириллова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 1. С. 185–195.
6. Решение № 2–7018/2023 2–7018/2023~М-5967/2023 М-5967/2023 от 5 декабря 2023 г. по делу № 2–7018/2023 [Электронный ресурс] // Судакт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZoaFXwKbUU/> (дата обращения 11.03.2025).
7. Решение № 12–1/2024 12–34/2023 от 25 января 2024 г. по делу № 12–1/2024 [Электронный ресурс] // Судакт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m08dXXUUIWYv/> (дата обращения 11.03.2025).
8. Решение № 2–1005/2024 2–1005/2024(2–7985/2023);~М-7089/2023 2–7985/2023 М-7089/2023 от 21 июня 2024 г. по делу № 2–1005/2024 [Электронный ресурс] // Судакт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eUku4wF25MLJ/> (дата обращения 17.03.2025).

К вопросу о перспективах принципа реального исполнения обязательства

Казымова Диана Разим кызы, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В современном российском праве значительные изменения затронули принципы исполнения обязательств. Долгое время в рамках административно-плановой экономики принцип реального исполнения обязательств рассматривался в качестве важнейшего. В силу сложившегося регулирования мы наблюдаем осторожный отказ от данной концепции. Поэтому требует переосмысления вопрос о перспективах существования в российском праве принципа реального исполнения обязательств.

Ключевые слова: обязательство, договор, исполнение обязательства, принципы исполнения обязательства, исполнение обязательства в натуре.

On the issue of the prospects of the principle of real fulfillment of obligations

In modern Russian law, significant changes have affected the principles of fulfilling obligations. In contrast to the previously prevailing absolutization of the principle of real fulfillment of obligations, today we are witnessing a cautious rejection of this concept. Therefore, the issue of the prospects for the existence of the principle of real fulfillment of obligations in Russian law requires rethinking.

Keywords: obligation, contract, performance of the obligation, principles of performance of the obligation, fulfillment of obligations in kind.

В случае, если на этапе возникновения обязательства возникает правовая неопределенность, она подлежит восполнению за счет таких универсальных правовых средств, как правовые принципы. Принципы исполнения обязательств, будучи институциональными, опосредуют наиболее сложные аспекты обязательственных правоотношений.

Принцип реального исполнения обязательства берет свое начало из советского прошлого. В условиях административно-плановой экономики, с ее такими проявлениями, как несбалансированность различных секторов, дефицит товаров, работ и услуг, регулирование прямыми указаниями в рамках работы системы Госплана, было чрезвычайно важно получить в рамках достигнутого сторонами соглашения именно то исполнение, о котором была достигнута договоренность. Обращение к компенсаторным механизмам возмещения убытков при отсутствии исполнения в натуре не рассматривалось в качестве достаточной альтернативы реального исполнения обязательства.

Так, подобный принцип получил закрепление в ГК РСФСР 1964 г., где в ст. 221 ГК РСФСР было определено, что возмещение убытков, причиненных ненадлежащим исполнением обязательства, не освобождает должника от исполнения обязательства в натуре, кроме случаев, когда плановое задание, на котором основано обязательство между социалистическими организациями, утратило силу» [3].

После распада СССР в стране сложилась принципиально иная модель хозяйствования с частной собственностью, свободным рынком, конкуренцией. Очевидным образом, это не могло не сказаться на концептуальных

основах обязательственного права. Принцип реального исполнения обязательства подвергся определенному забвению — считалось, что в условиях рыночной экономики нет нужды требовать исполнения обязательства в натуре, если есть возможность получить ту или иную работу, услуги или товар от иного контрагента, возложив на допустившего нарушение субъекта бремя несения убытков. Поэтому в условиях утраты (по крайней мере, концептуально-идеологической) своего значения, принцип реального исполнения обязательства на уровне ГК РФ получил иные трактовки. Действовала ст. 309 ГК РФ, где закреплялось, что «обязательства должны исполняться надлежащим образом...». Подобные формулировки легли в основу научных представлений, в силу которых принцип реального исполнения обязательств стал рассматриваться как составная часть, элемент принципа надлежащего исполнения обязательства [7, с. 123].

В правовой доктрине распространились представления о том, что смысл данного принципа заключается в том, что со стороны должника должны иметь место действия, соответствующие предмету обязательства, вследствие совершения которых стороны должны получить тот результат, ради которого они и вступали в правоотношения [6, с. 122].

Некая связь с принципом реального исполнения обязательства прослеживается при анализе ст. 396 ГК РФ, где устанавливается ответственность и исполнение обязательства в натуре [1]. Предусматривается, что в случае ненадлежащего исполнения обязательства возмещение убытков не освобождает должника от исполнения обязательства в натуре (при отсутствии иных указаний в законе или договоре); в то время как в ситуации неиспол-

нения обязательства, при возмещении убытков и уплате неустойки, закон уже не требует реального исполнения обязательства от должника. Подобный подход законодателя вызывает определенные вопросы и сомнения в его обоснованности.

Но в целом, существующая правовая база позволяет прийти к выводам о том, что принцип реального исполнения обязательства сведен к ситуациям отклонения от нормального течения процесса исполнения обязательства. По общему правилу, законодатель требует исполнения в натуре на случай ненадлежащего исполнения обязательства, но не выдвигает подобного требования в случае полного неисполнения, полагая здесь достаточным лишь возмещение убытков (ст. 396 ГК РФ).

Однако принцип сохранен, например, в Законе РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей», где гражданину-потребителю предоставлено право требовать исполнения в натуре [2]. Особенности предмета исполнения тоже могут сказаться на концептуализации указанного принципа. В судебной практике, в этой связи, отмечается, что, если предмет сделки наделен специфическими свойствами, что затрудняет вплоть до полной невозможности получения исполнения от иного контрагента, уплата неустойки и возмещение убытков не будут являться достаточной компенсацией для кредитора. Однако, если вещь, например, не относится к категории, свободно обращающейся на рынке, а должник по определенным причинам утратил возможность передать ее по договору, то это может свидетельствовать о невозможности понуждения к исполнению указанного обязатель-

ства в натуре [4]. Однако товар по данной сделке, исполнение которого было предметом спора, не может быть отнесен к вещи, свободно обращающейся на рынке.

Таким образом, полагаем, что принцип реального исполнения обязательств является самостоятельным принципом обязательственного права, который не поглощается принципом надлежащего исполнения обязательства. В основе данного принципа лежит возможность принуждения к исполнению обязательства в натуре. Смысл данного принципа заключается в том, что со стороны должника должны иметь место действия, соответствующие предмету обязательства, вследствие совершения которых стороны должны получить тот результат, ради которого они и вступали в правоотношения. И если принцип надлежащего исполнения обязательства применяется на всех этапах развития обязательственного отношения, то принцип реального исполнения обязательства применим в случаях нарушения исполнения обязательства или же его неисполнения.

Предусматривается, что в случае ненадлежащего исполнения обязательства, возмещение убытков не освобождает должника от исполнения обязательства в натуре (при отсутствии иных указаний в законе или договоре); в то время как в ситуации неисполнения обязательства, при возмещении убытков и уплате неустойки, закон уже не требует реального исполнения обязательства от должника. Как представляется, указанные нормы п. 1 и п. 2 ст. 396 ГК РФ должны быть унифицированы путем установления единых правил.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
3. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 24.12.1992) // Свод законов РСФСР. т. 2. с. 7.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. Апрель. 2020.
5. Белов, В. А. Обязательственное право: учебное пособие для вузов / В. А. Белов. — М.: Издательство Юрайт, 2024. — 425 с.
6. Зенин, И. А. Гражданское право. Общая часть: учебник для вузов / И. А. Зенин. — 20-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 526 с.
7. Сарбаш С. В. Обязательства и их исполнение: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (постатейный). Москва: М-Логос, 2022. 464 с.

Определение понятия «несообщение о преступлении»

Камилев Азим Ленурович, студент магистратуры

Научный руководитель: Шигонин Александр Борисович, кандидат юридических наук, доцент
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В статье рассматривается понятие «несообщение о преступлении» в контексте уголовного законодательства Российской Федерации. Анализируются нормы, регулирующие данное явление, а также его правовые и социальные аспекты. Особое внимание уделяется причинам несообщения о преступлениях, последствиям для общества и правоприменительной практики. В статье также рассматриваются случаи, когда несообщение о преступлении может быть оправдано, и предлагаются рекомендации по улучшению информирования граждан о необходимости сообщения о преступлениях. Целью работы является создание комплексного понимания данного понятия и его значимости для правопорядка в стране.

Ключевые слова: несообщение о преступлении, уголовное законодательство, правоприменительная практика, социальные аспекты, правопорядок, информирование граждан, ответственность за несообщение.

Definition of the term «failure to report a crime»

Kamilev Azim Lenurovich, student master's degree

Scientific advisor: Shigonin Aleksandr Borisovich, candidate of law sciences, associate professor
Crimean Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Simferopol)

The article examines the concept of «failure to report a crime» in the context of the criminal legislation of the Russian Federation. The norms governing this phenomenon, as well as its legal and social aspects, are analyzed. Particular attention is paid to the reasons for failure to report crimes, the consequences for society and law enforcement practice. The article also examines cases where failure to report a crime can be justified, and offers recommendations for improving citizen awareness of the need to report crimes. The purpose of the work is to create a comprehensive understanding of this concept and its significance for law and order in the country.

Keywords: failure to report a crime, criminal legislation, law enforcement practice, social aspects, law and order, informing citizens, liability for failure to report.

В условиях современного общества, где правопорядок и безопасность граждан играют ключевую роль, понятие «несообщение о преступлении» становится важным элементом уголовного законодательства. В Российской Федерации это явление связано с обязанностью граждан информировать правоохранительные органы о фактах совершения или подготовки преступлений. В данном эссе мы рассмотрим определение понятия «несообщение о преступлении», его правовые аспекты и значение для обеспечения общественной безопасности.

Несообщение о преступлении можно определить, как умышленное или неумышленное уклонение лица от выполнения обязанности сообщить о факте совершения или подготовки преступления. В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации, такая обязанность возлагается на определенные категории граждан, включая должностных лиц, работников образовательных учреждений и медицинских учреждений.

Например, статья 205.6 Уголовного кодекса РФ устанавливает ответственность за: «несообщение о преступлении террористической направленности, что подчеркивает важность своевременного информирования правоохранительных органов в целях предотвращения угроз» [1].

Правовые аспекты несообщения о преступлении в России регулируются не только Уголовным кодексом, но и другими нормативно-правовыми актами. Важно отметить, что ответственность за несообщение может быть, как уголовной, так и административной. Это зависит от характера преступления и обстоятельств его совершения. Например, несообщение о менее тяжких преступлениях может влечь за собой административное наказание, тогда как укрытие информации о тяжких или особо тяжких преступлениях может привести к уголовной ответственности.

Несообщение о преступлении может иметь серьезные социальные последствия. Во-первых, это создает условия для безнаказанности преступников и способствует росту преступности. Если граждане не сообщают о совершенных преступлениях, правоохранительные органы теряют возможность оперативно реагировать на угрозы и предотвращать дальнейшие нарушения закона. Во-вторых, несообщение может негативно сказаться на общественном сознании, создавая атмосферу недоверия между гражданами и государственными институтами.

Кроме того, важно учитывать, что многие люди могут не сообщать о преступлениях не из-за злого умысла, а из-за страха перед возможными последствиями. Это может быть страх мести со стороны преступника, недо-

верие к правоохранительным органам или незнание своих прав и обязанностей. Поэтому повышение правовой грамотности населения является важным шагом в борьбе с несообщением о преступлениях.

Для решения проблемы несообщения о преступлениях необходимо развивать программы по повышению правовой осведомленности граждан. Образование и информирование населения о том, как правильно действовать в случае обнаружения преступления, какие права и обязанности у них есть, могут существенно снизить уровень несообщения. Важно также создать безопасные каналы для анонимного сообщения о преступлениях, чтобы граждане могли сообщать о правонарушениях без страха за свою безопасность.

За последние два десятилетия Россия продемонстрировала заметный экономический прогресс, что благоприятно сказалось на уровне жизни её граждан. В этот период также произошло укрепление политической системы, что дало возможность стране проводить самостоятельную внешнюю политику. Россия достигла значительных успехов на международной арене, включая вхождение Республики Крым в состав страны и активные действия в Сирии. Эти события вызвали интерес со стороны ряда государств, стремящихся дестабилизировать ситуацию внутри России. В ответ на это они начали применять различные террористические методы для реализации своих замыслов.

В свое время М. И. Ковалев справедливо отметил, что: «уголовное право должно подвергаться изменениям, переоценке отдельных институтов и норм. Все эти изменения и переоценки являются результатом определенных изменений в уголовно-правовой политике, ибо она прокладывает мостик между более неподвижной и консервативной криминальной теорией, и непрерывно изменяющимися реальностями жизни» [7, с. 70].

В научных кругах уже на протяжении длительного времени ведутся споры по поводу института доношительства. С одной стороны, существует мнение, выступающее за его восстановление, акцентируя внимание на значимости информирования о преступлениях. С другой стороны, противники этой идеи утверждают, что введение таких мер может угрожать правам и свободам граждан.

Так, В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов указывают, что: «декриминализация нужна, если уголовный закон расходится с общественной нравственностью. Именно исходя из этого в 1996 г. в УК РФ не была включена статья о доношении о преступлении, лица были избавлены от необходимости тяжкого выбора: донести о близком человеке или промолчать, следуя «голосу совести» [9].

Но вместе с тем еще более ста лет назад Н. С. Таганцев указывал: «при современных условиях государственной жизни нет необходимости привлечения всех граждан к участию в преследовании преступников... Специальные органы могут вести дело открытия преступников и с несравненно большим успехом, и с меньшей затратой сил» [11, с. 629].

Негативно оценивал ответственность за доношительство В.В. Сверчков: «сделать каждого обязанным к этому страхом наказаний — значит крайне стеснить их свободу, обратить их в полицейских чиновников, в шпионов, развращать их, ибо в основании доношения почти всегда лежит чувство сострадания к падшему ближнему... Ненамного лучше и назначать награды за доносы, ибо этими обещаниями государство... трактует весьма нелестно своих подданных... показывает свое бессилие» [10, с. 395].

Федеральный закон от 6 июля 2016 года № 375-ФЗ внес изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, добавив новую статью 205.6. В этой статье определяются: «признаки состава преступления, связанного с несообщением о террористической деятельности. Цель этих изменений — усиление мер по борьбе с терроризмом и повышение уровня общественной безопасности» [2].

В уголовно-правовой системе России институт доношительства представляет собой известное и активно обсуждаемое явление. Специалисты в этой области часто ведут дискуссии о его характере и влиянии, подчеркивая, как его особенности, так и возможные последствия.

Так, согласно первоначальной редакции Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.: «лицо подлежало уголовной ответственности в случае доношения о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении» [3].

Статья 190 Уголовного кодекса РСФСР насчитывала: «19 преступлений, доношение о которых предусматривало уголовную ответственность» [3].

С введением в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 205.6 было: «криминализовано несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлениях, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ» [1].

Название статьи не полностью отражает содержание, представленное в ее диспозиции. Термин «несообщение о преступлении» подразумевает укрытие информации о самом факте преступления. В то же время диспозиция статьи 205.6 УК РФ акцентирует внимание на конкретных лицах, которые могут быть вовлечены в подготовку данного преступления. Также стоит отметить, что несообщение о преступлении охватывает ситуации, когда информация не предоставляется о тех, кто участвует в его подготовке.

Статья 205.6 УК РФ затрагивает более обширные аспекты, чем те, что указаны в ее диспозиции. Она не ограничивается лишь укрытием информации о конкретных лицах, но также охватывает ситуации, когда не сообщается о действиях, связанных с подготовкой или совершением преступлений, предусмотренных данной статьей.

Современные нормы уголовного кодекса отличаются от прежних правил, касающихся доношительства. Теперь ответственность устанавливается исключительно за укрытие информации о конкретных лицах. Это означает, что, если человек осведомлен о готовящемся или уже со-

вершённом преступлении, он не обязан сообщать об этом. В таких случаях его бездействие может вызвать лишь моральное осуждение, но не подпадает под действие статьи 205.6 УК РФ [1].

По мнению М. С. Кириенко: «определяя характер общественной опасности преступления, закрепленного в ст. 205.6 УК РФ, и учитывая существующую структуру Особенной части УК РФ, видовым объектом несообщения о преступлении должна выступать общественная безопасность и общественный порядок» [6].

Тем не менее, у законодателя возникают определённые вопросы, касающиеся логики его решений. Не все статьи из приведённого списка имеют прямую связь с рассматриваемой главой Уголовного кодекса Российской Федерации. Это вызывает сомнения в необходимости их включения в данный перечень.

Объективная сторона статьи 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации характеризуется пассивным поведением субъекта. В данном случае нарушение проявляется в бездействии, когда лицо не осуществляет никаких активных действий. Именно это отсутствие активности и составляет суть правонарушения [8, с. 576].

В этом контексте основное внимание уделяется бездействию. Если человек, совершивший преступление, помогает скрыть других соучастников, он может стать соучастником, если заранее согласился на такое содействие. В случае же, когда укрытие преступления происходит без предварительного согласия, это действие подпадает под статью 316 Уголовного кодекса Российской Федерации [1].

Несообщение о преступлении можно трактовать как преступное бездействие. При этом важно понимать, что для привлечения человека к ответственности недостаточно лишь осознания им фактов, связанных с готовящимся или уже совершённым террористическим актом. Он также должен обладать реальной возможностью донести эту информацию до соответствующих органов власти. Таким образом, необходимо оценить, насколько человек способен предпринять действия в данной ситуации и сообщить о преступлении.

Необходимо отметить, что: «уголовная ответственность должна быть исключена в случае, если подозреваемый не сообщил достоверно известную информацию о лице в силу объективных причин, таких как ночное время суток, временная нетрудоспособность, исключаящая возможность общения, беспомощное состояние, отсутствие того или иного технического средства связи (телефонного аппарата, телефонной связи, доступа к глобальной сети Интернет или ограниченный оператором доступ к услугам связи)» [6].

Бездействие может возникать не только из-за действий отдельных лиц, но и по причине различных факторов, связанных с функционированием государственных структур. Например, непредвиденные обстоятельства могут препятствовать передаче информации. К таким обстоятельствам относятся технические неисправности или утрата носителей данных.

Уголовная ответственность может быть возложена на человека, если он имел возможность сообщить о террористическом акте и его участниках, но не воспользовался этой возможностью. Тем не менее, бывает непросто определить, была ли у него реальная обязанность сделать это.

В настоящий момент, по мнению М. С. Кириенко: «ст. 205.6 УК РФ фактически предусматривает не только запрет сокрытия известной информации о лицах, причастных к перечисленным в диспозиции преступлениям, но и обязанность лица сообщать об этом, тем самым регламентируя поведение субъекта отношений, определяя его обязанности, что не свойственно уголовно-правовым нормам» [6].

В уголовно-правовой норме не предусмотрены четкие сроки, в течение которых гражданин обязан уведомить правоохранительные органы о преступлении. Это отсутствие временных ограничений затрудняет квалификацию совершенного деяния. Невыполнение одного из ключевых условий для привлечения к уголовной ответственности создает дополнительные сложности. В результате правоприменителям приходится использовать не всегда уместные аналогии для анализа конкретных ситуаций.

Однако: «в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за несообщение о преступлении, о котором ему стало известно более двух лет тому назад» [1].

При оценке полноты предоставляемой информации следует учитывать, что гражданин обязан сообщать только те данные, которые ему известны. Эта информация должна быть достаточной для того, чтобы правоохранительные органы могли предпринять необходимые действия. Следовательно, нет необходимости предоставлять избыточные сведения, выходящие за рамки требований расследования.

М. С. Кириенко также пишет, что: «согласно ст. 205.6 УК РФ информация однозначно должна охватывать осведомленность об исполнителе преступления, что касается других соучастников, то несообщение о них следует квалифицировать по указанной норме, если субъект осознает не только характер совершаемого или готовящегося преступления, но и функциональную роль иных соучастников и их связь с исполнителем. Однако граждане в подавляющем большинстве не обладают достаточным уровнем правовых знаний, позволяющим достоверно различать исполнителей и соучастников. К тому же восприятие гражданина будет носить вероятностный, а не достоверный характер либо вообще может быть ошибочным» [6].

Изготовление взрывного устройства, по мнению Г. И. Баймурзина: «может рассматриваться как преступление, связанное с незаконным обращением с оружием. Это обстоятельство может привести к неверному пониманию намерений человека. Более того, такие действия могут быть ошибочно истолкованы как подготовка к террористической деятельности» [4, с. 70].

Важно обратить внимание на термин «достоверно известные сведения», так как его интерпретация может варьироваться. Для одних людей достоверными счита-

ются данные, найденные в Интернете, публикации в социальных сетях или даже слухи, не имеющие официального подтверждения. Однако такая информация зачастую оказывается ненадежной. Чтобы избежать недоразумений, необходимо четко определить этот термин и предоставить разъяснения, опираясь на судебную практику.

При использовании статьи 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации возникает ключевой вопрос: какие именно органы имеют право рассматривать сообщения о преступлениях? Это уточнение крайне важно, так как оно позволит гражданам точно знать, куда обращаться в подобных ситуациях.

Некоторые правоприменители считают, что: «их перечень изложен в ст. 150, 151 УПК РФ, т. е. это те органы, которые наделены правом расследования. Но в указанных статьях не упоминаются такие правоохранительные структуры, как суды, органы прокуратуры, федеральная служба войск национальной гвардии. Являются ли органами, уполномоченными принимать заявления, федеральные органы исполнительной власти не правоохранительной направленности?» [5, с. 196].

Статья 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации акцентирует внимание на наличии прямого умысла у лица. Это подразумевает, что человек осознает наличие у него информации о преступнике, который совершил деяния, описанные в данной статье. Тем не менее, он принимает сознательное решение не передавать эту информацию. Если у гражданина есть надежные данные о преступлении и он осознает свои действия, это свидетельствует о его намерении действовать определенным образом. В данном контексте его поступок рассматривается как целенаправленный, а не равнодушный. В связи с этим возникает важный вопрос: как правильно определить субъекта данного преступления?

В настоящий момент законодатель предусмотрел, что: «несообщение о преступлении наказуемо с 14-летнего возраста, т. е. предполагается, что лицо в этом возрасте способно осознавать характер несообщаемой информации» [6].

Г. И. Баймурзин в своей работе писал, что: «житейская практика показывает, что 14-летние подростки вряд ли могут осознавать, что они скрывают информацию о лицах, готовящих преступления по такой статье, как на-

силственный захват власти, а если и что-то и узнали, то вряд ли смогут дать объективную оценку полученным сведениям, а также сообщить об этом в уполномоченные органы, ибо порой не знают, что подразумевается под этими терминами в силу своего возраста. Кроме этого из всех перечисленных в диспозиции ст. 205.6 УК РФ преступлений только часть предусматривает пониженный возраст уголовной ответственности (ст. 205, 205.3, 205.4, ч. 2 ст. 205.5, 206, ч. 2 ст. 208, 211, 277, 360, 361 УК РФ), в других — субъект общий. Таким образом, восприятие преступления, при совершении которого возраст уголовной ответственности наступает с 16-летнего возраста, возможно с 14 лет. Такое законодательное решение несколько нарушает взаимосвязь Общей и Особенной частей УК РФ» [4, с. 71].

Статья 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации представляет собой нововведение в российском праве. На данный момент среди правозащитников и юристов нет единого мнения относительно квалификации преступления, предусмотренного этой статьей. В практическом применении отсутствует четкий алгоритм, что создает трудности для правоохранительных органов. Кроме того, отсутствие разъяснений от высших судебных инстанций усугубляет ситуацию.

В связи с этим важно глубоко проанализировать ключевые понятия, связанные с уголовными делами данной категории. Необходимо прояснить как объективные, так и субъективные признаки несообщения о преступлении. Также следует разработать ясные критерии, которые позволят отличать это деяние от других схожих преступлений.

В заключение, понятие «несообщение о преступлении» в Российской Федерации является важным элементом уголовного законодательства и требует комплексного подхода к его пониманию и решению связанных с ним проблем. Оно имеет как правовые, так и социальные аспекты, которые необходимо учитывать для обеспечения правопорядка и безопасности в обществе. Повышение правовой грамотности населения, создание доверительных отношений между гражданами и правоохранительными органами, а также эффективное законодательство могут способствовать снижению уровня несообщения и повышению общей безопасности в стране.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954
2. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. N 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 июля 2016 г. N 28 ст. 4559
3. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, N 40, ст. 591
4. Баймурзин, Г. И. Ответственность за прикосновенность к преступлению: дис.... канд. юрид. наук / Г. И. Баймурзин. — М., 2019. 129 с.

5. Белогриц-Котляревский Л. С., Сергеевский Н. Д., Фойницкий И. Я. Краткий курс русского уголовного права. М.: Ленанд. 2022. 256 с.
6. Кириенко, М. С. Несообщение о преступлении: старый состав в новых условиях / М. С. Кириенко // Адвокат. — 2020. — № 7. С. 7–11.
7. Ковалев, М. И. Соотношение уголовной политики и уголовного права / М. И. Ковалев // Советское государство и право. — 1979. — № 12. 369 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (научно-практический, постатейный) / под ред. д.ю.н., профессора Н. Г. Кадникова и д. ю.н., профессора С. В. Дьякова. — М.: ИД «Юриспруденция», 2019. 963 с.
9. Кудрявцев, В. Н. Криминология и проблемы декриминализации / В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов // Журнал российского права. — 2020. — № 4. — С. 103–107.
10. Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части. М.: Юрайт. 2023. 728 с.
11. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. Т.1. / Н. С. Таганцев. -СПб. Гос. Тип., 2019. 853 с.

Пути совершенствования уголовного законодательства за несообщение о преступлении

Камилев Азим Ленурович, студент магистратуры

Научный руководитель: Шигонин Александр Борисович, кандидат юридических наук, доцент
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В статье исследуются пути совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации в области несообщения о преступлении. Рассматриваются существующие правовые нормы, регулирующие ответственность за несообщение о преступлениях, а также анализируются проблемы, возникающие в процессе их применения. Особое внимание уделяется причинам, по которым граждане не сообщают о преступлениях, и последствиям этого явления для правопорядка. В статье предлагаются рекомендации по улучшению законодательных инициатив, направленных на повышение уровня информированности населения о необходимости сообщения о преступлениях, а также на создание более эффективных механизмов защиты информаторов. Цель работы заключается в разработке практических предложений для оптимизации уголовного законодательства и повышения его эффективности в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: несообщение о преступлении, уголовное законодательство, ответственность, правопорядок, информирование населения, совершенствование законодательства, механизмы защиты информаторов.

Ways to improve criminal legislation for failure to report a crime

Kamilev Azim Lenurovich, student master's degree

Scientific advisor: Shigonin Aleksandr Borisovich, candidate of law sciences, associate professor
Crimean Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Simferopol)

The article examines ways to improve the criminal legislation of the Russian Federation in the area of failure to report crimes. The existing legal norms governing liability for failure to report crimes are considered, and the problems that arise in the process of their application are analyzed. Particular attention is paid to the reasons why citizens do not report crimes and the consequences of this phenomenon for law and order. The article offers recommendations for improving legislative initiatives aimed at raising the level of public awareness of the need to report crimes, as well as creating more effective mechanisms for protecting informants. The purpose of the work is to develop practical proposals for optimizing criminal legislation and increasing its effectiveness in the fight against crime.

Keywords: failure to report a crime, criminal legislation, responsibility, law and order, informing the population, improving legislation, mechanisms for protecting whistleblowers.

Несообщение о преступлении — это важный аспект уголовного права, который играет ключевую роль в обеспечении безопасности общества и предотвращении преступности. В Российской Федерации данная норма закреплена в Уголовном кодексе, однако существует необ-

ходимость в её совершенствовании для более эффективного реагирования на правонарушения. В данном эссе будут рассмотрены основные проблемы действующего законодательства в этой области и предложены пути их решения.

Проблемы действующего законодательства

1. Одной из основных проблем является неопределенность в формулировках, касающихся обязанности сообщать о преступлениях. Существуют разночтения относительно того, какие именно преступления подлежат обязательному сообщению, что может привести к правовым неясностям и затруднениям в судебной практике.

2. В настоящее время обязанность сообщать о преступлениях возложена на ограниченный круг лиц (например, медицинских работников, педагогов). Это вызывает вопросы о справедливости и целесообразности, поскольку многие другие категории граждан также могут обладать информацией о преступлениях.

3. В действующем законодательстве отсутствуют четкие механизмы поощрения граждан за своевременное сообщение о преступлениях. Это может снижать мотивацию к сотрудничеству с правоохранительными органами и уменьшать количество сообщений о правонарушениях.

4. Многие граждане не осознают своих обязанностей по сообщению о преступлениях, что связано с низким уровнем правовой грамотности. Это может приводить к тому, что информация о преступлениях не доходит до правоохранительных органов.

Пути совершенствования законодательства

1. Необходимо пересмотреть и уточнить формулировки статей, касающихся несообщения о преступлении. Четкое определение того, какие именно преступления подлежат обязательному сообщению, поможет избежать правовых неясностей и повысит эффективность применения закона.

2. Следует рассмотреть возможность расширения круга лиц, обязанных сообщать о преступлениях. Это может включать не только профессионалов, но и всех граждан. Важно создать общественное сознание о том, что каждый имеет право и обязанность сообщать о правонарушениях.

3. Для повышения мотивации граждан к сообщениям о преступлениях можно ввести системы поощрения. Например, предоставление анонимных вознаграждений или других форм признания за информацию, которая помогает раскрыть преступление, может способствовать более активному участию граждан в борьбе с преступностью.

4. Необходимы программы по повышению правовой грамотности населения. Обучение граждан их правам и обязанностям поможет создать более информированное общество, способное активно участвовать в предотвращении преступлений.

5. Важно обеспечить гражданам возможность анонимного и безопасного сообщения о преступлениях. Разработка мобильных приложений или горячих линий для анонимного обращения позволит людям чувствовать себя защищенными при сообщении о правонарушениях.

24 июня 2016 г. Государственной Думой РФ приняты 2 Федеральных закона:

1. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. N 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [7];

2. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. N 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [8].

В общественных дискуссиях и средствах массовой информации законодательные акты нередко упоминаются как «Законы Яровой» или «Пакет Яровой». Это название связано с фамилией И. А. Яровой, депутата Государственной Думы, которая является одним из авторов данных законопроектов. Вторым соавтором выступает В. А. Озеров, представляющий Совет Федерации.

Согласно официальным названиям, данные законы ориентированы на борьбу с терроризмом. В Уголовный кодекс России были внесены важные изменения в результате принятия Федерального закона № 375-ФЗ: «расширен перечень террористических преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет, ужесточено наказание за совершение экстремистских и террористических преступных деяний, подвергнуты редакции статьи 205.1–205.5 УК РФ, введены новые составы преступлений 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении» и 361 УК РФ «Акт международного терроризма». Большинство положений закона вступили в силу с 20 июля 2016 г.» [8].

Изменения в Уголовном кодексе Российской Федерации направлены на ужесточение мер борьбы с терроризмом. Эти нововведения имеют свои преимущества, но также не лишены недостатков. В частности, вызывает сомнения формулировка статьи 205.6 УК РФ.

М. М. Лапунин пишет, что: «законодатель предусмотрел наименование статьи «Несообщение о преступлении», а в перечне статей, за несообщение о подготовке и реализации которых предусмотрена уголовная ответственность, указал на статьи 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, то есть статьи, предусматривающие ответственность за преступления террористического характера и направленности. Отсюда следует, что наименование статьи не соответствует содержанию. При существующем названии статьи в ее диспозиции следовало предусмотреть ответственность за несообщение о любом преступлении, а не только о террористическом» [10].

В данном контексте важным становится этический вопрос о возрождении института доносительства. В условиях современного российского общества, основанного на демократических принципах, подобная практика вызывает значительные сомнения. Основное внимание

должно уделяться уважению прав и свобод человека, и доносительство, по своей сути, противоречит этим основополагающим ценностям.

На наш взгляд, правильнее было бы назвать статью 205.6 УК РФ «Несообщение о террористическом преступлении». Для обоснования этой точки зрения можно выделить несколько ключевых аргументов:

— «перечень содержащихся в статье преступных деяний относится к террористическим преступлениям;

— статья является фактическим примечанием к статье 205 УК РФ «Террористический акт»;

— сообщение о преступлении является разновидностью помощи граждан правоохранительным органам и «приобретает особое значение, когда речь идет о преступлениях, наиболее опасных для нашего общества» [11, с. 3]».

Уголовная ответственность за не информирование о террористических преступлениях способствует решению этических вопросов, связанных с доносительством. Этот подход подчеркивает серьезность угрозы, исходящей от террористических актов. В результате общество получает возможность более адекватно и оперативно реагировать на такие риски.

Еще одним аспектом, которому следует уделить внимание, является примечание к рассматриваемой статье 205.6 УК РФ, где оговорено, что: «лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником» [4].

Закрепление в уголовном законодательстве данного примечания указывает на соблюдение законодателями норм морали, соотносящихся со статьей 51 Конституции РФ, согласно которой: «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников» [1].

В Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствует ясное определение термина «близкий родственник». Однако в кодексе содержатся статьи, затрагивающие декриминализацию определенных действий. Например, статья 205.6 устанавливает ответственность за неинформирование о террористических актах, но при этом не разъясняет, кто именно может считаться близким родственником.

В соответствии со статьей 308 Уголовного кодекса Российской Федерации, лицо имеет право отказаться от дачи показаний против своего супруга или близких родственников. Статья 316 УК РФ, в свою очередь, касается случаев укрывательства особо тяжких преступлений, совершенных такими родственниками. Тем не менее, ни одна из этих статей не предоставляет исчерпывающего перечня того, кто именно считается близким родственником.

Л. Н. Петрова в своей работе упоминает, что: «в примечании к статье 116 УК РФ для целей статьи раскрывается перечень близких лиц, включающих близких, родственников: супругов, родителей, детей, усыновителей, усыновленных (удочеренных) детей, родных братьев и сестер, дедушек, бабушек, внуков, и иных близких лиц: опекунов,

попечителей, лиц, состоящих в свойстве с лицом, совершившим деяние и лиц, ведущих с ним общее хозяйство. При этом признание лиц близкими на основании установления только факта ведения общего хозяйства вызывает некоторые сомнения. С течением времени лица, являющиеся близкими в силу ведения общего хозяйства, могут данное ведение прекратить, но близость отношений до конца не утратить» [12].

Дядя и его взрослый племянник, хотя и не связаны официальными отношениями опеки или попечительства, скорее всего, будут поддерживать крепкие отношения, даже если живут раздельно. Их забота о жизни, здоровье и благополучии друг друга останется важной. При этом совместное ведение хозяйства не является определяющим фактором для оценки близости их отношений. Это обстоятельство может вызвать трудности при установлении личных связей в уголовных делах.

В России существует перечень лиц, которые классифицируются как близкие родственники и близкие люди. Этот перечень закреплён в различных правовых документах. Согласно Конституции РФ, федеральный закон обязан определить, кто именно входит в этот круг. Тем не менее, в самой Конституции не уточняется, какой конкретно закон отвечает за эту детализацию.

В России федеральное законодательство включает список близких родственников. Наиболее узкий перечень можно найти в Гражданском кодексе, где в статье 281 перечислены всего четыре категории: родители, дети, братья и сестры [2].

Для целей Уголовно-процессуального кодекса РФ в статье 5 под близкими родственниками понимаются: «супруги, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки. В статье приводится также определение близких лиц, которыми, за исключением близких родственников и родственников, являются, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений» [6].

Уголовно-процессуальное законодательство не определяет близких родственников как близких лиц. Однако здоровье и благополучие этих людей имеют большое значение для каждого из нас, что обусловлено личными связями, которые нас объединяют. В связи с этим, я полагаю, что в статье 116 УК РФ было бы уместно рассматривать близких родственников как категорию близких лиц.

Статья 14 Семейного кодекса РФ: «не допускает заключение брака между близкими родственниками: родителями, детьми, дедушкой, бабушкой, внуками, полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами» [3].

В соответствии с налоговым законодательством Российской Федерации, понятие «близкие родственники» определяется статьей 208 Налогового кодекса. Это определение опирается на нормы, установленные Семейным кодексом РФ. Следовательно, для целей налогообложения

используются те же категории родственников, что и в рамках семейного права [5].

В уголовном законодательстве отсутствуют четкие определения и перечни близких лиц и родственников. Это приводит к трудностям с единообразием в действующих нормах. Неясность в этих вопросах может оказать негативное влияние на практическое применение закона, особенно в свете декриминализации определенных правонарушений.

Близкими людьми для человека могут быть не только его законные родственники. В жизни часто встречаются и другие важные фигуры, которые играют значимую роль. Такие отношения могут быть настолько же глубокими и значимыми, как и те, что основаны на кровной связи.

Согласно российскому законодательству, пары, которые долго совместно проживают и имеют общих детей, но не оформили свои отношения в ЗАГСе, не считаются родственниками. Тем не менее, для таких людей здоровье, жизнь и интересы друг друга имеют огромное значение. Их связи могут быть столь же важны и значимы, как и официальные семейные узы.

Рассматривая семейные отношения, судебная практика исходит из того, что: «они характеризуются «взаимным уважением и взаимной заботой членов семьи, их личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, общими интересами, ответственностью друг перед другом, ведением общего хозяйства» [9].

Исходя из положений статьи 205.6 УК РФ: «женщина, узнав о подготовке террористического преступления мужчиной, с которым она имеет фактические семейные отношения, проживает длительное время и ведет совместное хозяйство, обязана сообщить об этом в органы власти» [4].

В этом примере акцентируется внимание на значимости личных отношений в контексте морали и нравственности. Даже при отсутствии официальной регистрации брака, такие люди остаются близкими друг другу.

Их связь настолько крепка, что благополучие каждого из партнеров играет важную роль для другого.

На наш взгляд, примечание к статье 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации, которое касается несообщения о террористических преступлениях, требует пересмотра. Необходимо уточнить, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности за неинформирование о готовящемся или совершенном террористическом акте, если это связано с его близким человеком. Кроме того, будет уместно включить в примечание к статье 116 УК РФ четкое определение термина «близкие лица».

В ходе анализа действующего законодательства мы пришли к выводу о необходимости четкого определения термина «близкие лица». В эту категорию следует включить близких родственников, таких как родители, дети, бабушки и дедушки, а также внуков. Кроме того, важно учитывать полнородных и не полнородных братьев и сестер, имеющих общих родителей.

В категорию «близкие лица» можно отнести не только родственников, но и тех, кто связан с данным человеком личными отношениями. Ключевым аспектом является то, что жизнь, здоровье и благополучие этих людей имеют значительное значение для рассматриваемого лица.

Совершенствование уголовного законодательства в области несообщения о преступлении в Российской Федерации является необходимым шагом для повышения безопасности общества и эффективности правоохранительных органов. Уточнение формулировок, расширение круга субъектов, введение механизмов поощрения, повышение правовой грамотности населения и создание безопасных каналов для сообщений — все эти меры могут значительно улучшить ситуацию в данной области.

Только совместными усилиями государства и граждан можно создать общество, в котором каждый будет осознавать свою ответственность за безопасность окружающих и готов активно участвовать в борьбе с преступностью.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., включающая новые субъекты Российской Федерации — Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. N 1 ст. 16
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954
5. Налоговый кодекс Российской Федерации от 5 августа 2000 г. N 117-ФЗ (Часть вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 августа 2000 г. N 32 ст. 3340
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. N 52 (часть I) ст. 4921
7. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. N 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополни-

- тельных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 июля 2016 г. N 28 ст. 4558
8. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. N 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 июля 2016 г. N 28 ст. 4559
 9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, сентябрь 2009 г., N 9
 10. Лапунин М. М. Уголовная ответственность за недоносительство история и современность // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности: сборник научных трудов. Саратов: Сателлит, 2021. С. 357–360.
 11. Носкова Н. А. Недонесение о преступлении по советскому уголовному праву: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — М., 1971. — 28 с.
 12. Петрова Л. Н. Незарегистрированные браки и их социальные последствия // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2020. № 10. С. 202–207.

Использование доказательств: закономерности и роль в процессе доказывания

Кардаильская Маргарита Геннадьевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье рассматриваются закономерности использования доказательств в юридической практике и их роль в процессе доказывания. Анализируются виды доказательств, их классификация, а также влияние на процесс принятия решений в суде. Особое внимание уделяется методам оценки доказательств и их значению для обеспечения справедливости и законности судебных разбирательств.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, классификация, судебный процесс.

Using evidence: patterns and role in the proving process

This article examines the patterns of using evidence in legal practice and its role in the process of proving. The types of evidence, their classification, and their impact on the decision-making process in court are analyzed. Particular attention is paid to the methods of assessing evidence and their importance for ensuring the fairness and legality of judicial proceedings.

Keywords: evidence, proving, classification, trial.

Введение

Доказательства являются основой судебного разбирательства и играют ключевую роль в установлении фактов, необходимых для принятия решения судом. Процесс доказывания включает в себя сбор, представление и оценку доказательств, что требует от участников процесса глубокого понимания их природы и значимости. В данной статье мы исследуем закономерности использования доказательств и их влияние на процесс доказывания.

1. Классификация доказательств [1, с. 75].

Доказательства можно классифицировать по различным критериям:

1.1. По источнику

Документальные доказательства: письменные документы, фотографии, видео- и аудиозаписи.

Свидетельские показания: устные или письменные показания свидетелей.

Экспертные заключения: выводы специалистов в определенной области, которые могут помочь суду в оценке фактов.

1.2. По характеру

Прямые доказательства: непосредственно подтверждают факт (например, видеозапись преступления).

Косвенные доказательства: требуют дополнительных выводов для подтверждения факта (например, улики, найденные на месте преступления).

1.3. По степени надежности

Надежные доказательства: имеют высокую степень достоверности и могут быть использованы для принятия решения [2, с. 63].

Сомнительные доказательства: требуют дополнительной проверки и анализа.

2. Закономерности использования доказательств

Процесс использования доказательств подчиняется определенным закономерностям, которые влияют на эффективность доказывания. К таким закономерностям относятся:

2.1. Принцип допустимости

Доказательства должны быть собраны и представлены в соответствии с законом. Неправомерно полученные доказательства могут быть признаны недопустимыми и не могут быть использованы в суде. Это принцип обеспечивает защиту прав сторон и способствует соблюдению законности [3, с. 79].

2.2. Принцип относимости

Доказательства должны быть релевантны к делу. Суд должен оценивать, насколько доказательства связаны с рассматриваемыми обстоятельствами. Это позволяет избежать избыточной информации и сосредоточиться на ключевых фактах.

2.3. Принцип достаточности

Для принятия решения суд должен иметь достаточное количество доказательств, чтобы убедиться в виновности или невиновности обвиняемого. Это принцип обеспечивает баланс между правами обвинения и защиты [4, с. 42].

2.4. Принцип согласованности:

Доказательства должны быть согласованы между собой и не противоречить друг другу. Наличие противоречивых доказательств требует дополнительного анализа и объяснения.

3. Роль доказательств в процессе доказывания

3.1. Обеспечение справедливости

Доказательства служат основой для справедливого разбирательства. Они позволяют суду объективно оценить факты и принять обоснованное решение. Справедливость судебного разбирательства зависит от качества и полноты представленных доказательств [5, с. 32].

3.2. Защита прав сторон

Право на защиту включает возможность представления доказательств, которые могут подтвердить позицию стороны. Это обеспечивает баланс в судебном процессе и позволяет сторонам отстаивать свои интересы.

3.3. Установление истины

Основная цель процесса доказывания — установить истину. Доказательства помогают суду выявить факты и обстоятельства дела, что способствует справедливому разрешению спора. Установление истины является важным аспектом правосудия и основой для доверия к судебной системе.

Литература:

1. Курс уголовного процесса. — М.: Юрайт, 2020.
2. Гражданский процесс: учебник / под ред. А. Я. Сухарева. — М.: Норма, 2019.
3. Теория доказательств: учебное пособие / В. Ф. Яковлев. — СПб.: Питер, 2021.
4. Кузнецов, А. В. Доказательства в уголовном процессе: теория и практика. — М.: Проспект, 2022.
5. Артамонова Е. А., Фирсов О. В. Основы теории доказательств в уголовном процессе России: учебное пособие. М., 2023.

3.4. Обоснование решений

В юриспруденции доказательства используются для обоснования решений суда. Судьи и присяжные оценивают представленные доказательства, чтобы принять решение о виновности или невиновности подсудимого [6, с. 29].

4. Методы оценки доказательств

Оценка доказательств — это процесс, в ходе которого суд анализирует представленные материалы и определяет их значимость. Основные методы оценки включают:

Сравнительный анализ: сопоставление различных доказательств для выявления противоречий и подтверждения фактов [7, с. 35].

Экспертная оценка: привлечение специалистов для анализа сложных вопросов, требующих специальных знаний.

Критический анализ: оценка достоверности и надежности источников доказательств.

5. Представление доказательств

Эффективное представление доказательств является важным фактором успеха процесса доказывания. При представлении доказательств необходимо учитывать следующие рекомендации:

5.1. Организация доказательств: Доказательства должны быть организованы в логической последовательности, чтобы обеспечить ясное и понятное изложение аргументов.

5.2. Использование визуальных средств: Визуальные средства, такие как графики, таблицы и диаграммы, могут помочь проиллюстрировать доказательства и сделать их более понятными.

5.3. Избежание логических ошибок: Необходимо избегать логических ошибок, таких как «аргумент к авторитету» или «соломенное чучело», которые могут ослабить аргументацию.

5.4. Учет аудитории: При представлении доказательств необходимо учитывать особенности целевой аудитории, включая ее знания, убеждения и ценности [8, с. 89].

Заключение

Использование доказательств в процессе доказывания является сложным и многоаспектным процессом, который требует от участников глубоких знаний и навыков. Закономерности, связанные с использованием доказательств, играют важную роль в обеспечении справедливости и законности судебных разбирательств. Важно продолжать исследовать и развивать методы оценки и представления доказательств, чтобы улучшить качество правосудия и повысить доверие к судебной системе.

6. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: учебник. М., 2025.
7. Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., 1966.
8. Васяев А. А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе: монография. М., 2016.

Правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в России

Кочетова Софья Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Григорьев Александр Иванович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в России с учетом изменений законодательства 2025 года. Анализируются нормативные акты, их влияние на миграционную политику и правоприменительную практику.

Ключевые слова: Российская Федерация, административно-правовой статус, лицо без гражданства, иностранный гражданин.

Изменения в административно-правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающих на территории Российской Федерации, является актуальным по нескольким причинам:

- 1) изменения в социально-экономической ситуации в стране;
- 2) увеличение случаев административных правонарушений со стороны мигрантов;
- 3) изменения в законодательстве в 2025 году. Вопрос о правовом положении иностранных граждан затрагивает не только внутреннюю политику государства, но и международные обязательства, что требует комплексного анализа.

Целью исследования является определение особенностей правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в современных условиях.

Правовое состояние человека, при котором у него отсутствует юридическая принадлежность к тому или иному государству, принято называть безгражданством. Такое положение, известное как апатризм [8, с.501], может возникнуть как с момента рождения (абсолютное безгражданство), так и вследствие утраты гражданства по различным причинам (относительное безгражданство). Безгражданство негативно сказывается на правах личности, ограничивая доступ к образованию, трудоустройству, социальной защите, собственности и политической жизни. Международное регулирование безгражданства основывается на Конвенции ООН о статусе апатридов 1954 года и Конвенции о сокращении безгражданства 1961 года. Конвенция 1954 года определяет апатрида как лицо, которое не считается гражданином ни одного государства, и устанавливает минимальные стандарты защиты, включая право на удостоверение личности, проездные документы и правовую помощь [1].

Конвенция 1961 года направлена на предотвращение случаев безгражданства и вводит строгие ограничения на лишение гражданства, если это приводит к апатризму [2]. Однако эти конвенции не были ратифицированы Российской Федерацией, и правовое положение апатридов

регулируется национальным законодательством. В то же время Россия является участницей других международных актов, содержащих гарантии прав лиц без гражданства, включая Всеобщую декларацию прав человека 1948 года, Международные пакты 1966 года о гражданских и политических, а также экономических, социальных и культурных правах, и Европейскую конвенцию о защите прав человека 1950 года. В российском праве лица без гражданства приравнены к иностранным гражданам в рамках Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», что отражено в п. 2 ст. 2 [4]. Однако между иностранцами и апатридами существует юридическая разница: если первые сохраняют правовые связи со своим государством, то последние не имеют доказательств принадлежности к какой-либо стране, а их правовой статус определяется исключительно законами государства проживания.

В Российской Федерации действуют ряд нормативно-правовых актов, регулирующих пребывание лиц без гражданства и иностранных граждан на территории нашей страны. Несмотря на статус, любое лицо, находящееся на территории нашего государства, должно знать и подчиняться его законодательству. В противном случае установлены меры наказания как административного, так и уголовного характера. Административно-правовой статус лиц без гражданства и иностранных граждан претерпел ряд изменений в 2025 году. Были закрыты многие насущные проблемы, ранее создающие противоречивость и двойственность в законодательстве, а также не соответствующие современным реалиям.

Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ [5] внес значительные корректировки в порядок пребывания иностранных граждан, установив предельный срок временного нахождения в России в течение 90 суток в календарный год, что стало мерой ужесточения миграционного контроля. Исключения составляют категории лиц, имеющие основания для продления пребывания, например,

трудоустроенные мигранты из стран ЕАЭС, иностранные студенты, лица с видом на жительство, а также лица без гражданства, получившие временное удостоверение личности. Одним из ключевых нововведений стало введение режима высылки, который предполагает ряд ограничений, включая запрет на смену места жительства без разрешения, выезд за пределы региона проживания, регистрацию имущества, вступление в брак, открытие банковских счетов и предпринимательскую деятельность. Введен Реестр контролируемых лиц, куда вносятся иностранные граждане при нарушении миграционного законодательства, а также те, кто лишился законных оснований для пребывания. Решения о принудительном выдворении в рамках режима высылки принимаются должностными лицами МВД, а их исполнение возложено на ФССП России в соответствии с приказом от 23 декабря 2024 г. № 823/906 [7].

Вышеперечисленные — не единственные изменения. Известно, ранее были опубликованы, но пока не вступили в силу и другие нормативно-правовые акты. Среди них — Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1126 [6], который вводит временные меры по регулированию статуса отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства, сведения о которых должны быть включены в реестр контролируемых лиц. Это положение соответствует статье 31.2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ [4].

Документ устанавливает, что с 1 января по 30 апреля 2025 года иностранцы, находящиеся в России без законных оснований, обязаны либо покинуть страну, либо пройти процедуру урегулирования своего правового положения в органах МВД. В течение этого периода они могут подать соответствующее заявление, воспользовавшись услугами территориальных подразделений или центров. На период действия Указа для заявителей предусмотрены послабления: аннулируются ранее вынесенные запреты на въезд и не учитываются административные правонарушения, связанные с миграционным учетом. Такие нормы вытекают из статей 26 и 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ [3].

Кроме того, граждане, подписавшие контракт о службе в Вооруженных Силах Российской Федерации, освобождаются от решений о депортации и реадмиссии. Однако положения не распространяются на лиц, признанных угрозой национальной безопасности или причастных к экстремистской деятельности. По истечении срока, установленного Указом, иностранные граждане, не уре-

гулировавшие свой статус, автоматически подпадают под ограничения, включая запрет на въезд в Россию, что соответствует действующим миграционным нормам.

Описанные выше изменения одновременно, как мы упомянули ранее, закрывают ряд существенных вопросов, касающихся миграционной политики РФ, но в то же время открывают новые. В целом выбранный нами тезис для описания изменений подходит почти для всех нововведений в правотворчестве. Единственный вопрос, на который можно сказать уверенный точный ответ, касается об необходимости этих изменений. Здесь нами не проявляется сомнений, с учетом пагубных социально-экономических изменений, которые вносил неконтролируемый поток мигрантов. Тезисно по изменениям можно сделать ряд выводов:

1. Внесенные изменения в административно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства направлены на усиление контроля за миграцией, минимизацию нелегального пребывания и повышение управляемости данной сферой;

2. Установление 90-дневного срока пребывания в течение календарного года, введение Реестра контролируемых лиц и режима высылки обеспечивают жесткий надзор за нарушителями, а предоставление возможности урегулировать статус без выезда до 30 апреля 2025 года делает политику более гибкой;

3. Ограничения на передвижение, регистрацию имущества, предпринимательскую деятельность и заключение брака могут усложнить адаптацию интегрированных мигрантов, а концентрация полномочий в МВД и ФССП создает риски субъективного применения норм;

4. Ужесточение контроля может повлиять на рынок труда, увеличивая нагрузку на работодателей, а легализация через военную службу вызывает дискуссии о возможных рисках.

Так или иначе, нормативно-правовые акты вступили в силу. Скорее всего, законодатель наблюдает за их эффективностью. Вполне возможно, что послаблений в направлении миграционной политики в ближайшем будущем не предвидется. В целом, изменения направлены на повышение безопасности, но требуют учета прав добросовестных иностранных граждан и балансировки между жесткостью контроля и социальной адаптацией мигрантов. Будущие исследования должны быть посвящены изучению влияния вступивших в силу законодательных инициатив на миграционные процессы в стране.

Литература:

1. Конвенция о статусе апатридов от 28 сентября 1954 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml (дата обращения: 14.03.2025).
2. Конвенция о сокращении безгражданства от 30 августа 1961 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml (дата обращения: 06.04.2023).
3. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (дата обращения: 14.03.2025).

4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37869/ (дата обращения: 13.03.2025).
5. Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482512/ (дата обращения: 14.03.2025).
6. Указ Президента РФ от 30.12.2024 № 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495304/ (дата обращения: 13.03.2025).
7. Приказ ФССП России, МВД России от 23.12.2024 № 823/906 «О порядке взаимодействия должностных лиц ФССП России с МВД России при принудительном выдворении» (зарегистрирован в Минюсте России 25.12.2024 № 80739) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494310/ (дата обращения: 14.03.2025).
8. Трифонов С. Н. и др. Безгражданство как конституционно-правовой статус // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5. — № 4. — С. 501–508.

Правовое регулирование административного выдворения иностранных граждан из России

Кочетова Софья Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Григорьев Александр Иванович, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются изменения в миграционном законодательстве, затрагивающие порядок административного выдворения, контроль за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства, а также усиление ответственности за нарушения. Анализируются новые механизмы регулирования, их правовые последствия и потенциальные ограничения прав выдворяемых лиц.

Ключевые слова: Российская Федерация, административное выдворение, миграционное законодательство, запрет, иностранный гражданин, лицо без гражданства.

Уровень преступлений среди мигрантов является предметом обсуждений и недовольства коренного населения России. В 2024 году зафиксировано более 3 млн административных нарушений, допущенных иностранными гражданами, что стало результатом ужесточения контроля и профилактических мер, реализуемых МВД. Ведомство провело около 300 тыс. мероприятий по выявлению нарушений миграционного законодательства, что на 3,4 % больше, чем в 2023 году [5]. Цель статьи — рассмотреть проблемы и ключевые изменения, которые произошли в миграционной политике РФ.

Вызывает опасение то, что значительная часть преступлений носит организованный характер и совершается при предварительном сговоре группой лиц. Многие правонарушения связаны с международной и транснациональной преступной деятельностью, что увеличивает их общественную опасность. В этом контексте административная ответственность иностранных граждан и лиц без гражданства представляет собой юридическую меру, накладывающую на них определённые законодательные ограничения при посягательстве на административно-

правовые отношения на территории России. Согласно ч. 2 и ч. 3 ст. 2.6 КоАП РФ, такие лица несут ответственность на общих основаниях, за исключением специальных случаев. Если же административное правонарушение связано с незаконным вознаграждением от имени юридического лица, применяется ст. 19.28 КоАП РФ [1]. Процедура рассмотрения подобных дел регламентирована нормами, по которым окончательное решение принимает руководитель структурного подразделения по вопросам миграции МВД России либо его заместитель.

На 2025 год вступили в силу ряд законов, касающихся пребывания и выдворения иностранных граждан на территории РФ (Таб.1). В соответствии с нормами, установленными Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», лица, подлежащие принудительному выдворению, содержатся в специальных учреждениях МВД РФ [2]. В соответствии с п. 11 ч. 2 ст. 23.3 КоАП РФ, к нарушениям, которые позволяют рассматривать вопрос выдворения, относятся: ч. 1, 2, 3 ст. 18.8 КоАП РФ, предусматривающие ответственность за несоблюдение правил въезда, режима пребывания и миграци-

Таблица 1. Основные изменения, вступившие в силу в 2025 году, касающиеся регулирования пребывания иностранных граждан на территории РФ

Дата вступления в силу	Нормативный акт	Суть изменения
1 января 2025	Указ Президента РФ от 30.12.2024 № 1126	Установлен четырехмесячный срок для урегулирования правового статуса иностранных граждан, утративших основания для пребывания.
30 апреля 2025	Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ	По истечении этого срока к иностранцам применяются меры высылки и запрет на въезд
5 февраля 2025	Приказ МВД России от 28.11.2024 № 824	Должностные лица МВД РФ получили полномочия самостоятельно принимать решения об административном выдворении. Лица, утратившие законный статус, включаются в реестр контролируемых лиц с запретом на смену места жительства, заключение браков и регистрацию имущества.
25 февраля 2025	Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (изменения)	Иностранцы граждане, попавшие под режим высылки, обязаны уведомлять МВД о своем местонахождении каждые 7 дней.

онного учета, особенно в Москве, Санкт-Петербурге и областях; ч. 1, 4 ст. 18.10 КоАП РФ, касающиеся незаконной трудовой деятельности; ч. 2, 3 ст. 18.17 КоАП РФ, регулирующие запреты на определенные виды деятельности; ст. 18.18 КоАП РФ, связанная с исполнением решений о выдворении или депортации; ст. 18.20 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за нарушение сроков обращения за патентом [1]. С 5 февраля 2025 года в соответствии с Приказом МВД России от 28.11.2024 № 824 должностные лица органов внутренних дел получили право самостоятельно принимать решения о выдворении иностранных граждан, что сократило сроки административных процедур [4].

Указ Президента РФ от 30.12.2024 № 1126 установил крайний срок для урегулирования статуса иностранных граждан — до 30 апреля 2025 года [3]. После этой даты к ним применяются меры высылки, а также запрет на въезд, смену места жительства, регистрацию имущества и трудовую деятельность. При вынесении решения о выдворении следует учитывать, что запрет на въезд может составлять не менее пяти лет, а для лиц, включенных в реестр контролируемых, запрет может быть бессрочным. Согласно КоАП РФ, административное выдворение может сопровождаться штрафом, который должен быть уплачен до момента исполнения, иначе наступает ответственность по ч. 3 ст. 20.25 КоАП РФ [1]. Внесенные изменения усилили контроль за незаконной миграцией, а с

5 февраля 2025 года введены штрафы за оказание незаконных услуг мигрантам: от 2000 до 5000 рублей для граждан, от 35 000 до 50 000 рублей для должностных лиц и от 400 000 до 500 000 рублей для юридических лиц. К тому же, расширился перечень иностранных граждан, подлежащих обязательной дактилоскопии [4]. В него вошли лица, оформляющие гражданство РФ, визу, патент, разрешение на работу, а также те, кто незаконно пребывает в стране. Однако встречаются случаи, когда иностранные граждане въезжают в Россию под видом туристов, уклоняются от регистрации, а затем теряют документы или указывают ложные сведения о личности, что усложняет их идентификацию.

Как видно, рост преступности и недовольства российских граждан не остался незамеченным. Реакция поступила, хоть и с задержкой, но в значительной степени закрыла ключевые вопросы регулирования пребывания и выдворения лиц без гражданства и иностранных граждан на территории РФ. Введенные механизмы ужесточили контроль за миграцией, сократили сроки принятия решений о выдворении и устранили правовые пробелы. Однако остаются вопросы, связанные с исполнением новых норм, их соответствием международным стандартам и возможными рисками чрезмерного ограничения прав отдельных категорий иностранных граждан, что должно стать предметом будущих исследований.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 13.03.2025).
2. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37869/ (дата обращения: 13.03.2025).
3. Указ Президента РФ от 30.12.2024 № 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495304/ (дата обращения: 13.03.2025).

4. Приказ МВД России от 28.11.2024 № 824 «О внесении изменений в Порядок представления материалов о нежелательности пребывания иностранного гражданина» (зарегистрировано в Минюсте России 23.12.2024 № 80705) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494117/ (дата обращения: 13.03.2025).
5. В РФ в 2024 году на мигрантов составили более 3 млн протоколов за нарушения // ТАСС. 11.03.2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23364069> (дата обращения: 13.03.2025).

Правовое обеспечение судей судов общей юрисдикции

Кухарева Яна Сергеевна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

Правовое обеспечение судей судов общей юрисдикции является одной из ключевых тем в сфере правосудия и правового регулирования в Российской Федерации. Судьи, как представители судебной власти, играют центральную роль в обеспечении правопорядка и защиты прав граждан. Их деятельность зависит от множества факторов, включая законодательные нормы, финансовые и социальные гарантии, а также профессиональную этику. В условиях современных вызовов и изменений в обществе, вопросы правового статуса судей становятся особенно актуальными.

Ключевые слова: правовое обеспечение, суд, общая юрисдикция, регулирование, законодательные нормы.

Правовое обеспечение судей судов общей юрисдикции в России включает в себя комплекс норм и механизмов, которые обеспечивают их независимость, защиту прав и законных интересов, а также эффективное выполнение служебных обязанностей.

Однако известно, что система судов общей юрисдикции в России включает в себя федеральные суды общей юрисдикции и суды общей юрисдикции субъектов РФ.

К федеральным судам общей юрисдикции относятся, в частности, кассационные и апелляционные суды, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, а также районные, городские и межрайонные суды.

Согласно статье 1 Федерального конституционного закона от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [1], систему судов общей юрисдикции в России составляют федеральные суды общей юрисдикции и суды общей юрисдикции субъектов РФ.

По данным на 2023 год, в России действует 2431 федеральный суд, из них 2316 — это суды общей юрисдикции и 115 — арбитражные суды.

Штатная численность судей федеральных судов общей юрисдикции составляет 25 483 единицы, а работников их аппаратов — 68 736 единиц. Судей федеральных арбитражных судов — 4493 единицы, работников их аппаратов — 12 204 единицы [2].

В 2024 году суды общей юрисдикции рассмотрели свыше 42 миллионов дел, что на 3 миллиона больше, чем в 2023 году:

– Гражданское судопроизводство: ведущими оставались дела о взыскании кредитной задолженности (более

15 миллионов) и жилищные споры (свыше 10 миллионов). 87 % требований в делах о защите прав потребителей были удовлетворены судами. Количество дел о самовольном строительстве сократилось на 13 %.

– Уголовное судопроизводство: было рассмотрено 670 тысяч уголовных дел, при этом только 29 % осуждённых были приговорены к реальному лишению свободы.

– Административное судопроизводство: судебная нагрузка увеличилась, что стало следствием возобновления активности надзорных органов. Более 67 % требований по оспариванию нормативных актов были удовлетворены судами.

– Дела об административных правонарушениях: судами общей юрисдикции и мировыми судьями было рассмотрено почти 6 миллионов таких дел. Наибольшее число из них рассмотрено по правилам главы 15 КоАП РФ, но их количество снизилось на 13 % по сравнению с 2023 годом [3].

В административном разбирательстве суды общей юрисдикции рассмотрели 4 миллиона 800 тысяч случаев в 2024 году, из которых 3 миллиона 800 тысяч были урегулированы с постановлением суда, причем решение суда — 897 тысяч [4].

Актуальность исследования правового обеспечения судей обуславливается несколькими факторами. Во-первых, в условиях динамичных изменений в законодательстве и общественной жизни необходимо постоянно обновлять и адаптировать правовые нормы, регулирующие деятельность судей. Во-вторых, важность обеспечения независимости и непредвзятости судебных решений требует глубокого анализа существующих практик и подходов к правовому обеспечению. В-третьих, учитывая растущее количество судебных дел и нагрузку

на судей, необходимо искать пути оптимизации их работы и повышения качества судебного разбирательства.

Существующие проблемы правового обеспечения судей можно выделить в несколько ключевых направлений. Во-первых, недостаточная материальная поддержка судей может привести к снижению их независимости и объективности. Во-вторых, отсутствие четких механизмов защиты прав судей в условиях давления со стороны различных институтов может вызвать опасения за их безопасность и возможность свободного исполнения служебных обязанностей. В-третьих, высокая нагрузка на судей создает риск ошибок в принятии решений и ухудшает качество правосудия.

Правовое обеспечение судей регламентируется рядом федеральных законов и подзаконных актов. Основным документом является Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [5], который определяет права, обязанности и гарантии независимости судей. Кроме того, важное значение имеют законы о судебной системе, финансировании судебной власти и защите прав граждан.

Правовое обеспечение судей судов общей юрисдикции в России представляет собой сложный и многогранный механизм, который направлен на защиту независимости судебной власти и создание условий для эффективного выполнения служебных обязанностей. Центральное место в этом механизме занимает законодательство, которое определяет, не только права и обязанности судей, но и гарантии их социальной защиты.

Социальная защита судей включает в себя такие важные аспекты, как пенсионное обеспечение и медицинские гарантии. Эти меры призваны обеспечить судей достойным уровнем жизни после завершения их профессиональной деятельности, а также гарантировать доступ к качественной медицинской помощи в течение всей карьеры. Однако, несмотря на наличие соответствующих норм в законодательстве, на практике возникают серьезные проблемы с их реализацией.

Во-первых, пенсионное обеспечение судей зачастую не соответствует ожиданиям и потребностям. Несмотря на установленные размеры пенсий, многие судьи сталкиваются с финансовыми трудностями после выхода на пенсию, что может быть связано с недостаточным уровнем заработной платы в течение их карьеры. Это создает риск зависимости от дополнительных источников дохода, что противоречит принципу независимости судей.

Во-вторых, медицинские гарантии, предусмотренные для судей, также не всегда реализуются должным образом. В некоторых регионах страны доступ к качественным медицинским услугам может быть ограничен, что ставит под

угрозу здоровье судей и их способность выполнять свои обязанности. Кроме того, недостаточное финансирование медицинских учреждений может приводить к снижению качества предоставляемых услуг.

Сложности в реализации социальных гарантий для судей требуют особого внимания со стороны законодательных органов. Необходимость пересмотра и улучшения действующих норм становится очевидной, особенно в свете растущих требований к качеству правосудия и необходимости поддержания высокой репутации судебной власти. Законодательные инициативы должны быть направлены на устранение существующих пробелов и создание более благоприятных условий для работы судей, что в свою очередь будет способствовать укреплению доверия граждан к судебной системе.

Таким образом, правовое обеспечение судей судов общей юрисдикции включает в себя не только формальные нормы, но и практическую реализацию социальных гарантий, которые являются ключевыми для поддержания независимости и эффективности судебной власти.

Судебная практика показывает, что вопросы правового обеспечения судей становятся предметом рассмотрения не только в рамках административных дел, но и в контексте гражданских и уголовных процессов. Например, случаи давления на судей со стороны различных заинтересованных сторон нередко становятся предметом общественного обсуждения и вызывают реакцию со стороны высших судебных инстанций.

Одним из ярких примеров является дело о защите прав судьи, который столкнулся с попытками вмешательства в его профессиональную деятельность [6]. Судебная коллегия Верховного суда Российской Федерации подтвердила необходимость соблюдения принципа независимости судей и осудила действия лиц, пытавшихся повлиять на исход дела.

Таким образом, правовое обеспечение судей судов общей юрисдикции является важнейшим элементом функционирования судебной системы в России. Актуальность данного вопроса подтверждается растущими объемами судебных дел и необходимостью обеспечения независимости судей. Существующие законодательные нормы требуют постоянного анализа и доработки с целью улучшения условий труда судей и повышения качества правосудия. Судебная практика служит важным индикатором того, насколько эффективно реализуются эти нормы на практике. Важно продолжать исследование данной темы для выявления новых подходов и решений, способствующих укреплению правовой системы и доверия граждан к судебной власти.

Литература:

1. Федерального конституционного закона от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2011 г., № 7, ст. 898.
2. Судебная система — интересные цифры и факты. — Режим доступа: https://vk.com/wall-176745164_11127 (дата обращения: 19.03.2025)

3. 42 млн. дел рассмотрели арбитражные и суды общей юрисдикции в 2024 году. — Режим доступа: <https://arpo.ru/povosti/42-mln-del-> (дата обращения: 19.03.2025)
4. Итоги работы судов России за 2024 год и задачи в будущем году. — Режим доступа: https://vk.com/wall-217473460_197 (дата обращения: 19.03.2025)
5. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132–1 (последняя редакция) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 1992 г., № 30, ст. 1792.
6. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного суда РФ от 01.10.2020 № ДК20–53. — Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-d> (дата обращения: 19.03.2025)

Актуальные проблемы легального определения земельного участка

Лавелин Андрей Сергеевич, генеральный директор;
Логинова Вера Олеговна, юрист
000 «Юридическое предприятие «Правовая культура» (г. Тюмень)

В статье затронуты проблемы легального определения земельного участка в связи с введением в действие ст. 141.2 ГК РФ. Предметом исследования выступают институты земельного и гражданского права, включающие структуру и признаки понятия земельного участка. Авторами поднимаются вопросы о схожести и различиях понятия земельного участка, содержащихся в Гражданском и Земельном кодексах РФ. Методом сравнения, а также используя специальные юридический метод, выделяются дефекты в содержании признаков категории «земельный участок», данных в ст. 6 ЗК РФ и ст. 141.2 ГК РФ, и делаются выводы о необходимости дальнейшей разработки и совершенствования единого понятия «земельный участок» в законодательстве РФ.

Ключевые слова: земельный участок, объект гражданско-правовых отношений, гражданское законодательство, земельное законодательство, индивидуально-определенная вещь, кадастровый учет, границы земельного участка.

Actual problems of legal definition of land plot

The article touches upon the problems of the legal definition of a land plot in connection with the entry into force of Article 141.2 of the Civil Code RF. The subject of the study is the institutions of land and civil law, which include the structure and features of the concept of «land plot». The authors raise questions about the similarities and differences of the concept of «land plot» contained in the Civil and Land Codes of the Russian Federation. By the method of comparison, as well as using specific legal methods, defects in the content of the signs of the land plot, given from art.6 Land code RF and art. 141.2 Civil Code RF and conclusions are drawn about the need for further development and improvement of the unified concept of «land plot» in the legislation of the Russian Federation.

Keywords: land plot, an object of civil law relations, civil legislation, land legislation, individually defined thing, cadastral registration, the boundaries of the land plot.

В российском законодательстве остается актуальной дискуссия о выработке легального понятия «земельный участок» и окончательного его закрепления в базовых кодифицированных нормативно-правовых актах [12]. В сентябре 2022 года в гражданском и земельном законодательстве наступил очередной этап развития понятийного аппарата в указанной сфере, он связан с введением в действие Федерального закона от 21.12.2021 № 430-ФЗ. Вступление его в силу в первой редакции планировалось 01.03.2023 г., однако было перенесено на 01.09.2022 г. С учетом длительности самой дискуссии предлагается остановиться на проблемах, возникших после введения нового понятия, а особенно в ходе научных исследований за последние несколько лет [7, 8].

До введения в действие ст. 141.2 ГК РФ определение понятия «земельный участок» содержалось только в Зе-

мельном кодексе РФ. Однако ранее, в начале 2000-х, уже существовал период, в котором понятия земельного участка были закреплены в текстах как Гражданского кодекса РФ так и Земельного кодекса РФ.

Вышеуказанный закон внес в гражданское законодательство целый ряд правовых норм, связанных с легальными определениями объектов недвижимости, в их числе и понятие земельного участка. Это определение внесено в п. 1 ст. 141.2 ГК РФ, так, земельным участком признается часть земли, границы которой определены в порядке, установленном законом.

В п. 1 ст. 141.2 ГК РФ дано определение земельного участка, которое отличается от определения земельного участка, содержащегося в п. 3 ст. 6 ЗК РФ. В частности, в ст. 141.2 ГК РФ речь идет о том, что земельным участком может признаваться только та часть поверхности земли,

границы которой определены в порядке, установленном законом, то есть в отношении которого осуществлен государственный кадастровый учет.

В то же время в ЗК РФ указано, что земельным участком может быть признана часть земной поверхности, имеющая характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально-определенной вещи. Так, во втором случае не говорится об обязательном определении границ земельного участка в установленном законом порядке и о государственном кадастровом учете земельного участка для цели признания его объектом права на землю [2].

Определение земельного участка, схожее с тем, которое сегодня закреплено в п. 1 ст. 141.2 ГК РФ, ранее существовало в законодательстве, но от него отказались по целому ряду причин (в том числе связанных с проблемами налогового регулирования). В связи с этим возникает первый вопрос: п. 1 ст. 141.2 ГК РФ — это обоснованный возврат к ранее действовавшему регулированию или попытка сформировать новую юридическую конструкцию понятия земельного участка?

Следующий вопрос, вытекающей из наличия двух понятий земельного участка — какова цель введения двух наборов признаков земельного участка, как юридической категории? Из теории права следует, что одной из целей нормативного установления и закрепления юридических понятий является упорядочивание общественных отношений. Выделение специфических признаков предмета, отделяющих его от иных, является обязательным действием, без которого невозможно в дальнейшем применять понятие к неограниченному числу общественных отношений. П. 1 ст. 141.2 ГК РФ и п. 3 ст. 6 ЗК РФ фактически наделяют земельный участок двумя наборами признаков, которые при всей своей внешней схожести абсолютно различны и в теоретическом, и в практическом содержании [13].

При сравнении двух легальных понятий, представленных законодателем, можно выявить две категории признаков земельного участка. Первый связан с пространственным положением — «часть поверхности земли» в ГК РФ и «часть земной поверхности» — в ЗК РФ, не вызывает разночтений и дискуссий. Вторым признаком, связанным с идентификацией объекта права, очевидно различается, если Гражданский кодекс РФ указывает на обязательность закрепления границ в установленном порядке (бланкетный признак), то Земельный кодекс РФ наделяет земельный участок куда более «либеральным» способом его идентификации, оставляя по существу открытым список тех характеристик, которые позволяют определить его в качестве индивидуально-определенной вещи. Содержание п. 3 ст. 6 ЗК РФ позволяет предположить, что такими характеристиками могут быть, по существу, любые предметы вещной обстановки или действия субъектов, которые позволяют с их помощью отделить один земельный участок от другого. В практическом плане гибкость такой категории не вызывает сомнений (постановление Тринадцатого арбитражного апелляцион-

ного суда № 13АП-35282/2022 от 10 февраля 2023 г. по делу № А21-14606/2019; постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 июля 2023 г. по делу А08-8073/2022).

В то же время Гражданский кодекс РФ существенно ограничивает способ определения границ, отсылая к иному нормативному регулированию. Ранее автором статьи подчеркивалось, что отсутствие в гражданском законодательстве отсылок к кадастровым правоотношениям является недостатком регулирования [9]. Правила установления границ земельного участка содержатся в Федеральном законе от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Закон о регистрации недвижимости). В нем имеются соответствующие нормы, устанавливающие, что внесение в государственный реестр (ЕГРН) сведений о земельных участках, которые подтверждают их существование с характеристиками, позволяющими определить такие земельные участки в качестве индивидуально-определенной вещи, именуется государственным кадастровым учетом (ч.7 ст. 1). То есть, Гражданский кодекс РФ определяет в качестве земельного участка часть земли, сведения о которой внесены в государственный реестр. Очевидно, что часть земли, не прошедшая процедуру государственного кадастрового учета, признаками земельного участка, как объекта гражданских правоотношений, уже не обладает. В научной литературе подчеркивается дефект такой формулировки применительно, например, к так называемым «ранее учтенным объектам», прямо и очевидно не соответствующих определению, данному в норме ст. 141.2 ГК РФ [12].

Остановимся на нескольких спорных моментах. Во-первых, в части определения «характеристик», о которых идет речь в ч.7 ст. 1 Закона о регистрации недвижимости.

В научной среде подчеркивается, что неопределенность новой дефиниции связывается как раз с отсутствием перечисления в ней характеристик, позволяющих индивидуализировать земельный участок. Гарманов А. В. на этот счет замечает, что «земельный участок как объект частных прав отличается от объекта «земельных отношений», включающих наряду с земельным участком и его частью также «землю как природный объект и природный ресурс», «территории», «охраняемые зоны» и т. д., а юридическая квалификация земельного участка всегда зависит от того, какое место правовой порядок отводит в системе объектов гражданских прав земельному участку [5]. Стародумова С. Ю. включает в этот перечень природные, антропогенные и фактические (физические) характеристики земельного участка [14]. По мнению Г. Н. Эйрияна, признаками, позволяющими охарактеризовать земельный участок в качестве индивидуально определенной вещи, наряду с границами земельного участка, являются также целевое назначение и разрешенное использование [17].

Авторы настоящей работы предполагают, что в п. 1 ст. 141.2 ГК РФ законодатель имел в виду сведения об уникальных характеристиках объекта недвижимости, к ко-

торым отнесены кадастровый номер и дата его присвоения [11], описание местоположения и площадь [1].

В судебной практике уже вырабатывается подход, при котором под земельным участком понимается объект прав, представляющий собой часть земной поверхности, границы которой определены в порядке, установленном законом, и который имеет характеристики, позволяющие определить его в качестве индивидуально-определенной вещи (п. 1 ст. 141.2 ГК РФ, п. 3 ст. 6 ЗК РФ, ч. 7 ст. 1 Федерального закона от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости») (определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2022 по делу N 88–9292/2022). В указанном случае использовано упрощение, при котором признаки из п. 1 ст. 141.2 ГК РФ и п. 3 ст. 6 ЗК РФ применены судом в качестве единой нормы со ссылкой на ч. 7 ст. 1 Закона о регистрации недвижимости (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 5 июня 2023 г. № 09АП–25037/2023 по делу № А40–69801/2021). Такое правоприменение кажется вполне уместным, если предметом спора не будут выступать правоотношения, связанные с избранием способа идентификации земельного участка (постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 июня 2023 г. по делу № А45–14578/2016).

В ином деле суд указал: «в силу п. 3 ст. 6 ЗК РФ объектом земельных отношений является земельный участок — недвижимая вещь, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи. Такой характеристикой являются границы земельного участка, что подтверждается положениями действующего п. 1 ст. 141.2 ГК РФ» (постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.02.2023 г. № 13АП–35282/2022 по делу № А21–14606/2019). При таком подходе положения п. 1 ст. 141.2 ГК РФ выглядят как уточнения п. 3 ст. 6 ЗК РФ, что не совсем верно применительно к различиям в регулируемых Кодексами правоотношениях [4].

В этой связи обратимся ко второму спорному моменту. Как видно из предыдущего абзаца, несмотря на различия содержания п. 1 ст. 141.2 ГК РФ и п. 3 ст. 6 ЗК РФ, при разрешении споров происходит смешение дифференцированных признаков земельного участка. Дополнительно к этому возникает парадокс правового регулирования. Если гражданское законодательство по своей правовой природе регулируется диспозитивным методом, то административистская природа земельного права, ориентирует его в сторону императивного регулирования [10]. Тем более, что земельные участки, правовой режим которых устанавливается обеими

отраслями права, становится предметом правоотношений, регулируемых также одновременно гражданским и земельным законодательством. Парадокс в указанном случае проявляется в том, что гражданское законодательство, которое основывается на проявлении личной воли, содержит строгую дефиницию земельного участка, не оставляющую участникам гражданского правоотношения права избрания поведения в указанной сфере. Одновременно, земельное законодательство, непривычно лояльно к участникам правоотношений, оставляя некую свободу в части, касающейся способа идентификации земельного участка. Это касается и сугубо императивных институтов, таких как охрана земель, земельный надзор и контроль, и даже платности землепользования.

Ранее в научной литературе подчеркивалось, что было бы логичным на законодательном уровне закрепить два определения земельных участков — одно в ГК РФ, дав определение земельного участка как объекта недвижимости, а другое — в ЗК РФ, установив понятие земельного участка применительно к сфере действия земельного законодательства [16]. Однако, в указанном случае происходит смешение признаков, при котором в Земельном кодексе РФ содержится дефиниция более пригодная для регулирования гражданских правоотношений [3], а Гражданском кодексе РФ, напротив, императивное понятие, по смыслу более подходящее для упорядочивания именно земельных правоотношений с их административно-правовым содержанием.

В заключении хотелось бы отметить, что одним из путей решения перечисленных проблем может являться окончательное избрание того нормативно-правового акта, в котором будет закреплено понятие земельного участка, будь то Гражданский кодекс РФ или Земельный кодекс РФ [15]. Законодателем фактически допущено дублирование понятийного аппарата, что влечет вышеописанные проблемы для правоприменения.

Отдельные авторы, такие как В. А. Майборода, называют описанный подход законодателя «регрессом», а В. В. Долинская указывает, что надо стремиться к системе единых и однозначных дефиниций [6] и нужно согласиться с О. А. Жарковой в том, что «невозможно не спрогнозировать вероятность дальнейшей трансформации понятия «земельный участок».

Изложенное с очевидностью свидетельствует, что вопрос о закреплении легального понятия «земельный участок» и включении его в текст базовых кодифицированных нормативно-правовых актов остается открытым для дальнейших исследований.

Литература:

1. Актуальные проблемы теории земельного права России: монография / Е. Н. Абанина, Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов и др.; под общ. ред. А. П. Анисимова. М.: Юстицинформ, 2020. 800 с. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Александрова М. А., Громов С. А., Краснова Т. С., Рассказова Н. Ю., Рудоквас А. Д., Рыбалов А. О., Толстой Ю. К. Заключение кафедры гражданского права СПбГУ на проект изменений раздела о вещных правах ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 7. С. 62–111.

3. Алексеев В. А. Новое в законодательстве о недвижимых вещах: критический комментарий // Закон. 2022. № 4. С. 101–112.
4. Болтанова Е. С. Публично-правовые пределы использования земельного участка // Экологическое право. 2023. № 2. С. 2–5.
5. Германов А. В. Земельный участок в системе вещных прав. М.: Статут, 2011. 144 с.
6. Долинская В. В. Новеллы законодательства о недвижимом имуществе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10. С. 3–10.
7. Емелькина И. А. Современная концепция права на недвижимость и некоторые новеллы Гражданского кодекса РФ (главы 6.1 и 17.1) // Гражданское право. 2023. № 2. С. 23–29.
8. Жаркова О. А. Лента Мебиуса российского законодательства // Закон. 2021. № 1. С. 29–40.
9. Лавелин А. С. Особенности правового режима системы государственного земельного кадастра в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 2 (5). С. 28–31.
10. Лавелин А. С. Эффективность использования нового природоресурсного законодательства в охране и защите лесных ресурсов // Новые технологии — нефтегазовому региону: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Федер. агентство по образов., Тюм. гос. нефтегаз. ун-т. — Тюмень: Вектор Бук, 2008. С. 303–306.
11. Липски С. А. Изменение правил предоставления земельных участков — новый шаг в развитии земельного законодательства // Аграрное и земельное право. 2014. № 7. С. 13–17.
12. Майборода В. А. Депривация в индивидуализации земельного участка через его границы // Юрист. 2023. № 11. С. 7–13.
13. Сенчищев В. И. О недостатках определения понятия «земельный участок» в Федеральном законе № 430-ФЗ // Вестник гражданского права. 2022. № 1. — С. 59–65.
14. Стародумова С. Ю. Понятие недвижимости в гражданском праве // Юридический мир. 2015. № 5. С. 42–45.
15. Суханов Е. А. Недвижимость в системе объектов гражданских прав // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 16–22.
16. Чаплин Н. Ю. Основы правового регулирования земельных отношений в России и зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 98–112.
17. Эйриян Г. Н. К вопросу о юридических признаках земельного участка как недвижимой вещи // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 390–395.

Понятие и критерии банкротства физических лиц

Люкшина Наталья Владимировна, студент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье автор рассматривает понятие банкротства физических лиц, а также критерии, свидетельствующие о наступлении состояния банкротства для граждан.

Ключевые слова: банкротство, критерии банкротства, физическое лицо, неплатежеспособность, неоплатность.

Проблема финансовой несостоятельности физических лиц является актуальной темой современного российского законодательства. Законодательно понятие и критерии банкротства регулируются Федеральным законом № 127-ФЗ от 26 октября 2002 года «О несостоятельности (банкротстве)». Банкротство физического лица представляет собой юридический процесс признания гражданина неспособным удовлетворить требования кредиторов по своим обязательствам. Это явление имеет серьезные последствия как для самого должника, так и для его кредиторов, а также оказывает влияние на экономическое состояние общества в целом.

Согласно ст. 2 Закона о банкротстве: «несостоятельность (банкротство) — признанная арбитражным судом

или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» [1].

В научной литературе существуют различные варианты толкования понятия несостоятельности (банкротства).

Так, согласно определению, предложенному Г. В. Черкасовой, банкротство граждан означает неспособность лица в полном объеме исполнить свои финансовые обязательства перед кредиторами, что включает в себя как не-

выполнение долговых обязанностей, так и неспособность осуществлять регулярные и обязательные платежи [2].

Многие исследователи, занимающиеся проблематикой банкротства, говорят о целесообразности разделения понятий «несостоятельность» и «банкротство».

Как отмечает Н. Б. Жилинская в своей работе, «такое разделение позволило бы более точно отразить существующие взаимосвязи гражданско-правовых и уголовно-правовых начал, составляющих юридическую природу рассматриваемых явлений» [3].

Так, несостоятельность трактуется как правовая ситуация, характеризующая невозможность должника своевременно выполнить свои гражданско-правовые обязательства. Под термином банкротство подразумевается недобросовестные действия со стороны должника, которые привели к убыткам кредиторов вследствие его несостоятельности.

Для признания физического лица банкротом необходимо установление признака несостоятельности, который основан на определенных критериях.

В рамках научных исследований существуют различные подходы определения несостоятельности. Однако, все они связаны с законодательным закреплением критерия неплатности и критерия неплатежеспособности.

Д. Г. Назаров в своей работе отмечает, что «иногда грань между неоплатностью и неплатежеспособностью провести нельзя, но нельзя их и отождествлять» [4].

В пункте 3 ст. 213.6 Закона о банкротстве несостоятельность определяется как состояние, когда физическое лицо не может в полной мере рассчитаться с кредиторами по своим денежным долгам или выполнить обязательства по уплате установленных платежей.

Исходя из этого, можно заключить, что в соответствии с текущим законодательством о банкротстве физических лиц ключевым фактором является именно состояние неплатежеспособности, которое фактически охватывает понятие неоплатности.

Первый критерий, касающийся неоплатности физического лица, был сохранен для случаев, когда сам должник (физическое лицо) подает заявление о признании себя банкротом. Этот критерий также полностью относится к должникам, которые являются юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями.

К. Б. Кораев дает понятие неоплатности, отмечая, что «это такая ситуация, когда стоимость имущества должника меньше стоимости его обязательств, т. е. установлено, что всех средств должника недостаточно для удовлетворения требований кредиторов». Предполагается, что лишь данный должник имеет право быть квалифицированным как несостоятельный по критерию неоплатности [5].

Е. С. Юлова подтверждает верность данного определения, отмечая, что неоплатностью является установленный факт превышения пассива над активом, где признаки дают только предположение неоплатности, которое может и не подтвердиться [6].

Также понятие неоплатности давал Г. Ф. Шершеневич. Он писал, что неоплатность — это установленный факт

превышения пассива над активом, а признаки неоплатности дают только предположение неоплатности, которое может и не оправдаться [7].

Законодательство вводит данный критерий не случайно, так как для определения несостоятельности необходимо документально подтвердить наличие кредиторской задолженности физического лица. Это включает в себя множество бухгалтерских и финансовых отчетов. Однако этот критерий не всегда точно отражает реальное имущественное состояние должника, что может позволить физическому лицу долго не выполнять свои обязательства и не запускать процесс банкротства, тем самым злоупотребляя своими правами.

Второй важный критерий — неплатежеспособность — указывает на неспособность должника (физического лица) погасить свои долги перед кредитором в установленные сроки.

Согласно ст. 2 Закона о банкротстве, неплатежеспособность — это прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств. При этом недостаточность денежных средств предполагается, если не доказано иное.

Согласно мнению Д. Г. Назарова, неплатежеспособность определяется как факт неуплаты должником требований кредитора. Это подразумевает, что наличие факта неисполнения обязательств перед кредиторами является достаточным основанием для признания должника неплатежеспособным, независимо от наличия у него имущества и его стоимости [8].

Кроме того, в научной литературе существует мнение о существовании явной (очевидной) и скрытой (латентной) неплатежеспособности. О. А. Москалева учитывая различие между данными определениями, указывает, что латентная неплатежеспособность обнаруживается, если должник исполняет долговые обязательства благодаря новым поступающим средствам. Такие средства, к примеру, могут быть приобретены им путем получения новых займов или помощи со стороны. Однако в таких обстоятельствах возникает только видимость устойчивого экономического положения. Когда такие поступления исчезают, неплатежеспособность сразу проявляется [9].

К. Б. Кораев выделяет три стадии неплатежеспособности:

1) Относительная неплатежеспособность, когда период просрочки исполнения денежного обязательства или обязанности по уплате обязательных платежей не превышает период, установленный Законом о банкротстве для определения признаков банкротства.

2) Абсолютная неплатежеспособность, когда период просрочки превышает установленный Законом о банкротстве период, но он не установлен арбитражным судом в рамках дела о банкротстве.

3) Несостоятельность, когда абсолютная неплатежеспособность установлена арбитражным судом в рамках дела о банкротстве [10].

В основу института несостоятельности (банкротства) граждан был положен критерий неплатежеспособности, поэтому признаками банкротства граждан-потребителей являются:

- 1) наличие неисполненного денежного обязательства в размере не менее чем 500 000 рублей;
- 2) денежное обязательство не исполнено в течение трех месяцев начиная с даты, когда оно должно быть исполнено.

В заключение правового исследования следует подчеркнуть, что банкротство — это ситуация, когда должник не в состоянии выполнить свои финансовые обязательства перед кредиторами. Основными показателями такого состояния, как правило, являются неоплатность и неплатежеспособность. Каждый из этих показателей характеризуется определенными признаками, совокупность которых позволяет установить факт несостоятельности (банкротства) должника.

Литература:

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. — 2002. — № 43.
2. Черкасова, Г. В. Банкротство физического лица: понятие, признаки, условия // Синергия наук. 2022. № 74. С. 62.
3. Жилинская Н. Б. Несостоятельность и (или) преднамеренное банкротство // Отечественная юриспруденция. 2018. № 6 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nesostoyatelnost-i-ili-prednamerennoe-bankrotstvo> (дата обращения: 19.03.2025).
4. Назаров Д. Г. Особенности и тенденции банкротства физических лиц в современной России // Евразийская адвокатура. — 2018. — № 1. — С. 42.
5. Кораев К. Б. Неплатежеспособность. Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства): монография. — М.: Проспект, 2017. С. 32.
6. Юлова Е. С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебник и практикум. — М.: Юрайт, 2019. С. 27.
7. Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2000. С. 93.
8. Назаров Д. Г. Особенности и тенденции банкротства физических лиц в современной России // Евразийская адвокатура. — 2018. — № 1. — С. 43.
9. Москалева О. А. Категория неплатежеспособности в конкурсном праве России // Предпринимательское право. — 2007. — № 4. — С. 24.
10. Кораев, К. Б. Неплатежеспособность: новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства): специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Кораев Константин Борисович; Санкт-Петербургский государственный экономический университет. — Санкт-Петербург, 2019. — 574 с. — Текст: непосредственный.
11. Пирогова Е. С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебник для вузов / Е. С. Пирогова, А. Я. Курбатов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 338 с.

Уклонение от уплаты налогов: уголовно-правовой анализ

Максимов Никита Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Суханов Александр Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент
Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты

В статье автор проводит подробный уголовно-правовой анализ уклонения от уплаты налогов, сборов и страховых взносов, предусмотренных ст.ст. 198 и 199 УК РФ. В результате исследования авторами выявлены проблемы при квалификации деяний по ст.ст. 198 и 199 УК РФ и сделаны выводы.

Ключевые слова: налог, уклонение, крупный размер, сбор, страховой взнос.

Налоги — это важнейший источник доходов бюджета любого государства. В России только за 2023 год поступило налогов на сумму 36 трлн. рублей, что составляло чуть более 70 % от общего объема доходов консолидированного бюджета. Эти средства государство использует

для реализации своих внешних и внутренних функций: обеспечение обороны и безопасности, поддержание правопорядка, финансирование области здравоохранения и образования, создание экономически благоприятной среды и т. д. В связи с тем, что налоги необходимы для

поддержания жизнедеятельности государства и общества, уплата их является обязанностью каждого человека. В Конституции РФ данная обязанность закреплена в ст. 57, и в дальнейшем это положение получает развитие в отраслевом законодательстве, главным образом, в Налоговом кодексе РФ.

История формирования и функционирования системы налогов и сборов исчисляется тысячелетиями, и в разные периоды истории учёные мужи и видные деятели давали свои трактовки понятию «налоги». Но из всего этого многообразия мы можем чётко видеть, что все авторы сходятся, так или иначе, в одном: налог — принудительный платёж, который отчуждается для обслуживания государственного аппарата безвозмездно с каждого человека или хозяйствующего субъекта. Кроме этого существует и нормативное определение «налога» в российском законодательстве, закреплённое в ст. 8 НК РФ. Согласно ему «налог — это обязательный, индивидуально безвозмездный платёж, взимаемый с организаций и физ. лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государств и/или муниципальных образований» [1].

Помимо налога физические и юридические лица обязаны уплачивать сборы, и, на первый взгляд, эти понятия идентичны, поскольку что первое, что второе являются обязательными платежами. Поэтому важно подчеркнуть различие в их правовой природе, а оно проявляется в том, что сборы выступают условием совершения юридически значимых действий государством в пользу плательщика.

За нарушение требований, предписанных налоговым законодательством, государство привлекает, в зависимости от совершённого деяния, направленности умысла и нанесённого бюджету ущерба, к налоговой, административной и уголовной ответственности. В частности, в Уголовном кодексе РФ выделяются шесть статей, со 198 по 199.4, регламентирующих уголовно-правовой запрет на совершение уклонения физ. лицом и организацией от уплаты налогов, сборов и страховых взносов, на неисполнение обязанностей налогового агента, сокрытие денежных средств или имущества, за счёт которых должно производиться взыскание налогов, сборов и страховых взносов.

Акцентируем внимание на ст.ст. 198 и 199 УК РФ и перейдём к их характеристике. Данные составы преступления размещены в Разделе VIII, главе 22-й, а это означает, что их родовым объектом выступают общественные отношения, сложенные в сфере экономики, а видовым объектом является сфера экономической деятельности. В теории уголовного права под объектом, как одним из элементов состава преступления, понимается ценность, благо, общественные отношения, находящиеся под уголовно-правовой охраной, на которые посягает преступник. Непосредственным же объектом является установленный порядок исчисления и уплаты налогов, сборов

и страховых взносов. Со вступлением в силу Федерального закона от 29.07.2017 N 250-ФЗ, который вносил ряд изменений в нормативно-правовые акты, объект преступления по ст.ст. 198 и 199 был расширен путём добавления страховых взносов. Необходимо прояснить, чем отличаются страховые взносы, размещённые в вышеуказанных статьях, от подобных платежей, выделенных в ст.ст. 199.3 и 199.4 УК РФ. Если первые уплачиваются в налоговые органы и администрируются ими, то вторые — Социальным фондом России.

Внешним проявлением преступного посягательства, самим деянием, протекающим во времени и пространстве и имеющим причинно-следственную связь, является объективная сторона преступления. В данном случае уклонение от уплаты налогов можно совершить двумя способами, согласно ч. 1: как непредставлением налоговой декларации или других документов в налоговый орган в необходимый срок, так и путём включения в ту же документацию заведомо ложные сведения, т. е. «внесением в документацию несоответствующих действительности сведений об объектах налогообложения, расчёте налоговой базы, наличии налоговых вычетов и другой информации, которая может повлиять на правильность исчисления и уплату налогов» [2].

Стоит заметить, что обычно во время совершения этих налоговых преступлений лицо использует подложные документы, в этом случае необходима квалификация по совокупности со ст. 327 УК РФ. Хотя в правовой литературе и на практике возникает вопрос, подделка каких документов охватывается статьями 198 и 199 УК РФ, а какая требует дополнительной квалификации.

По каждому уплачиваемому налогу и сбору установлен определённый срок подачи декларации (расчёта). Важно учитывать, что сроки подачи документации и уплата соответствующих налогов и сборов различаются, поэтому если лицо не представило вовремя декларацию и другие документы, но в необходимый срок внесло платежи, то в его действиях будет отсутствовать состав преступления, потому что окончанием преступления признаётся фактическая неуплата налогов, сборов и страховых взносов. В ч. 2 указанных статей содержится квалифицированный состав, т. е. усиливающий наказание за деяния, совершённые в особо крупном размере. Вообще, крупный и особо крупный размер являются криминообразующим элементом. В примечании статей указаны суммы, превышение которых образуют состав преступления в действиях того или иного лица. Так, по ст. 198 УК РФ таким крупным и особо крупным размером считается «сумма, превышающая за период в пределах 3-х финансовых лет подряд 2 700 000 рублей и 13 500 000 рублей соответственно. По статье же 199 УК РФ крупный и особо крупный размер составляет сумму, превышающей за период в пределах 3-х финансовых лет подряд 18 750 000 рублей и 56 250 000 рублей соответственно» [3]. Местом совершения преступления признаётся местонахождение налогового органа, на учёте в котором состоит лицо.

В статье 198 УК РФ субъектом преступления выступает индивидуальный предприниматель или физическое лицо, на которое возложена обязанность по уплате налогов, сборов и страховых взносов, например, «граждане, нотариусы, адвокаты и иные лица, занимающиеся частной практикой» [4]. Такой субъект обязан уплачивать налог на имущество, земельный налог, НДФЛ, транспортный налог, государственную пошлину и т. д. По статье 199 УК РФ субъектом, в силу принципа личной ответственности, может быть только физическое лицо в виде руководителя организации или уполномоченного представителя организации — плательщика налогов, сборов и страховых взносов, фактически исполняющего обязанности руководителя и т. д. Платежами, уплачиваемые организациями, являются НДС, налог на прибыль, имущество, страховые взносы за работников и т. д. Субъективная сторона обоих составов подразумевает только прямой умысел.

В правоприменительной практике встречается ряд сложностей, связанных с разграничением смежных составов при квалификации преступления. К примеру, отграничение уклонения от уплаты налогов, сборов и страховых взносов от налогового мошенничества. В юридической литературе этот вопрос по сей день дискуссионный. Ведь одни правоведы считают, что в случае, если преступник оформил возврат излишне взысканных или уплаченных налогов, то он совершил, по сути, хищение, т. е. в его действиях признаки мошенничества. Если же лицо воспользовалось правом зачёта, то оно совершило уклонение, поскольку денежные средства не поступили на счёт пре-

ступника, а остались в бюджете. Другие юристы [5] высказывают мнение, что необходимо квалифицировать содеянное как мошенничество, т. к. не важно, воспользовался ли преступник правом зачёта или возврата, он уже распорядился незаконно полученными средствами. Думается, что такая точка зрения справедлива. Также возникают вопросы в практике при квалификации уклонения от уплаты налогов и подделки официальных документов (ст. 327 УК РФ), т. к. не ясно, в каких случаях следует квалифицировать по совокупности или же использование подложных документов будет охватываться ст.ст. 198 и 199 УК РФ. В литературе всё же принято, что подделка и использование бухгалтерских документов охватывается вышеуказанными статьями. Хотя не совсем понятно, следует ли квалифицировать по совокупности уклонение от уплаты налогов с использование, например, поддельных договоров, поскольку практика разнится.

Исходя из проведённого уголовно-правового анализа, необходимо отметить, что налоги представляют собой основной источник доходов бюджета государства, за уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов установлена уголовная ответственность, предусмотренная статьями 198 и 199 УК РФ. На практике правоприменители встречаются с трудностями при разграничении составов преступления, в правовой литературе до конца не разрешены дискуссии по указанным выше темам, поэтому необходимо обобщить следственно-судебную практику и дать разъяснение, по какому критерию нужно производить разграничение смежных составов.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации: Часть первая [принят Гос. Думой 16 июля 1998 г., одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г.]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).
2. Кондраткова, Н. В. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации налоговых преступлений: учебное пособие / Н. В. Кондраткова. — 2-е изд. — Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ», 2022. — 168 с. — ISBN 978-5-7014-1037-2. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/127006.html> (дата обращения: 10.01.2025). — Режим доступа: для авторизир. пользователей. — DOI: <https://doi.org/10.23682/127006>.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г., одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления». — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).
5. Милякина Е. В. Квалификация покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость // Рос.юстиция. — 2014. — № 11. — С. 38–42.

Сервитут: понятие, виды

Мархель Лариса Васильевна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В статье автор, основываясь на законодательстве Российской Федерации, рассмотрел понятие сервитута, установил характерные черты сервитута как самостоятельного ограниченного вещного права, проанализировал такие виды сервитутов, как частные и публичные.

Ключевые слова: сервитут, сервитуарий, частный сервитут, публичный сервитут, ограниченные вещные права, служебная вещь, господствующая вещь, собственник, ограниченное пользование

В связи с появлением частной собственности на землю, вовлечением недвижимого имущества в гражданский оборот, развитием градостроительства и частного землепользования при ограниченности земельных ресурсов появилась необходимость в специальной юридической конструкции, где бы юридически прочно обеспечивалось экономически необходимое участие одного лица в праве собственности другого на землю (недвижимость), то есть установление сервитута. Базовые положения о сервитутах определены Гражданским кодексом РФ (ст. 216, 274–277). Они развиваются и в других нормативных правовых актах: Земельном кодексе РФ, Федеральном законе от 13.07.2025 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», природоресурсном законодательстве и в других специальных законах.

Легальное определение сервитута содержится в п.1 ст. 274 ГК РФ. Здесь идет речь о том, что собственник недвижимого имущества, в частности, земельного участка, может потребовать от собственника соседнего земельного участка, а при необходимости от собственника другого участка, который все равно рассматривается как соседний, предоставления права ограниченного пользования этим соседним участком. Из этого следует, что для установления сервитута необходимо, чтобы было два земельных участка, один из которых будет являться господствующим, другой — служащим, и они рассматриваются как соседние. Причем они рассматриваются как соседние не только тогда, когда имеют общую границу, но и тогда, когда расположены на определенном расстоянии друг от друга, но тем не менее один объект может служить другому. В этом случае также возможно установление сервитута. То есть термин «соседний», который в приведенном определении используется трижды, мы должны понимать не как исключительную смежность, а как ситуацию, когда один участок (служащий) может быть полезен другому (господствующему) в определенном отношении (реальный сервитут). Из этого следует, что сервитут — один из видов обременения — это право пользования чужим имуществом на законных основаниях в том или ином отношении, которое не лишает собственника прав владения, пользования и распоряжения. Согласно ст. 216 Гражданского кодекса РФ сервитут наряду с правом собственности является ограниченным вещным правом. Ограниченным вещным правам присущи все признаки

вещных прав, но есть дополнительные признаки, которыми обладают сервитуты. Во-первых, они ограничены не только по содержанию по сравнению с правом собственности, но и пространственно. Во-вторых, они зависимы от права собственности. Из этого вытекает, что на бесхозную вещь нельзя установить сервитут. Вместе с тем согласно Земельному кодексу РФ бесхозной земли у нас не может быть, так как в ст.16 есть четкое положение: если земельные участки не находятся в частной или муниципальной собственности, то предполагается, что они находятся в государственной собственности. Таким образом, бесхозными у нас могут быть другие объекты недвижимости, например здания и сооружения (по законодательству они являются самостоятельными объектами недвижимости). Характерным признаком ограниченных вещных прав является их сохранение при смене собственника этого имущества (в том числе в случае его продажи или перехода по наследству) — право следования. Ограниченные вещные права обременяют имущество, то есть сервитут следует за вещью, а не за собственником. Из действующего законодательства мы однозначно выводим свойство следования сервитута в отношении служащего участка, но сама сущность этого ограниченного права предполагает и сохранение свойства следования в отношении господствующего участка. Стоит отметить, что при прекращении ограниченных вещных прав право собственности восстанавливается в первоначальном объеме без каких-либо дополнительных условий. Еще один важный признак вещных прав — это принцип закрытого перечня вещных прав и определение их содержания только законом, что закреплено в ст. 216 ГК РФ. Они не могут быть созданы или изменены по соглашению сторон. Последний, тоже очень важный признак — это принцип публичности. Сервитуты, как и иные права на землю, подлежат регистрации в порядке, установленном для регистрации прав на недвижимое имущество, в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

В рамках гражданского законодательства сервитут может устанавливаться для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок, строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов, если они не препятствуют использованию участка в соответствии с разрешенным использованием, для других

нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута (абз. 2 п. 1 ст. 274 ГК РФ). Из этой нормы мы видим, что нет закрытого перечня видов сервитутов и целей их установления. Здесь приведен только примерный перечень ситуаций, когда возможно установить сервитут, и эта норма, строго говоря, не приспособлена для регулирования многих других ситуаций, в том числе деятельности по созданию линейных объектов. Поэтому под масштабные государственные проекты были приняты специальные федеральные законы, а затем практика была аккумулирована и появилась, в частности, глава V.3 Земельного кодекса, где предполагается возможность размещения линейного объекта на основании сервитута, а также глава V.7, в которой говорится о возможности публичного сервитута в отдельных целях.

По общему правилу сервитут устанавливается по соглашению сторон. В случае недостижения соглашения об установлении или условиях сервитута спор разрешается судом по иску лица, требующего установление сервитута. Сервитут может быть установлен также в интересах и по требованию лица, которому участок предоставлен на праве пожизненного наследуемого владения или праве постоянного пользования. Если мы говорим об установлении сервитута в суде, то необходимо будет доказать объективную потребность в этом сервитуте. Например, невозможность проходить, проезжать или эксплуатировать участок без наличия, например, водоснабжения и т. п. Когда мы говорим об установлении сервитута во внесудебном порядке, то здесь возникает вопрос: а есть ли объективная необходимость? Также нужды господствующей вещи в сервитуте должны носить постоянный, а не случайный характер, и столь же постоянной должна быть способность служащей недвижимости удовлетворять эти нужды. Содержание сервитута должно быть определено так, чтобы данное обременение стесняло возможность эксплуатации служащей недвижимости в минимальной степени.

Принято разделять сервитут на публичный и частный. Однако в российском законодательстве определение «частный сервитут» практически не используется. Оно встречается только в Федеральном законе от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и в других старых законах, которые в плане сервитутов принципиально не менялись. Если мы видим в законодательстве термин «сервитут», то это, классический, частный, сервитут. Основное отличие между сервитутами и публичными сервитутами — в способах их установления и интересах, для которых они устанавливаются. Сервитут устанавливается в соответствии с гражданским законодательством, а публичный сервитут — это совершенно другая конструкция, в первую очередь регламентируемая Земельным кодексом. Так, в п. 3 ст. 23 ЗК РФ содержится исчерпывающий перечень осно-

ваний для установления публичных сервитутов. Публичный сервитут устанавливается законом или другим нормативным правовым актом РФ, субъекта РФ или органом местного самоуправления, когда это необходимо для обеспечения интересов государства, органа местного самоуправления или местного населения. Основная причина их установления — это возможность решать задачи, связанные с обеспечением государственных или общественных нужд без постоянного или временного занятия земельных участков. В отличие от частного публичный сервитут, как правило, бесплатный, но если его установление существенно затрудняет пользование участком собственником, последний вправе требовать соразмерную плату. А если установление сервитута приводит к невозможности использования участка собственником по целевому назначению, он вправе требовать выкупа земельного участка с возмещением ему убытков либо предоставления равноценного земельного участка.

При анализе Земельного кодекса после реформы 2018 года можно выделить два вида публичных сервитутов. Первая разновидность — это публичный сервитут в интересах неопределенного круга лиц, не требует господствующей и служащей недвижимости, не предполагает конкретных сервитуариев, и его можно устанавливать без публичных слушаний. Вторая разновидность публичных сервитутов появилась в главе V.7 ЗК РФ для размещения определенных линейных объектов и их эксплуатации. Такие сервитуты устанавливаются в интересах конкретных сервитуариев, здесь есть господствующая вещь или она предполагается к созданию. Эта разновидность очень похожа на обычный частный сервитут, но имеет особый порядок установления. Если обычный частный сервитут устанавливается по соглашению сторон или по решению суда, то этот публичный сервитут согласно главе V.7 устанавливается на основании нормативного правового акта органа власти, то есть в императивном порядке и не зависит от воли собственника. В этой части законодателя очень критикуют. В целом, глава V.7 ЗК РФ далека от совершенства, и, понимая, что здесь может быть много столкновений с частноправовыми институтами, законодатель в Земельном кодексе прямо указал, что публичный сервитут устанавливается в соответствии с настоящим кодексом. К правоотношениям, возникающим в связи с установлением, осуществлением и прекращением действия публичного сервитута, положения Гражданского кодекса РФ о сервитуте и положения главы V.3 Земельного кодекса не применяются. Тогда возникает вопрос о правовой квалификации второй разновидности публичного сервитута: насколько она соответствует интересам собственников служащих земельных участков?

Также возможно установление частных сервитутов в отношении публичных земельных участков, это закреплено в главе V.3 ЗК РФ. Такое соглашение заключается в случаях, установленных гражданским законодательством, Земельным кодексом, другими федеральными законами. Здесь судебная практика склоняется к позиции,

что это обычные частные сервитуты, которые устанавливаются в отношении публичного земельного участка, то есть нормы Гражданского кодекса должны быть в приоритете, а нормы Земельного кодекса — развивать и дополнять их.

В нашем законодательстве не прописаны положения о таких разновидностях сервитутов, как положительные и отрицательные, добровольные и принудительные. Пока это теория, но она созвучна с жизнью, и не исключено, что она скоро станет законом. Положительный сервитут подразумевает некое физическое воздействие на чужую недвижимость: проход/проезд, возможность разместить линейный объект. Отрицательный сервитут предоставляет управомоченному лицу право запретить обязанному лицу совершать те или иные действия в отношении имущества последнего, например строить здания определенной высоты, высаживать тенистые деревья и т. д. Положительные сервитуты предусмотрены в ГК РФ. Отрицательные сервитуты на практике не встречаются. С этими вопросами тесно связан вопрос о добровольных

и принудительных сервитутах. Если мы говорим об отрицательных сервитутах, то очень сложно обосновать объективную необходимость их установления. Примером объективной необходимости отрицательных сервитутов могут служить только такие ситуации, которые не подпадают под запреты, правила или обязанности, выступающие пределами права собственности в интересах неопределенного круга лиц или соседей. Из этого следует, что прежде чем говорить об отрицательных сервитутах, надо разрабатывать концепцию добровольных сервитутов. Добровольный сервитут — это сервитут, который устанавливается:

- в отсутствие объективной необходимости, для большего удобства использования господствующей недвижимости или осуществления определенной деятельности на ней;
- по соглашению сторон, но не в судебном порядке;
- наделяется свойством следования, подлежит государственной регистрации и защите частноправовыми способами.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024).
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (с изм. и доп., ред. от 28.12.2024).
1. Федеральный закон от 03.08.2018 № 341-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части упрощения размещения линейных объектов».
2. Крассов, О. И. Земельное право: учебник / О. И. Крассов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. — 560 с.
3. Формакидов, Д. А. Вещное право: учебное пособие / Д. А. Формакидов. — 2-е изд., доп. — М.: ИНФРА-М, 2021. — 184 с.

Нормативное правовое регулирование развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации

Мельник Виктория Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Чукреев Андрей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

В статье авторы анализируют нормативное правовое регулирование развития малого и среднего предпринимательства в России, оценивая его эффективность.

Ключевые слова: малое, среднее, предпринимательство, субъекты.

Субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП) по своему правовому положению отличаются от крупных предприятий. Указанные особенности находят свое непосредственное отражение в нормах действующего законодательства. Учитывая специфику правового положения субъектов малого и среднего предпринимательства как участников гражданского оборота, следует признать актуальной тему настоящего исследования.

Целью исследования является анализ и оценка нормативного правового регулирования, способствующего развитию МСП в Российской Федерации, с целью выявления его эффективных и неэффективных аспектов.

Задачи исследования:

1. Изучить понятие и классификацию субъектов малого и среднего предпринимательства в контексте их роли в экономике России.

2. Проанализировать нормативно-правовые акты, регулирующие развитие малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации, с целью выявления их эффективности.

3. Оценить общую правовую характеристику поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и ее влияние на их развитие.

4. Исследовать существующую инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в России и выявить её ключевые элементы.

5. Рассмотреть различные формы финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и оценить их доступность и эффективность.

6. Проанализировать имущественные меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и их влияние на предпринимательскую активность.

7. Изучить особенности налогового обложения малого и среднего предпринимательства в России и их влияние на финансовую устойчивость.

8. Исследовать нормативно-правовые основы развития малого и среднего предпринимательства в Тюменской области и их соответствие федеральным требованиям.

9. Оценить формы и виды поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Тюменской области, а также эффективность организаций, создающих инфраструктуру поддержки.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства.

Предмет — нормы действующего законодательства Российской Федерации, регламентирующего особенности правового положения субъектов малого и среднего предпринимательства, практика применения указанных норм, а также разработки ученых-юристов по рассматриваемому вопросу.

К субъектам МСП относятся хозяйствующие субъекты, которые отнесены законодательством к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям и средним предприятиям.

Вместе с тем, для субъектов малого и среднего предпринимательства как отдельной разновидности, группы юридических лиц характерны определенные особенности. К числу таких особенностей, согласно ст. 4 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ, могут быть отнесены:

1) организационно-правовая форма. К группе субъектов как малого, так и среднего предпринимательства можно отнести юридические лица, созданные в организационно-правовой форме потребительных кооперативов, а также хозяйственных товариществ и обществ, крестьянских (фермерских) хозяйств, хозяйственных партнерств, производственных кооперативов.

Как видим, законодатель к числу субъектов МСП РФ относит не только коммерческие организации, но и не-

коммерческие организации (потребительский кооператив);

2) численность работников составляет:

— пятнадцать человек (микропредприятия);

— сто и менее ста человек — малые предприятия;

— от ста одного до двухсот пятидесяти человек — средние предприятия (если законом не предусмотрено иное);

3) доход субъектов малого и среднего предпринимательства не должен превышать установленных Правительством РФ предельных значений для соответствующей категории указанных субъектов;

4) участие в уставном капитале малых и средних предприятий некоторых видов учредителей. Согласно положению действующего законодательства, устанавливается общая доля участия юридических лиц, публично-правовых образований и иностранных граждан, не являющихся субъектами малого и среднего бизнеса, в деятельности малых и средних предприятий.

При урегулировании деятельности данных субъектов предпринимательства применяются и нормы специальных законодательных актов. К числу таких норм можно отнести:

1) федеральные законы, на основании которых устанавливаются отдельные требования к организации и осуществлению предпринимательской;

2) федеральные законы, в соответствии с которыми устанавливаются основные принципы рыночной экономики;

3) федеральные законы, регламентирующие особенности правового положения юридических лиц, созданных в соответствующих организационно-правовых формах.

В настоящее время вопросам предоставления поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства уделяется особое внимание, что позволяет создать необходимые условия для развития хозяйственного, гражданского оборота, поддержать конкуренцию на рынке товаров, услуг. В этой связи государством разрабатываются и внедряются различные меры поддержки [1].

В России разработана комплексная система поддержки МСП, включающая финансовые, имущественные и информационно-консультационные методы, а также акцент на образовательные инициативы. Необходимость в этих образовательных методах обосновывается изменением экономического ландшафта, где знания и компетенции играют ключевую роль в конкурентоспособности, что подчеркивается благодаря мультимодальному обучению и доступу к ресурсам через онлайн-платформы. Однако для повышения эффективности звучит необходимость улучшения взаимодействия между бизнесом и государственными структурами, что создаст более целенаправленную поддержку для предпринимателей.

Для того чтобы обустроить финансовую помощь предприятиям, государственная казна выделяет средства в рамках бюджетных ассигнований. Эти средства заранее запланированы и закреплены в бюджетном законодательстве для текущего финансового года и будущих плановых

периодов, с соблюдением утвержденных норм и ограничений по бюджетным расходам. Следующая форма финансовой поддержки являются бюджетные инвестиции. Бюджетные инвестиции имеют свои особенности. Вложение инвестиций в организации МСП влечет за собой возникновение права на эквивалентную часть уставного капитала данным юридическим лицам государственной или муниципальной собственности. Третья форма финансовой поддержки — предоставление государственной и муниципальной гарантий, которая выдается для обеспечения обязательств малых и средних предприятий, а также организаций, формирующих инфраструктуру поддержки малого и среднего предпринимательства.

Подчеркивается, что субъекты малого и среднего предпринимательства испытывают определенные трудности в привлечении заемных денежных средств, что связывается со следующими факторами:

- высокие требования, которым должен соответствовать заемщик
- нехватка возможности предоставить необходимый залог или гарантии;
- высокие ставки по кредиту [2].

Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», а именно статья 18 данного закона, предусматривает меры имущественной поддержки для МСП, а также устанавливает условия предоставления такой поддержки. В частности, речь идет о предоставлении органами государственной власти и местного самоуправления определенного имущества малым и средним предприятиям.

Для более детального урегулирования порядка, условий предоставления мер имущественной поддержки рассматриваемой категории субъектов был разработан и принят специальный законодательный акт — Федеральный закон «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ.

Специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» функционирует на основании Федерального закона №422-ФЗ от 27 ноября 2018 года. Правовой эксперимент стартовал 1 января 2019 года и продлится до 31 декабря 2028 года. С 1 июля 2020 года действие закона распространяется на все регионы Российской Федерации. Переход на специальный налоговый режим физических лиц и индивидуальных предпринимателей является добровольным, а также данные лица обязаны встать на налоговый учет в качестве плательщиков налога. Заявление о постановке на учет формируется с использованием мобильного предложения «Мой налог».

В Тюменской области сложилась уникальная система правовых регуляторов, детально продуманная для улучшения экономического климата и нацеленная на рас-

ширение возможностей для МСП. Закон Тюменской области «О развитии малого и среднего предпринимательства в Тюменской области» от 5 мая 2008 г. N 18 (ред. от 26.09.2023) представляет собой комплексный законодательный акт, нацеленный на стимулирование экономической активности и поддержку предпринимателей на региональном уровне. Региональное законодательство Тюменской области активно поддерживает развитие предпринимательских структур в лице малого и среднего бизнеса. С этой целью принято, в частности, постановление Правительства Тюменской области от 1 апреля 2008 года № 99-п, редакция которого от 12 декабря 2022 года подробно описывает механизмы предоставления субсидий данным субъектам хозяйствования. В рамках мер поддержки социально значимой деятельности и стимуляции бизнес-среды Тюменской области, существует основополагающий документ — Постановление Правительства области от 24 ноября 2009 года № 339-п, с последними поправками, внесенными в августе 2024 года. Государственная поддержка по программе включает субсидии и гранты для развития лизинга оборудования, создания и тестирования технологических инноваций, а также проектов, поддержанных ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере».

Постановление Правительства Тюменской области от 10 июня 2019 года № 181-п устанавливает порядок предоставления субсидий из областного бюджета для компенсации затрат на уплату процентов по кредитам и займам, полученным субъектами малого и среднего предпринимательства.

В 2023 году был отмечен ряд инициатив, направленных на стимулирование развития деловой среды и укрепление экономики Тюменской области. Кроме того, была разработана инвестиционная стратегия в сотрудничестве с представителями бизнеса, охватывающая девять ключевых направлений, включая нефтегазовую и нефтехимическую отрасли, добычу нефти, биотехнологии, туризм, строительство, креативные индустрии и инвестиции на уровне муниципалитетов. Поддержка инновационных проектов также имела место, с выделением 30 млн рублей на эти цели, благодаря чему более 7000 компаний из 70 000 в регионе занимались разработкой и внедрением новаторских технологий.

Таким образом, совершенно очевидно, что дальнейшее развитие малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и, в частности, в Тюменской области требует комплексного подхода, включающего обновление нормативной базы, развитие образовательных программ и активное привлечение предпринимателей к участию в жизни бизнеса. Перспективы роста и устойчивости сектора МСП будут зависеть от преобразований в государственной политике, направленных на поддержку инноваций и качества услуг. Только совместными усилиями государства, общества и бизнеса можно обеспечить устойчивое развитие предпринимательской активности, что в конечном итоге послужит благом для всей экономики страны.

Литература:

1. Кванина В. В. Информационное обеспечение государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в структуре электронного правительства / В. В. Кванина // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 1.
2. Тажиева, Д. М. Государственная собственность как мера поддержки для субъектов малого и среднего предпринимательства / Д. М. Тажиева, А. М. Рабинович // Молодежная неделя науки Института промышленного менеджмента, экономики и торговли: сборник трудов всероссийской студенческой научно-учебной конференции, Санкт-Петербург, 27 ноября — 02 2023 года. Санкт-Петербург: Политех-Пресс, 2023. С. 78–81.

Об особенностях признания права собственности на земельный участок в порядке приобретательной давности

Нестерова Юлия Андреевна, студент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье рассматриваются проблемы признания права собственности на земельные участки в порядке приобретательной давности. Проводится анализ судебной практики по таким спорам. Автором делается вывод о том, в каких случаях возможно обращение в суд с иском о признании права собственности на землю в порядке приобретательной давности, а в каких случаях следует избрать иные способы защиты своих прав. На основании проведенного исследования, предложены пути дальнейшего совершенствования законодательства.

Ключевые слова: приобретательная давность, земельный участок, давность владения, признание права собственности, право государственной или муниципальной собственности на землю.

On the specifics of the recognition of ownership of a land plot in the order of the statute of limitations

Nesterova Yuliya Andreevna, student
Ulyanovsk State Pedagogical University named after IN Ulyanov

The article discusses the problems of recognizing ownership of land plots in the order of the statute of limitations. The analysis of judicial practice on such disputes is carried out. The author concludes that in which cases it is possible to apply to the court with a claim for recognition of ownership of land in the order of the statute of limitations, and in which cases it is necessary to choose other ways to protect their rights. Based on the conducted research, the ways of further improvement of legislation are proposed.

Keywords: statute of limitations, land plot, statute of limitations, recognition of ownership rights, the right of state or municipal ownership of land.

Приобретательная давность является одним из оснований приобретения права собственности на недвижимое имущество. В соответствии с нормой ст. 234 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ), гражданин или юридическое лицо, не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее им в качестве собственного недвижимого имущества в течение пятнадцати лет, приобретает право собственности на это имущество (приобретательная давность).

Данный институт имеет большое значение и широко применяется в правоприменительной практике. На первый взгляд, с точки зрения правового содержания, норма ГК РФ о приобретательной давности не вызывает никаких трудностей. Однако практическое применение

рассматриваемого института в некоторых случаях вызывает проблемы, на что неоднократно обращалось внимание в литературе [2]. Проблем рассматриваемого института также вызывают интерес и у ученых-цивилистов [3].

Одним из таких вопросов является вопрос о возможности приобретения по указанным основаниям права собственности на землю.

Вопрос о возможности приобретения права собственности на земельный участок в порядке приобретательной давности не имеет четкого законодательного решения. А урегулирование этого вопроса имеет большое практическое значение. Это обусловлено тем, что анализ судебной практики приводит к выводу, что такие споры являются очень распространенными.

Однако единый подход к решению данного вопроса пока не разработан. Можно сделать вывод, что в целях приобретения права собственности на земельный участок в силу приобретательной давности, заинтересованное лицо должно доказать наличие или отсутствие определенных обстоятельств, связанных с правовой судьбой спорного земельного участка.

При этом стоит отметить, что не во всех случаях длительного, открытого и добросовестного владения земельным участком, возможно обращение в суд с иском о признании права собственности на основании ст. 234 ГК РФ.

Так, истец вступил во владение недвижимым имуществом по какой-либо сделке (например, по договору купли-продажи), такое владение, независимо от его продолжительности, не может привести к приобретению права собственности по давности владения. На это обращали внимание и высшие судебные инстанции [4]. Стоит согласиться с теми авторами, которые полагают, что ст. 234 ГК РФ носит субсидиарный характер. Норма данной статьи применяется в том случае, когда отсутствует возможность приобрести имущество в собственность по иным основаниям [2].

Если проанализировать судебную практику, то можно прийти к выводу, что данное правило используется, когда невозможно доказать титул на недвижимое имущество. Об этом свидетельствует и судебная практика.

Так, Ульяновским областным судом рассмотрено гражданское дело по правилам первой инстанции в рамках апелляционной жалобы на решение Железнодорожного районного суда г. Ульяновска [5]. Как следует из обстоятельств дела, А. принадлежал земельный участок в СНТ на основании государственного акта на право собственности на землю. Данный земельный участок он в 2004 году А. продал Ф. При этом договор купли-продажи не составлялся. С этого времени, на протяжении 20 лет, Ф. владеет спорным земельным участком как своим собственным, состоит в членах СНТ, уплачивает необходимые взносы и платежи. За период пользования со стороны третьих лиц никаких требований об освобождении или передаче земельного участка не поступало. В том числе и от наследников А. Рассмотрев дело, суд признал за Ф. право собственности на земельный участок в порядке приобретательной давности.

Указанное судебное решение иллюстрирует ранее сказанное положение о том, что приобретения права собственности в силу приобретательной давности возможно лишь в том случае, когда невозможно доказать титул на какое-либо имущество. Ведь в данном случае отсутствовали какие — либо документы, подтверждающие продажу спорного земельного участка. В противном случае, истец должен выбрать иной способ защиты своего права.

В Определении Конституционного Суда РФ от 20.12.2016 N 2618-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ермаковой Зинаиды Алексеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2

статьи 214 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 16 Земельного кодекса Российской Федерации» прямо указано, что «не может использовать такой способ защиты, как признание права собственности в порядке приобретательной давности, поскольку имеет правоустанавливающие документы на спорный земельный участок, при этом она не лишена возможности защищать свои интересы иными способами, определенными законодательством» [6].

В качестве иллюстрации сказанному, можно привести следующее судебное дело.

Так, решением Ленинского районного суда города Ульяновска от 08.07.2024 по делу № 2–2152/2024, было отказано в удовлетворении исковых требований А. о признании права собственности на земельный участок в порядке приобретательной давности. Отказ мотивирован следующим.

Обращаясь с вышеуказанным иском, А. ссылается на то, что она более 16 лет владеет земельным участком открыто, добросовестно и непрерывно. Имущество из ее владения никогда не выбывало, претензий на участок от иных лиц не поступало. Вместе с тем, истцом не учтено, что спорный земельный участок находится в муниципальной собственности. Принимая данное решение, суд исходил из того, что сам по себе факт длительного пользования истцом земельным участком не может повлечь за собой применение приобретательной давности в целях получения права собственности на него. Это обусловлено тем, что земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, приобретаются в собственность в порядке, установленном земельным законодательством.

При этом правомерно отклонены доводы истицы об отсутствии претензий относительно факта её владения участком. А также непринятии государственными органами мер по изъятию земельного участка. Поскольку с данным обстоятельством закон не связывает возникновение у лица права собственности на имущество. Кроме того, в перечне оснований, по которым гражданин вправе приобрести земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, такое основание как приобретательная давность не предусмотрено.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Ульяновского областного суда от 24 декабря 2024 года, указанное решение оставлено без изменения, а апелляционная жалоба А. — без удовлетворения [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что приобретательная давность может быть применена только в отношении тех земельных участков, которые находятся в частной собственности. При этом, для признания права собственности в силу приобретательской давности, лицо должно владеть им при соблюдении определенных условий. В рассматриваемом случае, истице следует избрать иной надлежащий способ защиты своего права. А именно, оформить собственность на земельный участок в порядке, предусмотренном земельным законодатель-

ством. Об этом прямо указывается в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [4].

Стоит согласиться с позицией тех авторов, которые полагают, что отрицание законодателем возможности приобретения земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, по давности владения, влечет весьма неблагоприятные последствия, в том числе и для публичного субъекта. Это проявляется в виде невозможности возврата земельных участков в гражданский оборот [8].

Полагаем также, что, кроме невозможности возвращения имущества в гражданский оборот, законодательное положение о запрете признания права собственности на земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, за лицом, добросовестно владевшим им в течение всего срока, противоречит смыслу положений ст. 234 ГК РФ.

В связи с этим, считаем необходимым внести изменения в законодательство. А именно, предусмотреть для лица, открыто и добросовестно владеющего земельным участком, находящимся в государственной или муниципальной собственности, как своим собственным, и заботящимся об этом имуществе, несущего расходы на его

содержание, не нарушая при этом ничьих прав, легализовать такое владение, оформив право собственности на основании ст. 234 ГК РФ. По нашему мнению, такой порядок будет отвечать интересам как частных лиц, так и публично-правовых образований.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Приобретательная давность является самостоятельным законным основанием возникновения права собственности на земельный участок при условии добросовестности, открытости, непрерывности и установленной законом длительности такого владения. Владение земельным участком как своим собственным означает владение не по договору. По этой причине ст. 234 ГК РФ не подлежит применению в случаях, когда владение имуществом осуществляется на основании договорных обязательств.

В отношении земельных участков применение приобретательной давности имеет свои особенности. Эти особенности заключаются в том, что приобретательная давность может быть применена только в отношении тех земельных участков, которые находятся в частной собственности и которыми лицо владеет при соблюдении определенных условий. По нашему мнению, такое положение противоречит принципам ст. 234 ГК РФ, ввиду чего действующее законодательство в данной части нуждается в изменении.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024N 237-ФЗ, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. Ст. 3301; Собрание законодательства РФ. 12.08.2024. N 33 (Часть I). Ст. 4933.
2. Подмаркова А. С. Условия приобретательной давности и необходимость их реформирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. N 2. С. 109.
3. Мартынова А. А. Содержание критериев приобретательной давности в доктрине и правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. 2022. N 12. С. 121.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6; <https://www.consultant.ru>. Дата обращения: 10.03.2025.
5. Архив Железнодорожного районного суда г. Ульяновска. Дело № 2–1059/2024.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2016 N 2618-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ермаковой Зинаиды Алексеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 214 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 16 Земельного кодекса Российской Федерации» // <https://www.consultant.ru>. Дата обращения: 10.03.2025.
7. Официальный сайт Ульяновского областного суда: <http://uloblsud.ru>. Дата обращения: 10.03.2025.
8. Гаджиев Г. А., Ревякин А. П. О толковании добросовестности в институте приобретательной давности применительно к владению земельным участком // Экологическое право. 2021. N 2. С. 24.

Причинение смерти по неосторожности: проблемы квалификации

Никитина Кристина Алексеевна, студент
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Статья посвящена анализу проблем квалификации преступления, связанного с причинением смерти по неосторожности, в контексте действующего уголовного законодательства Российской Федерации. Актуальность данной темы обусловлена ростом преступлений, совершаемых по неосторожности, и сложностями, возникающими при отграничении таких деяний от смежных составов преступлений. В статье рассматриваются ключевые аспекты, такие как объект и субъективная сторона преступления, а также квалифицирующие признаки, установленные в статье 109 Уголовного кодекса РФ. Особое внимание уделяется сравнению неосторожного причинения смерти с другими составами преступлений, включая умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и неоказание помощи больному. Также анализируются судебные практики и мнения правоведов, что позволяет глубже понять нюансы квалификации данного уголовного деяния.

Ключевые слова: причинение смерти по неосторожности, квалификация преступления.

Causing death by negligence: qualification issues

Nikitina Kristina Alekseevna, student
Transbaikal State University (Chita)

The article is devoted to the analysis of issues related to the classification of crimes involving causing death by negligence within the context of the current criminal legislation of the Russian Federation. The relevance of this topic is determined by the increase in crimes committed through negligence and the complexities that arise in distinguishing such acts from related criminal offenses. The article examines key aspects, such as the object and subjective side of the crime, as well as the qualifying features established in Article 109 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to comparing negligent causing of death with other criminal offenses, including intentional infliction of grievous bodily harm and failure to provide assistance to a patient. Judicial practices and opinions of legal scholars are also analyzed, which allows for a deeper understanding of the nuances of classifying this criminal act.

Keywords: causing death by negligence, classification of the crime.

Актуальность изучения проблем квалификации преступлений обусловлена несколькими факторами. В современном обществе наблюдается постоянное изменение и усложнение преступных деяний. Это требует от правоприменителей глубокого понимания различных видов преступлений и их характеристик. Часто законы могут быть неясными или недостаточно конкретными, что создает трудности в квалификации преступлений. Это может приводить к судебным ошибкам и нарушению прав лица.

Изменения в обществе, такие как развитие технологий, глобализация и изменения в социальной структуре, порождают новые формы преступности (например, киберпреступления), что требует пересмотра подходов к квалификации. Проблемы квалификации преступлений могут влиять на эффективность правоприменительной практики. Корректная квалификация необходима для справедливого и правильного разрешения дел в судах. Неправильная квалификация может повлечь за собой серьезные последствия для прав человека. Изучение этой проблемы помогает минимизировать риски нарушения прав граждан.

Проблемы квалификации преступлений являются предметом изучения в юридической науке, что способствует развитию теории уголовного права и его адаптации к современным условиям. Таким образом, изучение

проблем квалификации преступлений является важным аспектом уголовного права и правоприменительной практики, способствующим обеспечению правосудия и защиты прав граждан.

В последнее время в современной России наблюдается рост преступлений, совершаемых по неосторожности. Данная тенденция порождает возникновение проблем в правильности квалификации таких преступлений и отграничении их от смежных составов преступления.

Следует отметить, что заявленная проблематика в большей степени характерна при анализе ст. 109 Уголовного Кодекса РФ. Умышленное лишение человека жизни во всей мировой истории являлось исключительно негативным и порицаемым явлением в обществе. За убийство к виновному всегда применяли самые суровые наказания. Но случается и так, что смерть лицу причиняют случайно и без умысла. В таких случаях отношение к субъекту, совершившему деяние с моральной точки зрения, смягчается, что позволило вывести данную категорию преступления в отдельный уголовно-правовой институт.

В действующей редакции УК РФ не закреплено понятие «причинение смерти по неосторожности», хотя ранее такое определение в уголовном законодательстве присутствовало и было отражено в статье 106 УК РСФСР

1960 года. Под причинением смерти по неосторожности следует понимать преступное деяние (а также преступные действия или же бездействие), которые совершаются виновным лицом по неосторожности и влекут за собой смерть потерпевшего лица. На смену УК РСФСР в 1996 году пришел Уголовный кодекс Российской Федерации, а статья 106 УК РСФСР была заменена статьей 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности».

Объект причинения смерти по неосторожности идентичен объекту убийства. Таковым следует признать общественные отношения, которые складываются в сфере реализации человеком своего права на жизнь, регламентированные множеством международных нормативно-правовых актов и Конституцией Российской Федерации.

Объективная сторона преступления есть основной показатель его общественной опасности. Объективная сторона преступления позволяет разграничить преступления и классифицировать их в рамках уголовного законодательства, а значит, помогает определить степень уголовной ответственности за совершенное преступление в соответствии с действующим Уголовным кодексом РФ.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, которое на момент совершения преступления достигло возраста 16-ти лет. Указанное можно установить на основании анализа содержания статей 19 и 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, что позволяет сделать вывод о том, что субъект причинения смерти по неосторожности является общим.

Субъективной стороной преступления обычно именуется совокупность психических процессов, протекающих в коре головного мозга виновного в процессе совершения им преступления. Вина, в свою очередь, как центральный и основной признак субъективной стороны любого преступления представляет собой внутренне психическое отношение преступника к тому преступлению, которое он совершает и тем последствиям, которые могут наступить вследствие его преступных действий или преступного бездействия. Вина характеризуется двумя элементами: интеллектуальным и волевым, тесно связанными между собой

Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия. В качестве квалифицирующих в частях 2 и 3 статьи 109 УК РФ названы следующие признаки:

- ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей;
- причинение смерти двум и более лицам.

Далее основываясь на научных работах, а также публикациях в периодической юридической печати в плане использования апробированных в них методов исследования, рассмотрим основные проблемные вопросы квалификации причинения смерти по неосторожности. Как

мы отметили выше сожалению, законодатель не закрепил понятие причинения смерти по неосторожности, но основываясь на теоретических и практических знаниях мы можем сформулировать следующее понятие: это деяние, совершенное лицом по неосторожности, повлекшее смерть другого человека.

Практика определяет признаки неосторожного причинения смерти в случаях, таких как удары, кулаком в ходе драки, неосторожное введение в организм потерпевшего ядовитых веществ вместо лекарств, неаккуратное обращение с огнем или другими опасными источниками, а также грубое нарушение правил обращения с оружием и предметами, приравненными к нему. Наибольшие трудности возникают при различении состава неосторожного преступления против жизни и здоровья, совершенного в результате ненадлежащего оказания медицинской помощи (ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ), и состава преступления, который предполагает ответственность за ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей из-за недобросовестного или небрежного отношения к службе, приведшее к причинению тяжкого вреда здоровью или смерти человека (ч. 2 ст. 293 УК РФ).

От причинения смерти по неосторожности следует отграничивать умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, что предусмотрено частью 4 статьи 111 УК РФ.

Достаточно актуален вопрос об отграничении данного состава преступления от смежных ему составов. Так, следует отграничивать преступления, предусмотренные частью 2 статьи 109 Уголовного Кодекса Российской Федерации от состава преступления, предусмотренного статьей 124 УК РФ, а именно неоказание помощи больному.

Согласно Обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 от 2015 года, ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, упомянутое в ч. 2 ст. 109 УК РФ, включает в себя действия, которые не полностью или частично соответствуют установленным официальным требованиям или предписаниям. Это может привести к смерти потерпевшего. Таким образом, эта норма применяется в ситуациях, когда существуют правовые требования, регулирующие поведение лица в его профессиональной деятельности.

Важно отметить, что при совершении преступления, предусмотренного статьей 124 УК РФ, виновный всеми возможными способами уклоняется от оказания помощи больному, что может привести к причинению средней тяжести или тяжелого вреда его здоровью, а в некоторых случаях — к смерти. В этом контексте наблюдается конкуренция между двумя правовыми нормами: норма, указанная в ч. 2 ст. 109 УК РФ, является общей, а ч. 2 ст. 124 УК РФ — специальной. Согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, было совершено медицинским работником, его следует квалифицировать по специальной норме, то есть по ч. 2 ст. 124 УК РФ.

Различия между этими составами можно выявить по признакам объективной стороны: в случае неоказания помощи больному имеет место исключительно уголовно-правовое бездействие — отказ от действий, которые виновный должен был и мог предпринять, в то время как при неосторожном причинении смерти (ч. 2 ст. 109 УК РФ) могут иметь место, как действия, так и частичное бездействие. В последнее время в СМИ всё чаще обсуждается вопрос «врачебных ошибок», и освещение этой темы должно способствовать правовому просвещению и повышению правовой культуры среди медицинского персонала.

Сложности в разграничении преступлений обычно возникают, когда необходимо отличить преступление по неосторожности от убийства. В некоторых случаях деяние квалифицируется как убийство, если смерть потерпевшего, которому был причинён тяжкий вред здоровью, наступает немедленно. В других ситуациях, если смерть не происходит сразу, деяние может быть квалифицировано как причинение смерти по неосторожности. Некоторые российские юристы ставят под сомнение такую трактовку, указывая на то, что причинение смерти по неосторожности не является юридически убийством. Это связано с психологическим восприятием общества, где понятие «убийство» ассоциируется с умышленным причинением смерти, хотя на практике причинение смерти по неосторожности к этому понятию не относится.

Также часто возникают сложности в разграничении составов преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью. Все три состава преступлений объединяет наличие насильственных действий, которые представляют опасность для жизни человека, и в случае отсутствия необходимых мер может наступить смерть. Главное различие между ними заключается в форме вины: согласно ст. 105 Уголовного кодекса РФ, убийство предполагает прямой или косвенный умысел, тогда как ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса РФ определяет умышленное причинение тяжкого вреда здоровью как неосторожное отношение к возможности наступления смерти в результате своих действий.

При разграничении умышленного убийства трудности чаще всего возникают при различении убийства с косвенным умыслом и убийства по легкомыслию, поскольку в обоих случаях субъект не желает наступления указанных последствий. Важно понимать, что при косвенном умысле смерть возникает из-за безразличного отношения субъекта к ситуации и отсутствия действий, направленных на предотвращение смерти человека. В случае неосторожности необходимо отметить, что виновное лицо, самонадеянно и легкомысленно ожидающее, что смерть не наступит, не относится к ней безразлично — оно рассчитывает на различные обстоятельства, которые помогут избежать смертельных последствий.

В целом Верховный Суд Российской Федерации дал указания, как необходимо определять умысел в данных составах преступлений. Так, при разграничении убийства

от причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего важно учитывать следующие обстоятельства:

- характер телесных повреждений;
- орудие преступления;
- сила ударов;
- количество ударов;
- прицельность ударов;
- отношение между виновным и потерпевшим;
- поведение субъекта преступления после совершения.

Итак, суждение о форме вины можно делать исходя из определенных факторов, свидетельствующих о причинно-следственной связи между действием (бездействием) лица и наступившими общественно-опасными последствиями.

Кроме того, в действующем уголовном законодательстве в качестве одного из квалифицирующих признаков причинения смерти по неосторожности уголовный закон указывает на причинение смерти двум или более лицам. На первый взгляд может показаться, что при квалификации по ч. 3 ст. 109 УК РФ не должно возникать никаких трудностей в силу простоты конструкции указанного состава, однако это не совсем так.

По мнению И. В. Чурляевой, под причинением смерти по неосторожности двум или более лицам следует считать такие случаи, когда действия виновного происходили одновременно и одномоментно, а также были мотивированы и опосредованы самонадеянным расчетом субъекта на не наступление общественно опасных последствий, принятием не аргументированных на деле решений, а также пренебрежением своими образностями, что в совокупности повлекло наступление смерти. Важно отметить, И. В. Чурляева считает, что причинение смерти по неосторожности двум или более лицам в разрыве временного пространства не будет попадать под действие ч. 3 ст. 109 УК РФ.

Из сказанного выше следует, что для того, чтобы квалифицировать деяния виновного лица по ч. 3 ст. 109 УК РФ необходимо установить единую неосторожную форму вины по отношению к двум или более лицам, при этом общественно опасные последствия в виде смерти должны наступить у потерпевших одновременно, без какого-либо промежутка во времени.

При этом среди правоведов встречаются противоположные точки зрения, в частности Д. Н. Кожухарик и П. Т. Савин считают, что причинение по неосторожности смерти двум или более лицам означает фактическое лишение жизни более чем одного потерпевшего, при этом не имеет значения, одновременно или с разрывом во времени совершаются данные деяния.

Проанализировав вышеуказанную судебную практику, с нашей точки зрения, позиция И. В. Чурляевой и Н. Г. Кадникова о том, что причинение смерти по неосторожности двум или более лицам в разрыве временного пространства не будет попадать под действие ч. 3 ст. 109 УК РФ является

несостоятельной, так как на практике наличие временного промежутка между наступлением смерти потерпевших не сказывается на квалификации деяния.

Так, чтобы квалифицировать деяния виновного лица по ч. 3 ст. 109 УК РФ необходимо установить наличие единой неосторожной формы вины в виде легкомыслия или небрежности, проявленных виновным к гибели нескольких лиц. В противном случае деяния следует квалифицировать как два самостоятельных преступления по ч. 1 ст. 109 УК РФ. При этом общественно опасные последствия в виде смерти потерпевших могут наступить как одномоментно, так и с разрывом во времени, что не будет сказываться на уголовно-правовой квалификации.

В целом основные проблемы в рамках рассматриваемой нами проблематики можно свести к следующему:

- Отсутствие четкого определения. В действующем уголовном законодательстве России не закреплено понятие «причинение смерти по неосторожности», что приводит к неясностям в квалификации таких преступлений.

- Сложности в отграничении составов преступлений. Проблемы возникают при разграничении причинения смерти по неосторожности от смежных составов преступлений, таких как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, неоказание помощи больному и другие.

- Различия в субъективной стороне. Необходимость учитывать различные формы вины (умысел, неосторожность) при квалификации, что усложняет правоприменение.

- Квалифицирующие признаки. Проблемы с применением квалифицирующих признаков, таких как ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей и причинение смерти двум и более лицам, требуют уточнения и единых подходов.

- Влияние судебной практики. Судебная практика может быть не однозначной, что приводит к различным трактовкам и затруднениям в квалификации.

- Необходимость правового просвещения. Увеличение случаев неосторожного причинения смерти связано с недостатком правового просвещения, особенно в сфере медицинской деятельности.

- Психологическое восприятие общества. Общество может ассоциировать понятие убийства только с умышленными действиями, что затрудняет восприятие неосторожных деяний как преступлений.

- Неоднородность практики квалификации. Неоднородные подходы к квалификации действий, приведших к смерти, в зависимости от временных промежутков между наступлением смерти у нескольких потерпевших.

Эти проблемы требуют дальнейшего изучения и разработки более четких норм и подходов для повышения эффективности правоприменительной практики и защиты прав граждан.

Для решения основных проблем квалификации причинения смерти по неосторожности в контексте действующего уголовного законодательства Российской Федерации, можно предложить следующие рекомендации:

1. Разработка и внедрение четкого определения. Необходимо разработать и закрепить в уголовном законодательстве понятие «причинение смерти по неосторожности». Это поможет устранить неопределенности и повысит правоприменительную стабильность.

2. Уточнение критериев разграничения составов преступлений. Рекомендуется создать четкие критерии, позволяющие различать составы преступлений, связанные с причинением смерти по неосторожности, от смежных составов, таких как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и неоказание помощи больному. Это может включать в себя более детальное описание объективной и субъективной стороны преступления.

3. Единые подходы к квалифицирующим признакам. Необходимо разработать единые подходы к применению квалифицирующих признаков, таких как ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей и причинение смерти двум и более лицам. Это может включать в себя создание судебной практики, отражающей согласованные и обоснованные подходы к квалификации.

4. Обучение и правовое просвещение. Важно усилить правовое просвещение, особенно среди медицинских работников и других профессионалов, чья деятельность может привести к неосторожному причинению смерти. Это поможет снизить количество подобных преступлений и повысить уровень ответственности.

5. Учет судебной практики. Следует активно учитывать и анализировать судебную практику, чтобы выявить противоречия и неясности, возникающие в процессе квалификации. Это может включать в себя создание специализированных рекомендаций для судей по вопросам квалификации преступлений, связанных с причинением смерти по неосторожности.

6. Создание экспертных групп. Рекомендуется создать экспертные группы, состоящие из юристов, судей, медицинских работников и социальных работников, для анализа и разработки рекомендаций по вопросам квалификации причинения смерти по неосторожности и связанных с этим проблем.

7. Разработка методических рекомендаций. Следует разработать методические рекомендации, которые помогут правоприменителям в квалификации преступлений, связанных с причинением смерти по неосторожности, с учетом всех вышеуказанных аспектов.

Реализация данных рекомендаций может способствовать повышению эффективности правоприменительной практики, улучшению правового регулирования и защите прав граждан.

Таким образом, отсутствие четкого определения понятия «причинение смерти по неосторожности» в действующем уголовном законодательстве создает трудности в квалификации таких преступлений. Правовое регулирование данного института требует более ясных норм, чтобы избежать путаницы между неосторожным преступлением и умышленными деяниями. Важно разра-

ботать единые подходы к квалификации случаев, когда преступление вызывает смерть нескольких лиц, а также уточнить критерии, позволяющие различать неосторожные действия от умышленных. В заключение, необхо-

димость правового просвещения и повышения правовой культуры, особенно в сфере медицинской деятельности, является ключевым аспектом для уменьшения случаев неосторожного причинения смерти.

Литература:

1. Винокурова М. А. Оказание медицинской помощи ненадлежащего качества: научное и юридическое содержание понятия // Вестник ННГУ. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okazanie-meditsinskoj-pomoschi-nenadlezhashego-kachestva-nauchnoe-i-yuridicheskoe-soderzhanie-ponyatiya>.
2. Желева О. В. Уголовная ответственность за ненадлежащее оказание медицинской помощи // Вестник КГУ. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-nenadlezhashee-okazanie-meditsinskoj-pomoschi>.
3. Кайнов В. И., Шеншин В. М. Некоторые вопросы квалификации причинения смерти по неосторожности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-kvalifikatsii-prichineniya-smerti-po-neostorozhnosti>.
4. Кабурнеев Э. В. Развитие законодательства об ответственности за убийство // Журнал российского права. 2007. № 8 (128). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-ubiystvo>.
5. Кайнов В.И., Шеншин В. М. Позиция Верховного Суда Российской Федерации о причинении смерти по неосторожности: проблемы квалификации и пути их решения // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-verhovnogo-suda-rossiyskoj-federatsii-o-prichinenii-smerti-po-neostorozhnosti-problemy-kvalifikatsii-i-puti-ih-resheniya>.
6. Кожуарик Д. Н., Савин П. Т. Причинение смерти по неосторожности с квалифицирующими признаками // Российский следователь. — 2018. — № 1. — С. 27–30.
7. Кузьмин А. Г., Казарин С. В. «Медицинская ошибка», «ненадлежащее оказание медицинской помощи» и «профессиональное правонарушение»: к вопросу о разграничении понятий для целей административной ответственности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-oshibka-nenadlezhashee-okazanie-meditsinskoj-pomoschi-i-professionalnoe-pravonarushenie-k-voprosu-o-razgranichenii>.
8. Марин А. С. Ответственность за преступления против жизни в уголовном праве Франции // Вестник науки. 2023. № 6 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-prestupleniya-protiv-zhizni-v-ugolovnom-prave-frantsii>.
9. Наделяева Е. И. Ненадлежащее оказание медицинской помощи (услуги) в современной России: постановка проблемы // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nenadlezhashee-okazanie-meditsinskoj-pomoschi-uslugi-v-sovremennoy-rossii-postanovka-problemy>.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // «Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации» № 3 — март 1999.
11. Пучкова В. В., Цергер В. И. Актуальные проблемы ненадлежащего оказания медицинской помощи: анализ судебной практики их решения // The Scientific Heritage. 2020. № 46–6 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-nenadlezhashego-okazaniya-meditsinskoj-pomoschi-analiz-sudebnoy-praktiki-ih-resheniya>.
12. Сараева В. А. Некоторые проблемы квалификации убийства по неосторожности // Молодой ученый. 2021. № 18. С. 470–472.
13. Смирнова В. В. Ответственность за неосторожное лишение жизни человека по российскому законодательству (х — начало XX века) // Вестник МГУ. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-neostorozhnoe-lishenie-zhizni-cheloveka-po-rossiyskomu-zakonodatelstvu-h-nachalo-hh-veka>.
14. Трифонов В. А., Метальников В. С. Право на жизнь: понятие и основные проблемы реализации // THEORIA. 2021. № 1 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-zhizn-ponyatie-i-osnovnye-problemy-realizatsii>.
15. Чурляева И. В. Ответственность за причинение смерти по неосторожности. Автореф. дис. к.ю.н.: Сев.-Кавказ. науч. центр высш. шк. — Ростов-на-Дону, 2004. — 23 с.

Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих

Панченко Владислав Борисович, студент магистратуры
Научный руководитель: Александров Илья Андреевич, кандидат юридических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет

Статья посвящена особенностям дисциплинарной ответственности и правовому регулированию служебного поведения государственных служащих, и одновременно рассмотрению морально-этических аспектов такого поведения. Автором приводятся некоторые особенности дисциплинарной ответственности, анализ норм права, регулирующих служебное поведение и закрепляющих на законодательном уровне требований к служебному поведению. В ходе анализа уделяется внимание проблемным вопросам реализации таких требований.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, служебное поведение, государственная служба, нравственные качества, моральные ценности.

Disciplinary responsibility of state civil servants

Panchenko Vladislav Borisovich, student master's degree
Scientific advisor: Aleksandrov Ilya Andreevich, candidate of law sciences, associate professor
Togliatti State University (Tolyatti)

The article is devoted to the peculiarities of disciplinary responsibility and the legal regulation of official behavior of civil servants, and at the same time considers the moral and ethical aspects of such behavior. The author provides some features of disciplinary responsibility, an analysis of the legal norms governing official behavior and fixing the requirements for official behavior at the legislative level. During the analysis, attention is paid to problematic issues of the implementation of such requirements.

Keywords: disciplinary responsibility, official conduct, public service, moral qualities, moral values.

Ни одно современное государство немислимо без наличия органов государственной власти, система которых образует государственный аппарат, а фактически, функции органов государственной власти реализуются государственным гражданскими служащими, в том числе осуществляются от имени государства.

Институт государственной гражданской службы России формировался на протяжении длительного исторического периода, и в настоящее время продолжает развиваться и совершенствоваться. Именно факт осуществления государственным гражданскими служащими возложенных полномочий, которые одновременно являются полномочиями того или иного органа государственной власти обуславливают и особенности дисциплинарной ответственности названной категории служащих, в том числе не только ввиду нарушений при осуществлении служебной деятельности, но и ввиду правонарушений, не связанных со служебной деятельностью, выявление и анализ которых, является целью настоящей статьи.

Юридическая ответственность обеспечивает защиту всего объема общественных отношений, охраняемых правом, чем, в том числе обеспечивается защита интересов личности, государства и общества. Реализация юридической ответственности обеспечивает сужение сферы проявления противоправного поведения, а отсутствие негативных последствий поощряет правопослушное поведение. В качестве необходимых элементов юридиче-

ской ответственности выступают само правонарушение, с одной стороны, и санкция (наказание), с другой [9].

Дисциплинарная ответственность является одним из видов юридической ответственности, что признается безусловно всеми исследователями, и наступает исключительно между субъектами, находящимися в трудовых правоотношениях [14]. Вместе с тем, единства мнений относительно определения дисциплинарной ответственности, не наблюдается [16]. Специальная дисциплинарная ответственность предусмотрена для некоторых категорий работников, обладающих специальными признаками, обусловленными в том числе особенностями работы (службы).

К дисциплинарной ответственности могут привлекаться работники, совершившие дисциплинарный проступок, который и является основанием для наступления рассматриваемого вида ответственности. Определение дисциплинарного проступка приведено законодателем в части 1 статьи 192 Трудового кодекса Российской Федерации [2] (далее — ТК РФ), из которого следует, что проступок имеет место, когда со стороны работника виновно допущено неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей.

Государственная служба, хотя и имеет сходство с трудовыми отношениями, однако отличается от них, в том числе по составу участников рассматриваемых отношений. Государственная служба РФ является одним из видов такой службы, представляющей собой профессиональную дея-

тельностью граждан РФ, которая реализуется при нахождении на должности государственной гражданской службы. Такое определение следует из содержания статьи 3 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3] (далее — Закон о госслужбе). Анализируя названную норму, можно сделать вывод, что государственная служба, в отличие от иной трудовой деятельности обладает рядом основных черт, к числу которых следует отнести следующее:

— государственная служба является профессиональной деятельностью специального работника — государственного служащего;

— должность государственной службы учреждена для обеспечения исполнения полномочий, возложенных законодательством РФ на органы государственной власти.

Таким образом, государственный гражданский служащий (далее — госслужащий) не только исполняет свои обязанности, обусловленные служебным контрактом, должностными инструкциями и иными актами, но и обеспечивает выполнение определенных полномочий органа государственной власти, что предполагает наличие у самого госслужащего определенного объема властных полномочий.

Приведенный вывод позволяет согласиться с определением Е. В. Павловой, сформулировавшей определение дисциплинарной ответственности госслужащих [14], в котором выделены особенности и отличительные свойства названной ответственности, применительно к такому правонарушителю, как госслужащий. Так, названный автор, отмечает, что дисциплинарная ответственность госслужащего является видом государственного принуждения, реализуемого специальными должностными лицами, в отношении специального субъекта правонарушения — госслужащего [14].

Дисциплинарная ответственность в служебном праве является динамичным, но достаточно бессистемно развивающимся видом юридической ответственности госслужащих [16]. Анализ нормативных правовых актов, регулирующих служебные отношения, позволяет констатировать отсутствие у их разработчиков единой концепции построения норм служебного законодательства Российской Федерации.

Так, дисциплинарные взыскания предусмотрены статьей 57 Закона о госслужбе, а порядок их применения определен статьей 58. Анализ части 1 и 2 статьи 58 Закона о госслужбе позволяет сделать вывод, что первоначально, после выявления правонарушения представителем нанимателя, на последнего возлагается обязанность затребовать объяснение у нарушителя, а после проводится служебная проверка, что выглядит не совсем логично с точки зрения последовательности, поскольку представление объяснения нарушителя (либо отказ от предоставления) целесообразнее было бы запрашивать в рамках проведения служебной проверки.

Особый вид дисциплинарной ответственности госслужащих устанавливается за отдельные виды право-

нарушений, к числу которых относятся такие правонарушения, как несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, что следует из содержания статей 59.1. и 59.2. Закона о госслужбе.

Следует отметить и иные виды правонарушений, за совершение которых госслужащий привлекается к дисциплинарной ответственности. По общему правилу, основанием для привлечения лица к дисциплинарной ответственности является дисциплинарный проступок, который в той или иной степени связан со степенью участия в исполнении трудовых обязанностей. Применительно к госслужащим, определяется степень исполнения служебных обязанностей, поведение на службе и в быту, то есть наступление дисциплинарной ответственности возможно за совершение проступка, который не связан со служебными обязанностями, но связан со служебным поведением.

Основанием для регулирования служебного поведения госслужащего обуславливается прежде всего тем, что государственная гражданская служба (далее — госслужба), является способом профессионального обеспечения осуществления полномочий соответствующего государственного органа, что вытекает из понятия госслужбы. Как справедливо отмечает Е. А. Литвинцева, на госслужащих возлагается повышенная ответственность в силу особой специфики госслужбы, поскольку она направлена на укрепление социального порядка, демократических и социальных основ всего государства [12].

Правовое регулирование госслужбы обеспечивается в первую очередь конституционными нормами, закрепляющими в статье 32 Конституции РФ [1] равенство на доступ к рассматриваемому виду службы. По мнению Е. П. Лапа, госслужбу следует также рассматривать, основываясь на статье 3 Конституции РФ, поскольку такая служба является инструментом реализации государственной власти, источником которой является многонациональный народ [11]. Мнение данного автора вполне оправдано, поскольку в качестве способа осуществления власти закрепляется ее осуществление через органы государственной власти, должности в которых и замещаются госслужащими.

Правовое регулирование служебного поведения госслужащих обеспечивается статьей 18 Закона о госслужбе, где закреплены соответствующие обязанности, соблюдение которых обеспечивает особую правовую культуру взаимодействия госслужащих с обществом. В целях реализации названных требований, утверждены Общие принципы служебного поведения госслужащих [5], которые отражают ту линию поведения, которая и характеризует уровень повышенной ответственности госслужащих перед государством, обществом в целом и гражданами.

Следует обратить внимание, что требования к служебному поведению распространяются на сотрудников

правоохранительных органов, например на сотрудников органов внутренних дел в силу положений статьи 13 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] также возлагается обязанность по соблюдению требований к служебному поведению, а сами требования аналогичны тем, что установлены для госслужащих, поэтому такие требования являются универсальными правилами регулирования поведения рассматриваемой категории лиц.

Как следует из части 5 статьи 19 Закона о госслужбе для обеспечения контроля за соблюдением рассматриваемых требований образуется комиссия по соблюдению требований к служебному поведению. В каждом органе государственной власти утверждаются требования к служебному поведению, и как правило, они основаны на Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (далее — Типовой кодекс) [6]. Как указывает Н. Ф. Бережкова, Типовой кодекс не устанавливает различий госслужащих, поэтому можно считать, что его нормы стандартны и могут применяться и к судьям, и к сотрудникам органов государственной власти [8].

Правовое регулирование требований к служебному поведению госслужащих не ограничивается конституционными нормами и нормами федерального законодательства. Требования к служебному поведению могут устанавливаться отдельно в каждом органе государственной власти. Оценка поведения госслужащего на предмет соответствия предъявляемым требованиям к служебному поведению, при наличии соответствующих оснований дает комиссия по соблюдению требований к служебному поведению.

Исходя из приведенных обстоятельств, оценка поведения госслужащего дается названной комиссией, а не представителем нанимателя единолично, хотя названная комиссия и образовывается именно представителем нанимателя. Комиссия по соблюдению требований к служебному поведению, в результате рассмотрения заключения выносит те или иные рекомендации относительно привлечения госслужащего к дисциплинарной ответственности. В некоторых случаях, при совершении особых правонарушений, за которые предусматривается увольнение в связи с утратой доверия (статья 59.2. Закона о госслужбе), наличие заключения комиссия по соблюдению требований к служебному поведению, не является обязательным, что подчеркнул Конституционный Суд РФ [7].

Рассматривая требования к служебному поведению с точки зрения морально-этических аспектов следует исходить из того, что нравственные качества госслужащих всегда соотносились с публичной природой госслужбы [15]. Однако, насколько моральные нормы способны быть регулятором поведения госслужащих всегда являлось сложным вопросом. В отличие от норм права,

нормы морали не санкционированы государством, хотя в определенной степени и существует законодательное закрепление относительно обязанности госслужащих воспитывать в себе моральные ценности, в том числе законопослушность, справедливость, отсутствие политических предпочтений и т. п., что прямо следует из содержания статьи 18 Закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ.

Обращаясь к Типовому кодексу следует отметить, что в пункте 26 приведен перечень действий, от совершения которых госслужащий должен воздержаться и к таким действиям относятся том числе пренебрежительный тон, заносчивость и т. д. При этом приведенные проявления возможного поведения госслужащего, от которого следует воздержаться имеет оценочный характер, что, в свою очередь не позволяет достоверно определить реальное наличие заносчивости или пренебрежительного тона. Исходя из трудности оценки приведенных проявлений возможного негативного поведения госслужащего возникает проблема каким образом возможно достоверно установить наличие таких особенностей в поведении госслужащих.

Установление таких проявлений как заносчивость или пренебрежительный тон в общении в поведении госслужащего важно не только с точки зрения наступления ответственности, но и с точки зрения защиты лиц, в общении с которыми были допущены подобные проявления.

Также следует особо обратить внимание на воспитание нравственных качеств, моральных ценностей у госслужащих, поскольку именно таким образом возможно обеспечить полное соблюдение требований к служебному поведению. Так, А. Ю. Калинин формирует ряд предложений, реализация которых по мнению автора направлена именно формирование нравственной культуры у госслужащих [10]. К числу таких мероприятий названный автор относит не только повышение престижа госслужбы как в обществе, так и в самой системе госслужбы, но и вовлечение жителей в процесс непосредственного взаимодействия с госслужащими, однако наиболее эффективным является Кодекс этики, поскольку госслужащий при поступлении на госслужбу соглашается с его положениями [10].

Вместе с тем мнение относительно наибольшей эффективности Кодекса этики носит дискуссионный характер, что отмечает Н. В. Моргунова [13], поскольку оценку соблюдения Кодекса этики дает комиссия, созданная представителем нанимателя, у которой также возникают трудности с определением оценочных категорий, к числу которых относятся характеристики поведения госслужащего.

Таким образом, дисциплинарная ответственность госслужащих является разновидностью юридической ответственности, и имеет особенности, обусловленные не только участниками правоотношений, но и содержанием тех правовых норм, нарушение которых может стать основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности. Более того, особенности наступления дисциплинарной ответственности указывают на то, что само

правонарушение может быть допущено не только в служебное время, но и в быту.

Правовое регулирование требований к служебному поведению госслужащих не ограничивается конституционными нормами и нормами федерального законодательства. Требования к служебному поведению могут устанавливаться отдельно в каждом органе государственной власти. Оценку поведения госслужащего на предмет соответствия предъявляемым требованиям к служебному поведению, при наличии соответствующих оснований дает комиссия по соблюдению требований к служебному поведению.

Вопросы морально-этической стороны поведения госслужащих нуждаются в более детальном исследовании, выявлении критериев проявлений определенных действий в поведении госслужащего, от которых ему надлежит воздержаться. Такие критерии будут способствовать не только возможности внутренней оценки собственного поведения госслужащим, но и возможности исключить необоснованные обвинения в адрес госслужащего. Названные проблемы необходимо исследовать на междисциплинарном уровне, в том числе с точки зрения социологии, психологии и т. п.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 1993. — № 237.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.01.2002. № 1 (часть I). Ст. 3.
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
4. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) // Российская газета. — 2011. — № 275.
5. Указ Президента РФ от 12.08.2002 № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» (ред. от 25.08.2021) // Российская газета. — 2002. — № 152.
6. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)) // Официальные документы в образовании. — 2011. — № 36.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2022 № 1538-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Московченко Александра Павловича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 59.3 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и подпунктом «а» пункта 16 Положения о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ [Электронный ресурс:] URL: <https://www.ksrf.ru> (дата обращения: 14.03.2025).
8. Бережкова Н. Ф. Правовое регулирование государственной службы в России: этические нормы и присяга / Н. Ф. Бережкова. — Москва: Юнити-Дана: Закон и право, 2017. — 584 с.: ил. — (Научные издания для юристов). — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=682358> (дата обращения: 14.03.2025). — Библиогр.: с. 559–565. — ISBN 978-5-238-02668-8. — Текст: электронный.
9. Власенко О. А. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих в Российской Федерации // Академическая наука. — 2024. — № 4. — С. 64–65.
10. Калинин А. Ю. Особенности правового регулирования этики государственных служащих в сфере исполнительной власти // Закон и право. — 2024. — № 4. — С. 57–64.
11. Лапа Е. П. Конституционно-правовые основы публичной службы в Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. — 2011. — № 2. — С. 51–54.
12. Литвинцева Е. А. Мораль как регулятор служебного поведения государственных гражданских служащих // Среднерусский вестник общественных наук. — 2018. — № 6. — С. 43–56.
13. Моргунова Н. В. Социально-философский анализ феномена этического поведения государственных служащих: аспекты институционализации в системе норм права // Социология. — 2024. — № 7. — С. 207–209.
14. Павлова Е. В. Дисциплинарная ответственность государственных служащих как основной элемент реализации принципа законности в государственном управлении // Государственная служба и кадры. — 2021. — № 2. — С. 192–194.
15. Пресняков М. В. Нарушение служебной дисциплины: принцип *nulla poena sine lege* и эффективность дисциплинарной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2023. — № 4. — С. 922–931.
16. Сороколетова М. А., Крюкова В. В. Дисциплинарная ответственность в трудовом праве, как вид юридической ответственности: понятие и основные принципы // StudNet. — 2022. — № 6. — С. 6211–6219.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 12 (563) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 02.04.2025. Дата выхода в свет: 09.04.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.